

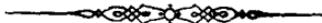
Ал. Шумахеръ.

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ
ЕГО ЖИЗНИ и ЦАРСТВОВАНИЯ.

ТРЕТЬЕ, ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

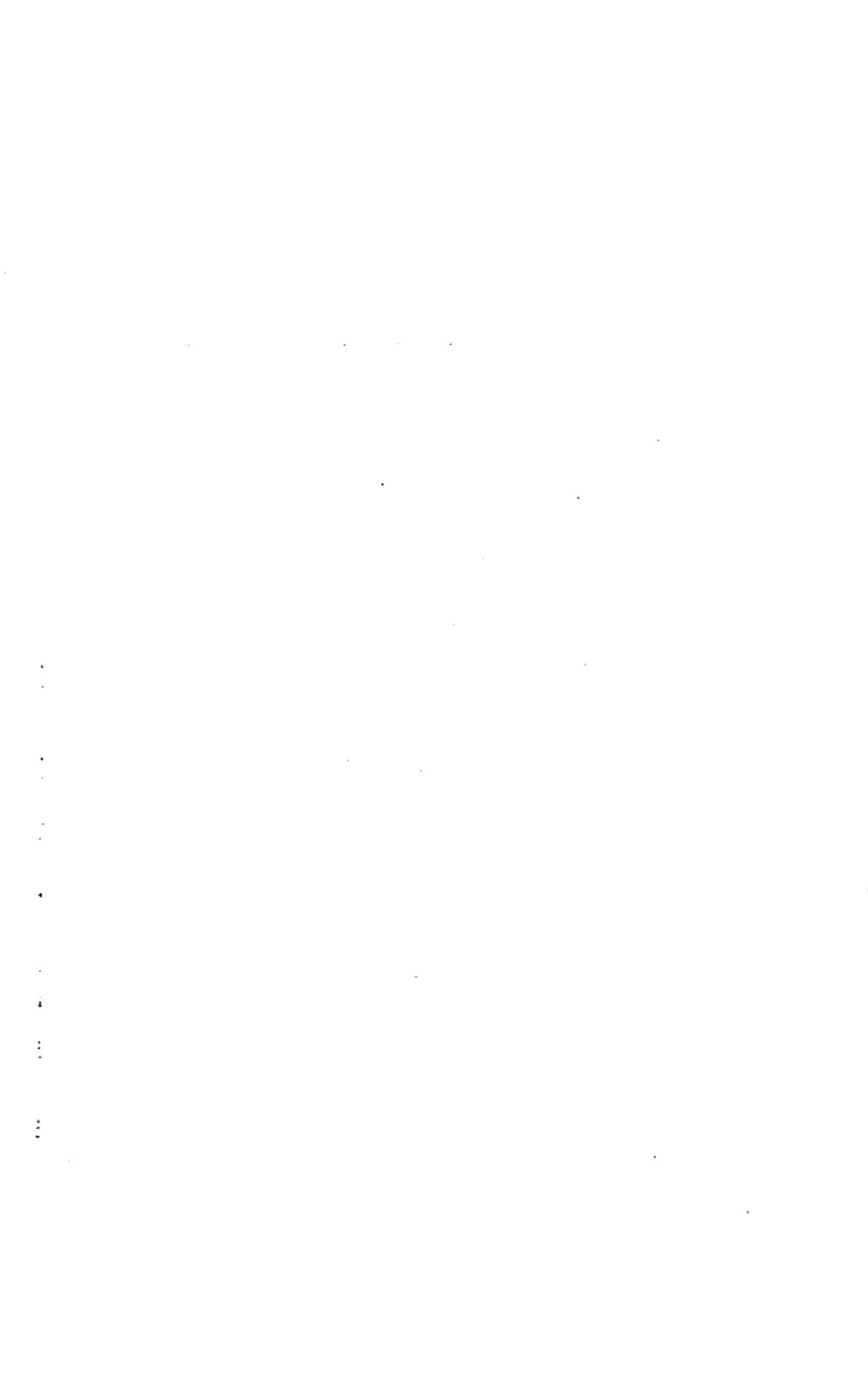
„Сѣверная Электротечатня“ Эд. Эд. Новицкаго. Гороховая, 36.
1903.

Дозволено цензурою. Спб., 2 Апрелья 1903 года.

Оглавленіе.

	страни.
ГЛАВА I. Отъ рожденія до восшествія на престоль . . .	1
» II. Крымская война. — Восшествіе на престоль. — Коронованіе. — Отмѣна отдачи въ солдаты въ видѣ наказанія	26
» III. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зави- симости и устройство ихъ быта.	54
» IV. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. — Введеніе зем- скихъ учрежденій и городского самоуправленія.	82
» V. Преобразование судебной части	96
» VI. Введеніе всеобщей воинской повинности. — За- боты о народномъ образованіи и другія мѣро- пріятія	117
» VII. Усмиреніе польскаго мятежа. — Покореніе Кав- каза. — Завоеванія въ Средней Азіи.	141
» VIII. Русско-Турецкая война 1877—1878 годовъ. . .	162
» IX. Злодѣйскія посягательства на жизнь Государя и мученическая его кончина	193

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II.

Г Л А В А I.

Отъ рожденія до восшествія на престолъ.

Во время свѣтлыхъ праздниковъ Пасхи Христовой, въ среду на святой недѣлѣ, 17 апрѣля 1818 года, въ 11 часовъ утра пушечные выстрѣлы возвѣстили обывателямъ первопрестольной Москвы о рожденіи, въ стѣнахъ ея кремля, у великаго князя Николая Павловича и супруги его, великой княгини Александры Ѳеодоровны, сына—первенца. Въ воскресенье 5-го мая совершено было, въ церкви Чудова монастыря, по установленному обряду, св. крещеніе царственнаго младенца, нареченнаго при этомъ Александромъ,—именемъ царствовавшаго въ то время дяди его, Императора Александра Павловича, бывшаго и восприемникомъ высоконоворожденнаго отъ купели.

По странному стеченію обстоятельствъ, колыбель будущаго Царя-Освободителя явилась тамъ-же, гдѣ была и колыбель Царя-Преобразователя и перваго Императора земли русской—Петра Великаго: только они двое изъ всѣхъ русскихъ Императоровъ были московскими уроженцами.

Извѣстный поэтъ нашъ Василій Андреевичъ Жуковскій, призванный еще въ 1817 году къ высочай-

шему двору для преподаванія великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ русскаго языка, привѣтствовалъ рожденіе великаго князя Александра Николаевича вдохновеннымъ стихотвореніемъ, заключавшимъ въ себѣ истинное пророчество его будущаго величія и славы. Пророчество это выражено поэтомъ въ слѣдующихъ звучныхъ стихахъ:

„Съ душой, на все прекрасное готовой;
 Наставленный: достойнымъ счастья быть,
 Великое съ величіемъ сносить,
 Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
 И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
 Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
 Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*“

Какъ-бы предугадывая великія дѣла будущаго Государя и его самоотверженіе, поэтъ желать ему:

„Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
 Для блага всѣхъ—свое позабывать“.

Осенью 1825 года Императоръ Александръ Павловичъ отправился, для возстановленія своего разстроеннаго здоровья, на югъ Россіи, но во время этого путешествія 19 ноября 1825 года неожиданно скончался, не оставивъ послѣ себя дѣтей. На всероссійскій престолъ вступилъ поэтому братъ покойнаго Государя, великій князь Николай Павловичъ, а семилѣтній въ то время старшій сынъ новаго Императора великій князь Александръ Николаевичъ объявленъ былъ, 12 декабря 1825 года, наслѣдникомъ всероссійскаго престола.

Еще за годъ слишкомъ до этого, когда великому князю Александру и колаевичу исполнилось шесть лѣтъ, къ нему назначенъ былъ воспитатель въ лицѣ капитана Карла Карловича Мердера, обратившаго на себя вниманіе великаго князя Николая Павловича своими высокими нравственными достоинствами, какъ человѣкъ въ высшій степени честный и добрый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, умный и твердый характеромъ.

Лѣтомъ 1824 года К. К. Мердеръ вступилъ въ отправленіе своей новой высокой должности, и съ этого времени вся цѣль его жизни сосредоточилась на томъ, чтобы быть полезнымъ своему августѣйшему питомцу, которому онъ отдавалъ все свое время, не зная ни отдыха, ни досуга, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ его дѣтскихъ играхъ и не оставляя его безъ надзора ни днемъ, ни ночью.

Непрестанно наблюдая за нравственнымъ развитіемъ великаго князя, Мердеръ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ его любовь и довѣріе; постоянное же милостивое къ нему расположеніе Императора Николая Павловича и Императрицы Александры Ѳеодоровны служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ благоразумно и добросовѣстно исполнялъ почтенный воспитатель свои отвѣтственныя обязанности.

При вступленіи на престолъ Императора Николая I, наслѣдникъ его Александръ Николаевичъ находился уже въ томъ возрастѣ, когда нужно было начинать ученіе.

Еще въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича великая княгиня Александра Ѳеодоровна поручила названному поэту В. А. Жуковскому, во время путешествія своего за границу, передать малолѣтнему сыну своему Александру нѣ-

которыя первоначальныя познанія, а затѣмъ, въ 1826 году, вскорѣ послѣ коронованія Императора Николая Павловича, тотъ же Жуковскій назначень былъ наставникомъ къ наслѣднику престола.

Самъ Николай Павловичъ говорилъ, что „хочеть воспитать въ своемъ сынѣ челоѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него Государя“.

Мердеръ и Жуковскій, — воспитатель и наставникъ великаго князя Александра Николаевича, — какъ нельзя лучше содѣйствовали достиженію этой цѣли: взаимно помогая другъ другу въ несеніи общихъ заботъ и преслѣдованіи общей цѣли—образованія ума и сердца порученнаго ихъ попеченіямъ царскаго сына, внушая наслѣднику престола благороднѣйшія мысли и чувства, они воспитывали въ немъ не только будущаго Государя, но и челоѣка, въ самомъ высококомъ значеніи этого слова.

Воспитаніе и обученіе Александра Николаевича должно было преслѣдовать двѣ цѣли: развивать надлежащимъ образомъ сердце великаго князя и въ то же время обогащать умъ его высокими истинами знанія. Обѣ эти цѣли проводились строго и точно по общему подробному «Плану ученія», составленному Жуковскимъ и утвержденному Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Согласно этому плану, ученіе должно было продолжаться съ отрочества до первыхъ лѣтъ молодости, т. е. съ 8-ми до 20-ти лѣтняго возраста, и было направлено къ тому, чтобы изъ царственнаго ученика вышелъ не ученый, а просвѣщенный челоѣкъ.

Отдавшись всецѣло возложенному на него царскому порученію, Жуковскій не щадилъ ни трудовъ, ни силъ своихъ и усердно готовился къ наилучшему выполненію выпавшей на его долю священ-

ной обязанности руководителя нравственного воспитания и умственного развития ввѣреннаго ему царственнаго питомца.

Съ какимъ жаромъ и вниманіемъ принялся Жуковскій за Высочайше ввѣренное ему дѣло образования наслѣдника престола, видно изъ одного частнаго письма его: „Моя настоящая должность“, писалъ онъ, „береть все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе. Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность!.. Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней!“

Стараясь всѣми силами достигнуть обогащенія понятій великаго князя разнообразными знаніями, Жуковскій стремился вмѣстѣ съ тѣмъ образовать изъ него, прежде всего, добродѣтельнаго человѣка, вселяя въ его юномъ сердцѣ чувство уваженія къ человѣческой личности и христіанскую любовь къ ближнему. Жуковскій самъ былъ человѣкомъ съ свѣтлымъ умомъ и доброю, благородною, христіански-чистою душою, и эти-то драгоценныя качества Жуковскаго, —которыя, главнымъ образомъ, и доставили ему высокую честь быть назначеннымъ въ наставники къ наслѣднику престола, —имѣли самое благотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе великаго князя; сѣмена добра и правды, посѣянные опытнымъ наставникомъ въ отзывчивомъ сердцѣ будущаго Царя-Освободителя, не пропали безслѣдно: они упали на добрую почву, взошли и принесли обильные плоды для чести и славы Россіи.

Въ лицѣ своего товарища заботъ и попеченій о наслѣдникѣ престола — К. К. Мердерѣ, Жуковскій

нашелъ человѣка, глубоко уважаемаго имъ за чистоту нравственныхъ свойствъ. Это видно изъ слѣдующаго отзыва о немъ, высказаннаго Жуковскимъ въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ изъ за границы:

„Дѣло идетъ о средствахъ обезпечить успѣхъ воспитанія великаго князя и довести его до принятой цѣли, а именно: образовать въ немъ Монарха Великой Имперіи. Вашъ сынъ, Государыня, переданъ нынѣ на попеченіе двухъ лицъ, изъ которыхъ каждому предназначена своя особенная обязанность. На Мердера возложено нравственное воспитаніе; мнѣ поручено наблюденіе за учебною частью... Мердеру хорошо знакомъ дѣтскій міръ; онъ самъ отецъ; онъ уже имѣлъ надзоръ за чужими дѣтьми; у него характеръ твердый и, что весьма важно, чрезвычайно ровный, такъ что онъ въ состояніи выполнять свой долгъ съ постоянствомъ и выполнять его такъ, чтобы онъ не былъ ни тягостенъ для него, ни обременителенъ для его воспитанника. Такой человѣкъ драгоцѣненъ, и мы весьма счастливы, что имѣемъ его...“

Въ 1827 году Императоръ Николай Павловичъ самъ выбралъ своему сыну въ товарищи по воспитанію и обученію двухъ его сверстниковъ: Графа Юсіфа Віельгорскаго и Александра Паткуля, которые и водворены были съ этою цѣлью въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Состоя въ теченіе почти десяти лѣтъ воспитателемъ великаго князя Александра Николаевича и его товарищей, Мердеръ оставилъ послѣ себя веденныя имъ въ это время записки, въ которыхъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о всѣхъ трехъ его питомцахъ.

Изъ записокъ этихъ видно, что благородное поведеніе Віельгорскаго, его милая дѣтская веселость, искренняя дружеская привязанность къ великому князю и Паткулю, всегдашняя бодрость, постоянное прилежаніе и необыкновенная точность въ исполненіи своихъ обязанностей внушили къ нему любовь и уваженіе обоихъ товарищей и вызвали въ нихъ похвальное чувство соревнованія. Никогда почти не нужно было требовать отъ Віельгорскаго вниманія и дѣятельности; онъ былъ словно помощникомъ своихъ учителей, которые, занимаясь имъ, имѣли удовольствіе видѣть, что онъ уважаетъ ихъ благодѣтельную о немъ попечительность.

Другой товарищъ великаго князя по воспитанію и обученію—Паткуль не отличался ни прилежаніемъ, ни вниманіемъ; онъ не любилъ заниматься, не находилъ удовольствія въ исполненіи обязанностей и даже въ играхъ не имѣлъ ничего постояннаго; но онъ былъ мальчикомъ добраго сердца, обладалъ хорошими способностями и въ особенности прекрасною памятью.

Наконецъ, самъ великій князь Александръ Николаевичъ, какъ свидѣтельствуесть Мердери, одаренъ былъ щедрою рукою природы всѣми способностями, обладалъ необычайно яснымъ и здравымъ умомъ, живымъ, веселымъ нравомъ и прекраснымъ, благороднымъ сердцемъ, всегда готовымъ на все доброе и хорошее. Великій князь питалъ чувство нѣжнѣйшей любви къ своимъ родителямъ, всегда охотно и щедро помогалъ всѣмъ несчастнымъ, нуждавшимся въ помощи, удивлялъ и восхищалъ всѣхъ правильностію своихъ сужденій, своею необыкновенною ловкостію, любезностію, учтивостію и милою дѣтскою непринужденностію. Великій князь отличался цвѣту-

щимъ здоровьемъ, прекраснымъ физическимъ развитіемъ и своею привлекательною наружностію, привѣтливостію, предупредительностію и милою обходительностію располагалъ къ себѣ сердца всѣхъ его видѣвшихъ. Всѣ они, какъ говорить въ своихъ запискахъ Мердеръ, любовались прелестью во всемъ блескѣ восходящаго солнца, благотворною теплотою коего каждый изъ нихъ надѣялся когда нибудь быть согрѣтымъ и преусиѣвать въ благоденствіи.

Единственный недостатокъ, замѣченный Мердеромъ въ своемъ августѣйшемъ воспитанникѣ, состоялъ въ нѣкоторой невнимательности его во время занятій, въ отсутствіи постоянства въ исполненіи по совѣсти своихъ обязанностей, въ неумѣніи всегда въ должной мѣрѣ владѣть собою, словомъ — въ нѣкоторой слабости воли.

Тотъ же недостатокъ замѣченъ былъ въ великомъ князѣ и наставникомъ его — В. А. Жуковскимъ. Вотъ какъ отзывается онъ о своемъ царственномъ питомцѣ въ 1828 году въ письмѣ къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, сообщая объ экзаменахъ, которымъ подвергся Александръ Николаевичъ: „Вижу, что онъ имѣетъ умъ здравый; что въ этомъ умѣ все врѣзывается и сохраняется въ ясномъ порядкѣ; вижу, что онъ имѣетъ много живости; вижу, что онъ способенъ къ благородному честолюбію, которое можетъ довести его далеко, если соединится съ нимъ твердая воля; вижу, наконецъ, что онъ способенъ владѣть собою, почему и имѣю право надѣяться, что онъ, какъ скоро пойметъ всю важность слова *должность*, будетъ умѣть владѣть собою“.

И Жуковскій не ошибся въ своихъ надеждахъ: вся послѣдующая жизнь Александра Николаевича и всѣ великія дѣянія его славнаго царствованія на-

глядно доказали, что отъ подмѣченной въ немъ въ его дѣтскіе годы нѣкоторой слабости воли не осталось и слѣда. Всѣ эти великія дѣянія, начиная съ величайшаго изъ нихъ — освобожденія крестьянъ, текли въ неумолимой, настойчивой послѣдовательности, одно за другимъ, цѣпляясь звено къ звену, какъ выполненіе однажды задуманнаго и строго проводимаго плана, и показали, что настойчивость въ добрѣ, свойственная кроткимъ и мягкимъ отъ природы натурамъ, часто творитъ подвиги гораздо большей рѣшительности, чѣмъ проявляютъ умы жесткаго закала, оставляющіе по себѣ память людей желѣзной воли и сильнаго характера.

Наблюдая въ наслѣдникѣ престола быстрое и рѣдкое развитіе „доброты душевной, здраваго ума, прямого высокаго характера и чистоты сердечной“, Жуковскій приходилъ въ положительный восторгъ и во множествѣ его тогдашнихъ писемъ и записокъ буквально наговориться не могъ о „миломъ Наслѣдникѣ“. „Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенная съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души“—таковы были, по отзыву Жуковского, отличительныя черты характера великаго князя Александра Николаевича. Подъ благотворнымъ же вліяніемъ Жуковского возрастала и крѣпла лежавшая въ благородной отъ природы натурѣ Александра Николаевича горячая любовь къ человѣчеству, ознаменовавшая впослѣдствіи все его царствованіе.

Великій князь Александръ Николаевичъ любилъ обоихъ своихъ товарищей по воспитанію и обученію и былъ любимъ ими взаимно. Живя подъ одною съ ними кровлею, онъ проводилъ вмѣстѣ съ ними все свое время, дѣлилъ съ ними и трудъ, и забавы.

Благодаря неустаннымъ заботамъ Жуковскаго, какъ главнаго руководителя образователей ума и сердца наслѣдника престола, Александръ Николаевичъ былъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, постоянно окруженъ преподавателями изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени.

Великій князь вставалъ обыкновенно въ 6 часовъ утра, готовилъ уроки одинъ, а съ учителями занимался вмѣстѣ съ своими сотоварищами. Дѣтство его проходило беззаботно среди любящей, счастливой семьи, и единственными огорченіями его дѣтскихъ лѣтъ были — случавшаяся разлука съ горячо любимыми имъ родителями или недовольство ихъ своимъ сыномъ. Когда великому князю случалось небрежно приготовить урокъ, онъ былъ въ отчаяніи и горько плакалъ. Если же онъ обнаруживалъ недостатокъ прилежанія въ теченіе нѣсколькихъ дней, то Мердеръ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя, который выражалъ сыну свое неудовольствіе. Тогда Александръ Николаевичъ такъ чувствовалъ свою вину, выказывалъ такое искреннее раскаяніе, что самъ Мердеръ уже просилъ за него снисхожденія у Императора. Мердеръ былъ крайне требователенъ, иногда даже слишкомъ строгъ съ своимъ малолѣтнимъ воспитанникомъ; но великій князь любилъ его, тѣмъ не менѣе, всею душою. Стоило сказать Мердеру, что какая-нибудь шалость или капризь его огорчаютъ, — и великій князь бросался къ нему на шею и просилъ прощенія: такъ пугалось его доброе сердце одной мысли огорчить любимаго воспитателя. Строгий Мердеръ и его кроткій воспитанникъ были большими друзьями.

Александръ Николаевичъ былъ смѣлый мальчикъ, великолѣпно ѣздилъ верхомъ, отважно плавалъ и

нырялъ во время купанья и вообще уже съ ранняго дѣтства удивлялъ всѣхъ своею ловкостью и неустрашимостью. Уже въ пору ранняго дѣтства военныя игры были любимую забавою великаго князя. На парадахъ восьмилѣтній наслѣдникъ, ловко гарцуя на конѣ во флангѣ лейбъ-гусарскаго полка, возбуждалъ удивленіе иностранныхъ генераловъ и восторгъ многотысячной толпы. Въ лѣтнее время Александръ Николаевичъ, всегда сопровождаемый Мердеромъ, занимался изученіемъ военнаго искусства, участвуя, вмѣстѣ съ кадетами, на маневрахъ. Ночевать гдѣ-нибудь на сѣнѣ, на полу, вмѣстѣ съ кадетами, доставляло ему неопишуемое удовольствіе. Но любивъ отъ души военное дѣло, великій князь не увлекался имъ чрезмерно, во вредъ общему воспитанію.

Въ Александрѣ Николаевичѣ съ очень юныхъ лѣтъ обнаружилась, по свидѣтельству его учителей, блестящія природныя дарованія и выдающіяся нравственныя качества. Онъ росъ крѣпкимъ и сильнымъ, и съ лѣтами все болѣе и болѣе укрѣплялся здоровый духъ въ его здоровомъ тѣлѣ.

Знакомя своего августѣйшаго ученика съ тѣмъ, что его окружаетъ и съ тѣмъ, что онъ есть, Жуковскій сталъ объяснять ему также и то, чѣмъ онъ быть долженъ... Жуковскій былъ полонъ мыслью о томъ, что цѣль воспитанія есть образованіе для добродѣтели. Онъ безконечно радовался своей непорочной душою, когда его юному питомцу случалось сказать или сдѣлать что-либо такое, изъ чего онъ видѣлъ, что великій князь все болѣе и болѣе сознаетъ, что значить долгъ и достоинство человѣка.

Среди блеска высочайшаго двора, окруженный роскошью и почетомъ, Александръ Николаевичъ

никогда не выказывалъ ни малѣйшей надменности или тщеславія. Съ раннихъ лѣтъ привлекалъ онъ къ себѣ сердца всѣхъ своимъ здравымъ умомъ, правдивостію, кротостію и въ особенности любовію ко всему доброму и отвращеніемъ отъ всего дурного и порочнаго.

Великій князь никогда не могъ видѣть безъ участія нужды и горя. Во время своихъ далекихъ прогулокъ съ Мердеромъ или Жуковскимъ, онъ нерѣдко заходилъ къ какому-нибудь бѣдняку и охотно помогалъ ему. И чѣмъ старше становился Александръ Николаевичъ, тѣмъ крѣпче западало въ душу его состраданіе ко всѣмъ несчастнымъ и нуждающимся.

Подобно Мердеру и Жуковскому, на нравственное развитіе наслѣдника престола имѣлъ прекрасное вліяніе и законоучитель его, протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, бывшій самымъ ревностнымъ и просвѣщеннымъ сотрудникомъ Жуковскаго. Молодое сердце великаго князя было уже отъ природы открыто всему доброму и прекрасному, и на это-то сердце, вмѣстѣ съ Мердеромъ и Жуковскимъ, началъ дѣйствовать и протоіерей Павскій, вліяя на него высокими истинами христіанской религіи, которыя онъ умѣлъ передавать съ необыкновенною ясностію, простотою и послѣдовательностію. Мердеръ, Жуковскій и Павскій были собственно тѣ три лица, которыя больше всѣхъ содѣйствовали развитію чувствъ доброты и человеколюбія въ будущемъ Государѣ.

Подъ благотворнымъ руководствомъ столь доблестныхъ людей, прирожденные Александру Николаевичу благіе задатки быстро и мощно развились въ немъ въ тѣ высокія человѣческія достоинства, благодаря которымъ онъ въ послѣдствіи такъ просла-

вился и возвеличился. Вся жизнь и дѣятельность его представляется живымъ воплощеніемъ его безпредѣльной доброты душевной, истинной человѣчности и горячей любви къ людямъ вообще и къ народу русскому въ особенности. Человѣколюбіе было какъ бы прирожденнымъ качествомъ Александра Николаевича и служило главнымъ, основнымъ источникомъ всѣхъ его высокихъ стремленій и великихъ дѣяній; оно побуждало его на всѣ подвиги милосердія и самоотверженія, оно же, вмѣстѣ съ непоколебимою вѣрою въ Бога, поддерживало и его долготерпѣніе среди всѣхъ ниспосланныхъ ему Провидѣніемъ испытаній.

Весною 1829 года Императоръ Николай Павловичъ предпринялъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, путешествіе въ Варшаву, а затѣмъ и за границу. Какъ воспитатель наслѣдника, Мердеръ сопровождалъ въ этомъ путешествіи царское семейство и ежедневно записывалъ наиболѣе выдающіеся поступки своего воспитанника. 19 марта, — сообщаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — великій князь Александръ Николаевичъ услыхалъ отъ матери своей, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, что онъ будетъ сопровождать Ея Величество въ Варшаву; рассказывая объ этомъ своему воспитателю, великій князь спросилъ, откуда возьмутъ такое множество лошадей, и, на данное ему Мердеромъ объясненіе, замѣтилъ: „Какое несчастіе для бѣдныхъ мужиковъ, которые принуждены будутъ отдавать своихъ лошадей въ такое время года, когда сами въ нихъ нуждаются!“

По свидѣтельству Мердера, Александръ Николаевичъ, имѣвшій въ то время всего 11 лѣтъ отъ роду, съ особеннымъ вниманіемъ относился къ путе-

вымъ впечатлѣнїямъ и, замѣчая бѣдность крестьянскихъ хижинъ, выражалъ сожалѣнїе. „Изъ Дубровки“, пишетъ Мердеръ въ своемъ дневникѣ, „мы пошли съ Александромъ Николаевичемъ пѣшкомъ впередъ и успѣли пройти 9 верстъ, прежде нежели насъ нагнали экипажи. Въ 10 часовъ мы сѣли въ коляску и помчались по дорогѣ, устѣянной полуразвалившимися хижинами, изъ оконъ коихъ выглядывали блѣдныя, бѣдностію и рабствомъ искаженныя лица. Проѣзжая деревни, коихъ строенїя и сады были крайне запущены и разорены, великій князь удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ“.

Во время того же путешествїя имѣлъ мѣсто еще слѣдующій случай, о которомъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ Мердеръ. Проѣзжая черезъ деревню Яблонку, между городами Пултускомъ и Варшавою, великій князь навѣстилъ, вмѣстѣ съ отцомъ—Императоромъ, казармы 8-го линейнаго полка, причемъ шелъ за Государемъ. Одинъ заслуженный, украшенный знаками отличїя, офицеръ, поглядѣвъ съ умиленїемъ на проходившаго мимо него наследника, обратился къ нему со словами: „Я-бы желалъ имѣть счастье поцѣловать вашу руку“.—„Позвольте лучше мнѣ имѣть честь поцѣловать васъ“,—возразилъ ему Александръ Николаевичъ и съ этими словами бросился на шею къ изумленному офицеру, который послѣ поцѣлуя старался схватить руку наследника, но великій князь, увернувшись, снялъ фуражку, поклонился и, какъ стрѣла, пустился за Государемъ.

Сохранился также рассказъ еще о слѣдующемъ событїи изъ дѣтства Александра Николаевича.

Въ началѣ мая 1831 г., по набережной рѣки Фонтанки въ С.-Петербургѣ, шелъ наследникъ Александръ Николаевичъ въ сопровожденїи генерала Мер-

дера. Оглядываясь своими добрыми голубыми глазами по сторонамъ, великій князь замѣтилъ, что на одной изъ стоящихъ на рѣкѣ барокъ лежитъ, подъ солнечнымъ припекомъ, какой-то старикъ рабочій, прикрытый, вмѣсто одѣяла, грязною рогожею; при этомъ онъ весь трясся и громко стоналъ. Не успѣвъ Мердеръ оглянуться, какъ наслѣдникъ, по насланнымъ мосткамъ и доскамъ, быстро пробѣжалъ прямо на барку, наклонился надъ старикомъ и сталъ его о чемъ-то спрашивать. Мердеръ, видимо недовольный, осторожно послѣдовалъ за своимъ воспитанникомъ на барку. Но, по мѣрѣ разспросовъ несчастнаго, мучавшагося въ лихорадкѣ, старика-рабочаго, недовольство на серьезномъ лицѣ Мердера исчезало, а великій князь, вынувъ изъ кармана платокъ, утиралъ катившіяся изъ его глазъ слезы. Затѣмъ Мердеръ досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него золотой и подаль наслѣднику, который наклонился къ больному старику и положилъ ему деньги на грудь, подъ рогожу. Больной сказалъ что-то и перекрестился нѣсколько разъ, а Мердеръ и великій князь, осторожно ступая по мосткамъ и доскамъ, перебрались съ барки обратно на панель и пошли дальше. Мердеръ о чемъ-то говорилъ, какъ бы сильно взволнованный, а великій князь шелъ молча рядомъ: глаза его были красны отъ недавнихъ слезъ, а задумчивое лицо было исполнено глубокой грусти и печали.

Послѣ кончины цесаревича Константина Павловича, великій князь и наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ пожалованъ былъ 30 августа 1831 года титуломъ цесаревича.

Среди занятій науками, игръ и увеселеній всякаго рода незамѣтно промелькнули годы дѣтства и отрочества Александра Николаевича, и Мердеръ имѣлъ

радость видѣть, какъ исчезъ безвозвратно послѣдній слѣдъ дѣтской лѣни въ его царственномъ питомцѣ и какъ всѣ способности благородной души его проснулись къ дѣятельной жизни.

Привязанность Александра Николаевича къ Мердеру не имѣла границъ, а когда Мердеръ, по обнаружившейся у него болѣзни сердца, долженъ былъ, весною 1833 года, разстаться съ великимъ княземъ и уѣхать за границу, цесаревичъ въ продолженіи цѣлаго года переписывался съ нимъ аккуратно каждую субботу, называя его „безцѣннымъ, милымъ другомъ“ и отдавая ему отчетъ во всѣхъ своихъ занятіяхъ, поступкахъ и помыслахъ.

Радовался и Императоръ Николай Павловичъ, глядя на достойнаго первенца своего. „Я имъ доволенъ“, писалъ счастливый отецъ о 15-тилѣтнемъ цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ къ его воспитателю,—„у него сердце доброе, готовое на все хорошее и благородное“. Благоговѣнно и преданно полюбилъ наследника престола и весь народъ русскій: все заставляло видѣть въ немъ вѣрный залогъ благословенія Божія на царство русское, все внушало благую надежду, что онъ будетъ радостію и утѣхою народа, славою и гордостію Россіи.

17-го апрѣля 1834 года великому князю Александру Николаевичу исполнилось 16 лѣтъ,—каковой возрастъ, согласно основнымъ законамъ Россійской Имперіи, считается для наследника престола возрастомъ совершеннолѣтія, а потому будущій Государь 22-го того-же апрѣля принесъ торжественную присягу на вѣрное служеніе своему отечеству.

Пожелавъ ознаменовать свое совершеннолѣтіе добрымъ дѣломъ, великій князь препроводилъ петербургскому и московскому генераль-губернаторамъ

по 50.000 руб. для распределенія этихъ суммъ между наиболѣе нуждающимися жителями обѣихъ столицъ.

Наканунѣ своего совершеннолѣтія Александръ Николаевичъ въ письмѣ къ Мердеру называлъ его «вторымъ отцомъ». Но когда цесаревичъ писалъ эти строки, Мердера уже не было въ живыхъ: онъ тихо скончался 24-го марта 1834 года за границею, вдали отъ своего питомца, при особѣ котораго провелъ, въ постоянныхъ трудахъ и заботахъ, десять лѣтъ самой неутомимой, самой ревностной дѣятельности. Привязанность Мердера къ великому князю была такъ сильна, что послѣднее слово, произнесенное имъ на смертномъ одрѣ, было драгоцѣнное для него имя цесаревича, который, въ свою очередь, оплачивалъ своему воспитателю такую-же безпредѣльную къ нему любовью и преданностью. Чувство самой нѣжной дружбы связывало Александра Николаевича съ его достойнымъ воспитателемъ, смерть котораго была для него тяжелымъ ударомъ.

Вотъ что писалъ о Мердерѣ, по случаю его кончины, Жуковскій:

«Изъ сорока шести лѣтъ жизни своей, посвятилъ онъ тридцать на службу Государю; и послѣднія десять провелъ безотлучно при особѣ Его Высочества Наслѣдника, коего воспитаніе было ему ввѣрено. Отмѣнно здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души—таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ ясныя правила, извлеченныя имъ изъ опытовъ жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, ру-

ководимый одной совѣстью, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника; но въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благораствореніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полного развитія растений. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подѣ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ; самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ—одно безкорыстіе. Могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не приобрести и уваженія къ челоуѣчеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ? Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера. Провидѣніе разлучило ихъ въ минуту, важную для обоихъ. Все земное кончилось для одного въ то время, когда другой вступалъ въ храмъ для первой присяги на жизнь земную. Одинъ, при переходѣ въ лучший міръ, простился съ здѣшнимъ, произнося свое любимое здѣшнее имя: Александръ, Александръ“...

Но и послѣ достиженія совершеннолѣтія еще три года провелъ Александръ Николаевичъ за серіозными научными занятіями, заботясь о своемъ всестороннемъ просвѣщеніи. Жуковскій внашалъ ему, что

власть Царей исходитъ отъ Бога, и что на высотѣ престола Государь долженъ являть высочайшій примѣръ покорности правдѣ Божіей... Наслѣдникъ постоянно дѣлился мыслями съ Жуковскимъ, относился къ нему съ величайшимъ почтеніемъ, довѣріемъ и любовью, какъ къ наставнику и другу.

Въ началѣ мая 1837 г., для пополненія книжнаго ученія и домашняго воспитанія, наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго, большое путешествіе по Россіи, съ цѣлью нагляднаго изученія разнообразныхъ мѣстностей своего обширнаго отечества и личнаго ознакомленія съ бытомъ и жизнью, нуждами и потребностями многомилліоннаго народа, его населяющаго.

Желѣзныхъ дорогъ въ Россіи въ то время еще не было (существовала одна только Николаевская желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою), и потому все путешествіе пришлось совершить на лошадяхъ, въ экипажахъ.

Слѣдуя черезъ многіе города Россійской Имперіи, цесаревичъ посѣщалъ всюду замѣчательные въ томъ или другомъ отношеніи соборы, церкви и монастыри, обзрѣвалъ съ особымъ вниманіемъ историческія достопримѣчательности каждаго встрѣчавшагося на пути города и селенія и подробно осматривалъ фабрики и заводы, а также правительственныя, учебныя и благотворительныя заведенія.

Во время этого путешествія, продолжавшагося около восьми мѣсяцевъ, юный наслѣдникъ престола имѣлъ случай лично увидать и узнать бытъ и нужды своего народа; онъ увидѣлъ и узналъ свое отечество и съ хорошей и съ дурной стороны, изучилъ его внутренній складъ, сходилъ съ людьми, близко знакомыми съ особенностями и потребностями той

или другой мѣстности. Жуковскій водилъ своего царственнаго питомца не только въ богатыя хоромы, но и въ убогія крестьянскія избы, гдѣ великій князь видѣлъ горе тяжкое, бѣдность непроглядную, слышалъ рѣчи скорби народной. Очень понято, что такое путешествіе, совершенное притомъ въ молодые годы, когда душа особенно впечатлительна и воспріимчива, должно было имѣть огромное вліяніе на всю послѣдующую жизнь будущаго Императора. Доброе сердце цесаревича болѣло; горе народа стало его горемъ. Крѣпко залегло ему на душу помочь бѣднякамъ, облегчить ихъ горькую участь; и по восшествіи на престолъ онъ не замедлилъ привести завѣтное желаніе свое въ исполненіе.

Во всѣхъ мѣстахъ по пути слѣдованія высокаго путешественника толпы народа встрѣчали и проводжали государева сына непрерывными привѣтственными кликами, выказывая трогательное умиленіе и простое, неподдѣльное чувство радости и сердечнаго расположенія. Горожане подносили хлѣбъ-соль, дворянство давало блестящіе балы и пышныя празднества, простой же народъ, выпрягая зачастую лошадей изъ экипажа цесаревича, добивался счастья везти его на себѣ. По пріѣздѣ же наследника въ Сибирь, населеніе этого края пришло въ положительный восторгъ. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ первый изъ августѣйшихъ особъ, посѣтившій этотъ отдаленный край, а потому жители Сибири встрѣчали его восторженными словами: „доселѣ нашъ край былъ Сибирью, съ сихъ поръ сталъ Россіей“.

Уже въ этомъ путешествіи обрисовалось наглядно великое челоуѣколюбіе Александра Николаевича. Бывши въ Сибири, цесаревичъ имѣлъ случай уви-

дѣть собственными глазами, какое страшно тяжелое положеніе приходится выносить сосланнымъ туда преступникамъ. Покоряясь доброму движенію своего человѣколюбиваго сердца, глубоко тронутый наслѣдникъ пишетъ изъ Сибири къ державному родителю своему и со всею свободою сына молить его любящею душою объ облегченіи тяжелой участи каторжниковъ. 24-го іюля, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска, Александра Николаевича встрѣтилъ фельд-егеръ и вручилъ ему письмо отъ Государя, въ которомъ Императоръ Николай Павловичъ извѣщалъ сына-наслѣдника о своемъ повелѣніи смягчить положеніе каторжныхъ и уменьшить нѣкоторымъ изъ нихъ сроки наказанія. Цесаревичъ поспѣшилъ сообщить Жуковскому содержаніе этого письма, и тутъ же, среди дороги, подъ открытымъ небомъ, наслѣдникъ престола и его другъ-наставникъ обнялись во имя Царя, возвѣстившаго имъ милость къ несчастнымъ. Жуковскій не могъ безъ слезъ вспоминать этой минуты, которую называетъ „одною изъ счастливейшихъ въ своей жизни“. Поэтъ-наставникъ видѣлъ, на какую благодатную почву упали его уроки, его совѣтъ—въ самыхъ высокихъ положеніяхъ жизни, среди величайшихъ успѣховъ, „не забывать святѣйшаго изъ званій—человѣка“.

Обѣхавъ около 30 губерній своего отечества, Александръ Николаевичъ повсюду внимательно выслушивалъ народъ, освѣдомлялся о его нуждахъ и потребностяхъ и лично принялъ до 16-ти тысячъ просьбъ, изъ которыхъ наиболѣе важныя представлены были затѣмъ Государю.

10-го декабря того-же 1837 года Александръ Николаевичъ, послѣ восьмимѣсячнаго путешествія, возвратился въ С.-Петербургъ. Главную пользу отъ этого

путешествія Жуковскій видѣлъ не столько въ приобрѣтеніи наслѣдникомъ свѣдѣній о состояніи Россіи, сколько въ томъ глубокомъ нравственномъ впечатлѣніи, которое производила на него встрѣчаемая имъ всюду непритворная народная любовь и преданность. Да и самъ цесаревичъ былъ, съ своей стороны, полонъ радостнаго, благодарнаго чувства къ русскому народу. Онъ видѣлъ родину свою и народъ свой лицомъ къ лицу и почувствовалъ, что въ груди его бьется русское сердце. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ наставниковъ онъ выразилъ общее впечатлѣніе свое отъ путешествія слѣдующими словами: „Я своими глазами и вблизи познакомился съ нашей матушкой Россією и научился еще болѣе любить ее и уважать. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ“.

Возвратясь изъ своего путешествія по Россіи, Александръ Николаевичъ прослушалъ еще, въ началѣ 1838 года, высшіе курсы наукъ государственныхъ, знаніе которыхъ признано было необходимымъ для наслѣдника престола, какъ будущаго правителя государства; послѣ чего воспитаніе и обученіе наслѣдника цесаревича было закончено.

Въ началѣ мая 1838 года, Александръ Николаевичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и прочихъ особъ свиты, новое продолжительное путешествіе, на этотъ разъ {уже за границу своего отечества, въ чужіе края, знакомство съ которыми должно было довершить образованіе цесаревича. Жуковскій не могъ нарадоваться тому впечатлѣнію, которое произвелъ наслѣдникъ повсюду за границею. „Вездѣ“, — сообщалъ онъ въ письмѣ къ Императрицѣ, — „поняли его чистоту душевную, его прямой,

высокій характеръ; всюду произвелъ онъ одинаковое впечатлѣніе: его полюбили и отдали справедливость тѣмъ качествамъ, которыя онъ подлинно имѣеть, его чистому сердцу, его здравому уму и тому достоинству, которое онъ непринужденно и самымъ привлекательнымъ образомъ сохраняетъ“.

Но среди всѣхъ новостей и радостей заграничной поѣздки, Александръ Николаевичъ постоянно вспоминалъ свою родную Россію, свое по ней путешествіе, народную къ нему любовь и привязанность, велъ переписку съ близкими ему людьми и получалъ изъ Россіи новыя книги. „Сколько разъ“, писалъ онъ изъ заграницы своему бывшему преподавателю исторіи, Арсеньеву, „вспоминалъ я, во время моего европейскаго странствованія, наше російское путешествіе, которое на всю жизнь оставило мнѣ самое пріятное воспоминаніе“.

Побывавъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы, цесаревичъ въ концѣ іюня 1839 г. возвратился въ С.-Петербургъ, а затѣмъ весною слѣдующаго 1840 года вновь отправился за границу, куда теперь влекла его уже не одна любознательность, но и желаніе выбрать себѣ по сердцу подругу жизни. Выборъ Александра Николаевича палъ на пятнадцатилѣтнюю дочь великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, принцессу Марію, на которую онъ обратилъ особое вниманіе еще при первомъ посѣщеніи Дармштадта въ 1839 году.

Въ сентябрѣ того же года высоконарѣченная невѣста наслѣдника цесаревича имѣла торжественный въѣздъ въ С.-Петербургъ, гдѣ она приняла св. миропомазаніе по уставу православной церкви, съ нарѣченіемъ ея великою княжною Марією Александровною, а 16-го апрѣля 1841 года совершилось и бракосочетаніе ихъ Высочествъ.

Со вступленіемъ въ супружество, для Александра Николаевича начались годы безмятежнаго семейнаго счастья. Господь благословилъ брачный союзъ его съ Маріей Александровной многочисленнымъ потомствомъ. Только старшая дочь ихъ, великая княжна Александра Александровна скончалась, къ безутѣшной горести родителей, въ младенческомъ возрастѣ; четыре же сына, великіе князья Николай, Александръ, Владиміръ и Алексѣй Александровичи и вторая дочь, великая княжна Марія Александровна, родившіеся до воцаренія, равно какъ и два младшихъ сына, великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, родившіеся уже по вступленіи Александра Николаевича на престолъ, росли, развивались и разцвѣтали подъ попечительнымъ взоромъ нѣжно любившихъ ихъ отца и матери. Какъ ни занятъ былъ Александръ Николаевичъ государственными дѣлами, онъ все же, и въ бытность наслѣдникомъ престола, и даже впослѣдствіи, уже будучи Императоромъ, постоянно удѣлялъ вниманіе и августѣйшей семьѣ своей, и воспитаніе дѣтей составляло предметъ несыпныхъ его заботъ и попеченій.

Въ 1844 и затѣмъ въ 1847 году Александръ Николаевичъ и супруга его Марія Александровна ѣздили въ Дармштадтъ, съ цѣлью посѣщенія семьи родныхъ цесаревны.

Въ сентябрѣ 1850 года Александръ Николаевичъ предпринялъ новое путешествіе на югъ Россіи и на Кавказъ. Мирные туземные жители и храбрыя русскія войска встрѣчали и провожали его всюду восторженно. Во время этого путешествія молодой наслѣдникъ цесаревичъ, принимая участіе въ экспедиціи русскаго отряда, подъ предводительствомъ намѣстника кавказскаго, противъ горцевъ, выказалъ

великое самоотверженіе и поразившую всѣхъ храбрость, за что и пожалованъ былъ Государемъ, по представленію намѣстника Кавказа, орденомъ святого великомученика Георгія 4-ой степени. Случай, доставившій Александру Николаевичу этотъ знакъ отличія, заключался въ томъ, что цесаревичъ, находясь, 26 октября 1850 года, при слѣдованіи русскаго воинскаго отряда на встрѣчу партіи горцевъ и услыжавъ за цѣпью горъ перестрѣлку непріятели, немедленно поскакалъ по направленію порестрѣлки съ такою быстротою и отважностью, что жизнь его подверглась явной опасности.

Въ 1852 году скончался за границею В. А. Жуковскій. Тѣло его привезено было въ С.-Петербургъ и въ Александро - Невской лаврѣ отслужена была надъ нимъ панихида, въ присутствіи Александра Николаевича, сохранившаго на всю жизнь нѣжную любовь и глубокое уваженіе къ своему бывшему наставнику. Слезы цесаревича, оплакивавшаго утрату своего горячо любимаго наставника, смѣшались со слезами почитателей Жуковскаго, какъ маститаго поэта, и гробъ его, вмѣстѣ съ другими друзьями покойнаго, несъ изъ церкви до самой могилы также и наслѣдникъ цесаревичъ.

Въ продолженіе всѣхъ лѣтъ до восшествія на престоль Александръ Николаевичъ посвящалъ свое время трудамъ государственнымъ, выполняя, согласно волѣ своего августѣйшаго родителя, разнородныя, возлагавшіяся на него, высочайшія порученія.

Съ каждымъ годомъ досуги цесаревича сокращались и время его все болѣе и болѣе поглощалось обширною и разнообразною государственною дѣятельностью, причемъ Императоръ Николай Павловичъ неоднократно выражалъ ему открыто свою живѣй-

шую признательность и сердечную благодарность за неусыпные труды его и вполнѣ успешное выполнение возлагавшихся на него обязанностей.

ГЛАВА II.

**Крымская война. — Восшествіе на престолъ. —
Коронованіе. — Отмѣна отдачи въ солдаты въ
видѣ наказанія.**

Въ концѣ 1853 года наступило тяжелое, бозотрадное время для земли русской.

Еще въ XV столѣтіи, т. е. свыше 400 лѣтъ тому назадъ, Балканскій полуостровъ, на которомъ жили, между прочимъ, славянскія племена: болгары и сербы, завоеванъ былъ турками—народомъ другой вѣры и другого племени. Послѣ этого балканскіе славяне потеряли свою независимость, подпали подъ владычество дикихъ турокъ и съ тѣхъ поръ томились въ турецкой неволѣ, претерпѣвая всевозможныя невзгоды и притѣсненія.

Положеніе подвластныхъ Турціи православныхъ христіанъ было по истинѣ ужасно: эти „невѣрные“, „райя“ (рабочій скотъ) или „гяуры“ (собаки), какъ называли ихъ турки, не имѣли ни тѣхъ правъ, ни той свободы вѣроисповѣданія, которыми пользовались мусульманскіе подданные турецкаго султана.

Собирая съ подвластныхъ Турціи славянскихъ народовъ подати, турецкіе чиновники прибѣгали къ страшнымъ жестокостямъ и возмутительному насилію, брали не только то, что слѣдовало, но забирали все, что только можно было забрать, угоняли скотъ,

сжигали, разграбляли и опустошали цѣлыя села и деревни, подвергая жителей ихъ различнымъ мученіямъ, убивали дѣтей и женщинъ, смѣялись надъ христіанскою вѣрою.

Изъ всѣхъ европейскихъ державъ несчастію славянъ сочувствовала искренно одна только Россія. Начиная съ Петра Великаго, всѣ русскіе Государи принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ подвластныхъ Турціи славянъ, являлись постоянно ихъ защитниками и покровителями, заступались за нихъ передъ европейскими государствами и турецкимъ султаномъ.

Православные русскіе люди всегда считали за великое счастье побывать въ Іерусалимѣ, у Святыхъ Мѣстъ, находящихся во власти султана и постоянно массами стекаются туда на поклоненіе Гробу Господню. Исповѣдуя христіанскую религію греческаго закона, которую исповѣдуетъ и бѣльшая часть христіанскаго населенія Турціи (греки, сербы, молдаване и проч.), Россія искони пользовалась въ Святыхъ Мѣстахъ бѣльшими правами и преимуществами, чѣмъ всѣ прочія государства Западной Европы.

Между тѣмъ, въ концѣ 1853 года Турція, слѣдуя внушенію Франціи, сдѣлала въ Іерусалимѣ нѣкоторыя уступки въ пользу католиковъ, причемъ самое важное нарушеніе вѣковыхъ правъ православной греческой церкви, оскорбившее какъ духовенство, такъ и все православное народонаселеніе Россіи, заключалось въ томъ, что у православнаго патріарха въ Іерусалимѣ отняты были находившіеся у него до тѣхъ поръ ключи отъ главныхъ дверей Виелеемской церкви и переданы католическому духовенству; по существующему же въ Святыхъ Мѣстахъ мнѣнію, обладаніе этими ключами какъ-бы обозначаетъ обладаніе всѣмъ храмомъ.

Императоръ Николай Павловичъ, какъ защитникъ и покровитель христіанскаго населенія Турціи, потребоваль, чтобы вѣковыя права православной церкви въ Святыхъ Мѣстахъ и вообще права христіанъ въ Турецкой Имперіи были возстановлены. Но Турецкій султанъ, надѣясь на обѣщанную ему поддержку со стороны двухъ могущественнѣйшихъ тогда западно-европейскихъ державъ—Франціи и Англии, отказался удовлетворить справедливое требованіе русскаго Государя и такимъ образомъ вызваль Россію на войну съ Турціею.

Таковы были причины начавшейся осенью 1853 г. и нынѣ еще живой въ памяти русскаго народа Восточной или Крымской войны, веденной одновременно въ двухъ частяхъ свѣта—въ Европѣ и въ Азіи и притомъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Сначала Россія воевала съ одною только Турціею. Турки первые начали военныя дѣйствія, но вездѣ были разбиваемы русскими войсками и постоянно терпѣли пораженія, хотя и избѣгали рѣшительныхъ сраженій.

Особенно блистательная побѣда одержана была русскими надъ турками при турецкомъ городѣ Синопѣ на южномъ берегу Чернаго моря. Русскимъ флотомъ командоваль храбрый и опытный адмиралъ П. С. Нахимовъ. Въ ноябрѣ 1853 года Нахимовъ, крейсируя въ Черномъ морѣ, отыскаль турецкій флотъ, стоявшій на Синопскомъ рейдѣ, подъ защитою береговыхъ укрѣпленій. Не смотря на то, что турецкихъ кораблей было гораздо больше, чѣмъ русскихъ, Нахимовъ немедленно бросился на непріятели и послѣ ожесточеннаго боя, длившагося менѣе чѣмъ полтора часа, турецкій флотъ былъ совершенно истребленъ. Самъ начальникъ его, Османъ-Паша, былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Морская побѣда надъ турками при Синопѣ, свидѣтельствовавшая объ отличномъ состояніи русскаго черноморскаго флота, сильно встревожила Францію и Англію, которыя, желая остановить Россію на пути къ могуществу и опасаясь за самое существованіе слабой Турціи, поспѣшили ей на помощь: сильный флотъ ихъ появился въ Черномъ морѣ и началъ препятствовать русскимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны русскихъ береговъ.

Съ этого времени Россія должна была одна, безъ союзниковъ, вести войну съ тремя сильными державами, защищаться не отъ однихъ только турокъ, но и отъ англичанъ и французовъ, поставившихъ себѣ цѣлью—обезсилить Россію и низвести ее съ того положенія, которое она занимала въ средѣ европейскихъ державъ. Борьба была не равная. Враги наши были велики числомъ и имѣли на своей сторонѣ превосходство оружія и путей сообщенія: между тѣмъ какъ они легко получали подкрѣпленія и продовольствіе при помощи своего огромнаго флота, сообщеніе внутренней Россіи съ ея окраинами, за отсутствіемъ у насъ въ то время желѣзныхъ дорогъ (существовала одна только Николаевская желѣзная дорога между С.-Петербургомъ и Москвою*), должно было происходить обширными степями по простымъ дорогамъ.

Къ тому же трудность борьбы увеличивалась еще оттого, что войска русскія должны были отражать непріятели одновременно на разныхъ пунктахъ обширнаго своего отечества.

И дѣйствительно, двинувъ свой флотъ въ Черное море, союзники въ то же время открыли непріязнен-

*) Не считая Царскосельской, между С.-Петербургомъ и Павловскомъ длиною всего въ 25 верстъ.

ныя дѣйствія противъ Россіи и въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ и даже въ Восточномъ океанѣ у береговъ Камчатки, нападая на беззащитные русскіе города и опустошая села и деревни. Хотя нападенія непріятели вездѣ почти были отбиваемы, но это развлекало наши силы: мы не имѣли возможности сосредоточить ихъ въ достаточномъ числѣ на одномъ какомъ-либо мѣстѣ.

Впрочемъ, главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій сдѣлался полуостровъ Крымъ, вслѣдствіе чего и самая война 1853 — 1856 годовъ извѣстна подъ названіемъ Крымской кампаніи.

Подплывъ къ берегамъ Крыма, союзный флотъ высадилъ 8 сентября 1854 года у г. Евпаторіи значительную часть пѣхоты и кавалеріи, числомъ болѣе 63,000 человекъ. По высадкѣ на берегъ, союзныя войска немедленно двинулись къ нашему главному военному порту на Черномъ морѣ—Севастополю, съ цѣлю взять этотъ городъ и уничтожить запертый въ его гавани русскій черноморскій флотъ.

Главнoкомандующимъ военными силами въ Крыму назначенъ былъ князь Меншиковъ. Узнавъ о высадкѣ непріятели, онъ захотѣлъ задержать движеніе его къ Севастополю и съ этою цѣлю занялъ крѣпкую позицію на гористомъ берегу рѣки Альмы, впадающей въ Черное море; но такъ какъ у него было вдвое менѣе войска, нежели у союзниковъ и, кромѣ того, непріятельская армія быа вооружена лучше нашей, то сраженіе было нами проиграно и русскія войска должны были отступить къ сѣверу.

Въ то время, какъ князь Меншиковъ стягивалъ войска къ рѣкѣ Альмѣ, чтобы сразиться съ непріателемъ,—въ самомъ Севастополѣ шла дружная и дѣятельная работа по укрѣпленію города и принимались

всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать непріятельскому флоту ворваться въ Севастопольскую бухту.

Удаляясь изъ Севастополя, князь Меншиковъ начальство надъ сѣвернымъ упрѣпленіемъ и оборону всей сѣверной стороны возложилъ на адмирала В. А. Корнилова, а завѣдываніе морскими командами, расположенными на оборонительной линіи южной стороны, поручилъ адмиралу П. С. Нахимову.

Обративъ вниманіе на оборону самого Севастополя и полагая, что наибольшая опасность угрожала ему со стороны моря, князь Меншиковъ приказалъ адмиралу Корнилову, для прегражденія непріятелю доступа къ городу съ этой стороны, загородить входъ въ рейдъ, затопивъ тамъ для сего наши старые корабли и фрегаты, а экипажъ съ затопленныхъ судовъ употребить на усиленіе сухопутныхъ войскъ.

Получивъ означенное приказаніе, Корниловъ собралъ 9-го сентября военный совѣтъ и предложилъ, вмѣсто затопленія собственныхъ кораблей на рейдѣ при входѣ въ Севастопольскую бухту, выйти со всѣмъ флотомъ въ открытое море и сразиться съ вдвое ббльшимъ флотомъ непріятеля. Хотя такое исполненное геройской удали предложеніе уважаемаго адмирала вполнѣ согласовалось со свойственною черноморскимъ морякамъ рѣшимостью, но, усомнившись въ успѣхѣ предложеннаго Корниловымъ отважнаго предпріятія, большинство членовъ совѣта не выразило на то своего согласія и предпочло, для спасенія родного города, загородить входъ на рейдъ, пожертвовавъ для сего нѣсколькими старѣйшими по службѣ кораблями.

Неохотно согласился Корниловъ съ мнѣніемъ

большинства, но, получивъ вторичное приказаніе князя Меншикова о затопленіи фавватера, вынужденъ былъ покориться горькой необходимости и съ болью въ сердцѣ приступилъ къ тяжелому для всего черноморскаго флота дѣлу — затопленію собственными руками родныхъ кораблей въ водахъ родного порта.

Предназначивъ для затопленія фавватера пять старыхъ, сослужившихъ уже свою службу, кораблей и два фрегата, Корниловъ приказалъ 10-го сентября командирамъ обреченныхъ на гибель судовъ свезти съ нихъ на берегъ все, что можно было убрать въ теченіе вечера и ночи, а на разсвѣтъ 11-го сентября—срубить мачты и затопить корабли. Одинъ изъ кораблей этихъ, носившій названіе «Три Святителя» и участвовавшій въ Синопской битвѣ, дольше другихъ держался на водѣ, какъ-бы упираясь и отказываясь разстаться съ жизнью. Не смотря на широкія отверстія, прорубленныя въ его подводной части, онъ погружался настолько медленно, что пароходу «Громоносецъ» приказано было выпустить въ несчастный корабль нѣсколько ядеръ и тѣмъ ускорить его погруженіе. Болѣзненно дрогнули сердца моряковъ подъ выстрѣлы «Громоносца»; наконецъ, въ исходѣ перваго часа пополудни корабль зашатался и исчезъ въ волнахъ рейда. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ были до слезъ тронуты этимъ печальнымъ зрѣлищемъ: имъ было невыразимо жаль, что корабли, на которыхъ они служили, съ которыми сроднились какъ съ товарищами, должны погибнуть, не помѣрившись силами съ непріателемъ въ честномъ и горячемъ бою...

Подступивъ къ Севастополю, враги наши осадили его съ моря и съ суши, послѣ чего началась едва-

ли не безпримѣрная въ военныхъ лѣтописяхъ геройская оборона Севастополя, продолжавшаяся цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ и ознаменованная чудесами храбрости Севастополѣ во время этой ужасной обороны Высочайше повелѣно было считать за годъ!

Севастополь, какъ приморскій городъ, былъ сначала хорошо укрѣпленъ только съ моря; съ сухого же пути городъ этотъ былъ не только совершенно беззащитенъ, но даже и не окопанъ. Но между тѣмъ какъ союзники медлили нападеніемъ, русскія войска въ виду грозныхъ силъ непріятели, воспользовались его нерѣшительностію и стали готовиться къ отчаянной оборонѣ. Подъ руководствомъ храбраго и искуснаго начальника инженеровъ въ Севастополѣ—инженеръ-полковника Э. И. Тотлебена, они, въ нѣсколько дней, возвели, на глазахъ осаждающаго непріятели, такія земляныя укрѣпленія, которыя можно было взять только послѣ неимовѣрныхъ усилій и по всѣмъ правиламъ военного искусства. Работа по возведенію оборонительной линіи кипѣла непрерывно и днемъ и ночью. Работали безъ устали не только войска, но и городскіе жители, не только мужчины, но и женщины и даже дѣти, таская землю, собирая для возведенія укрѣпленій прутья, колья, камни и т. п.; матросы же перетаскивали на себѣ снятыя съ кораблей пушки и устанавливали ихъ на укрѣпленіяхъ. Благодаря такому всеобщему одушевленію, Севастополь съ невѣроятною быстротою огражденъ былъ и съ сухого пути рядомъ такихъ укрѣпленій, которыя приводили въ изумленіе самихъ союзниковъ и превратили совершенно незащищенный до того времени городъ въ неприступную твердыню.

Рано утромъ 5-го октября 1854 года непріятель

открылъ первое бомбардированіе по севастопольскимъ укрѣпленіямъ.

Три часа продолжалась жестокая пальба съ непріятельскихъ батарей, становясь все сильнѣе и сильнѣе.

Принявшій отъ князя Меншикова начальство надъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ и оборону всей сѣверной стороны Севастополя храбрый и неутомимый адмиралъ Корниловъ, желая самъ все видѣть и собственнымъ примѣромъ поддержать бодрость духа въ войскахъ, поѣхалъ на 3-й бастионъ (укрѣпленіе), гдѣ происходило наиболѣе жаркое дѣло. Многіе офицеры упрашивали его не подвергать себя явной опасности, обѣщая исполнить свой долгъ по совѣсти. Но Корниловъ, не смотря на ихъ просьбы, поскакалъ, во время сильнѣйшаго бомбардированія, далѣе на Малаховъ курганъ, гдѣ находились главныя укрѣпленія наши, и тамъ вскорѣ былъ смертельно раненъ непріятельскимъ ядромъ въ верхнюю часть лѣвой ноги у самага живота.

„Отстаивайте Севастополь! Не отдавайте его!“ проговорилъ Корниловъ, собравшись съ силами, окружавшимъ его офицерамъ, и вслѣдъ за тѣмъ, лишившись чувствъ, былъ перенесенъ въ морской госпиталь, гдѣ и умеръ послѣ двухъ часовъ жестокихъ, почти непрерывныхъ, страданій. „Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна! Благослови, Господи, Россію и Государя; спаси Севастополь и флотъ“. Таковы были послѣднія слова этого незабвеннаго героя.

Вѣсть о смерти беззавѣтно-храбраго адмирала поразила скорбію мужественныхъ защитниковъ Севастополя, глубоко уважавшихъ и любившихъ покойнаго.

Между тѣмъ бомбардированіе по севастопольскимъ укрѣпленіямъ продолжалось. Посреди порохового дыма, при грохотѣ орудій завязывался время отъ времени и кровавый рукопашный бой; но всѣ приступы непріятеля были каждый разъ отбиваемы дружнымъ и мужественнымъ отпоромъ севастопольскаго гарнизона. Тогда союзники снова принимались бомбардировать крѣпость и съ суши и съ моря, грома севастопольскія укрѣпленія сотнями тысячъ выстрѣловъ.

Такъ проходили дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Борьба становилась все ужаснѣе и ужаснѣе. Каждый день, каждый часъ уносилъ новыя жертвы, опустошая ряды доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Герои-воины гибли тысячами, но не сдавались, а оставшіеся въ живыхъ не знали покоя: днемъ они должны были сражаться, ночью же исправлять поврежденныя укрѣпленія; на мѣсто павшихъ молодецкою смертью героевъ становились новые, и Севастополь все по прежнему оставался неприступнымъ и не сокрушеннымъ, на удивленіе цѣлому свѣту.

Одновременно съ другими осадными и оборонительными работами, въ Севастополѣ пришлось вести еще въ обширныхъ размѣрахъ и подземную войну, которая ведена была и съ нашей и съ непріятельской стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Дѣло въ томъ, что когда французскія осадныя работы передъ нашимъ славнымъ 4-мъ бастіономъ подвинулись настолько впередъ, что непріятелю уже не было возможности продолжать подступать къ нашимъ укрѣпленіямъ открыто, французы рѣшились попытаться облегчить себѣ подступъ къ бастіону инымъ, болѣе скрытымъ, путемъ. Съ этою цѣлью они

приступили къ подземнымъ миннымъ (подкопнымъ) работамъ, т. е. стали рыть подъ землею длинныя ходы (мины), намѣреваясь подкопаться подъ наши укрѣпленія, взорвать ихъ посредствомъ пороха на воздухъ и затѣмъ броситься на штурмъ и овладѣть такимъ образомъ нашимъ бастиономъ, который невозможно было взять открытою силою.

Въ виду сего необходимо было начать и съ нашей стороны контръ-минныя (т. е. встрѣчныя подкопныя) работы, съ тѣмъ, чтобы, идя скрытно подъ землею на встрѣчу непріятели, препятствовать его работамъ и разрушать ихъ взрывами.

Хотя во многихъ мѣстахъ успѣшному ходу подземныхъ работъ мѣшала грунтовая вода, мѣстами совершенно затоплявшая работы, но, не смотря на это, равно и на многія другія затрудненія и препятствія, подземныя работы подвигались впередъ весьма быстро.

Всѣ работы по устройству контръ-минъ и самое веденіе подземной войны съ нашей стороны были поручены инженеръ-полковнику Тотлебену. Ему мы, главнѣйшимъ образомъ, обязаны славною защитою Севастополя, оборонительныя средства котораго были, такъ сказать, созданы Тотлебеннымъ во время самой обороны города и по справедливости заслужили ему всемірную извѣстность.

Прошло около полугода со времени высадки непріятели у Севастополя, а городъ этотъ все не падалъ, былъ все такъ же крѣпокъ и грозенъ, какъ и въ самомъ началѣ осады.

Въ эту-то самую трудную и опасную для государства минуту войны, въ самый разгаръ кровавой борьбы Россіи съ могущественнѣйшими державами Западной Европы, вмѣшавшимися въ нашу войну

сь Турцією, Императоръ Николай Павловичъ серьезно занемогъ и черезъ нѣсколько дней, 18 февраля 1855 г., неожиданно скончался, а на слѣдующій день, 19-го того же февраля, старшій сынъ и преемникъ его, Императоръ Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ своихъ предковъ. „Служи Россіи!“—завѣщаль Императоръ Николай I, лежа на смертномъ одрѣ, своему сыну—наслѣднику.—„Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое... Провидѣніе судило иначе!“

И дѣйствительно, страшные, тяжелые дни переживала Россія въ годину восшествія на престолъ Императора Александра II-го... Но новый Царь свято исполнилъ предсмертное завѣщаніе своего августѣйшаго родителя: вся его жизнь была однимъ великимъ служеніемъ на пользу Россіи, всѣ его труды и заботы были направлены къ одной цѣли—ко благу и счастію его подданныхъ, къ благоденствію и славѣ Россіи.

Въ самый день вступленія на прародительскій престолъ, Императоромъ Александромъ II данъ былъ высочайшій манифестъ, въ которомъ молодой Государь, объявляя русскому народу о поразившемъ всѣхъ неожиданномъ страшномъ ударѣ и великой скорби своей и всѣхъ вѣрноподданныхъ, просилъ Бога о дарованіи ему силъ для подъятія тяжкаго бремени быть царемъ и пріялъ предъ лицомъ Бога „священный обѣтъ имѣть постоянною единою цѣлю трудовъ и попеченій своихъ—утвержденіе и возвышеніе благоденствія Россіи“. „Мы положили въ сердца своемъ“,—говорится далѣе въ томъ же манифестѣ,—„обнимать нашу царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія“.

Хотя новый Государь и отличался величайшимъ миролюбіемъ, но честь Россіи и священная память усопшаго родителя побудили его неуклонно продолжать начатую еще до его воцаренія Восточную войну. Государь хорошо зналъ, въ какомъ положеніи находится дѣло; зналъ, какъ трудно поддержать честь Россіи въ страшно неравной борьбѣ и не скрываль этого отъ своихъ подданныхъ, а ободрялъ ихъ и вызываль на новыя жертвы и новые подвиги.

На мѣсто князя Меншикова, который, по разстроенному здоровью, просилъ увольненія, Государь назначилъ главнокомандующимъ военными силами въ Крыму генераль-адъютанта князя М. Д. Горчакова. Въ помощь храбрымъ войскамъ нашимъ, собрано было государственное ополченіе и произведены новые рекрутскіе наборы; весь народъ русскій, всѣ сословія были призваны на защиту родины.

Ратники государственнаго ополченія покинули дома и семейства свои, чтобы дѣлать съ испытанными въ битвахъ войсками труды и лишения, и являли вмѣстѣ съ ними примѣръ изумительнаго терпѣнія, непоколебимаго мужества и готовности жертвовать всѣмъ за Царя и отечество.

Доблестно сослужили свою боевую службу ополченцы въ эту трудную, тяжелую годину Крымской войны. Многіе изъ нихъ, защищая въ рядахъ храбрыхъ войскъ честь Руси православной, пали геройскою смертью и показали всему свѣту, какое могущество духа живетъ въ народѣ русскомъ.

Между тѣмъ и враги наши не теряли времени. Въ теченіе зимы къ нимъ присоединился новый союзникъ—Сардинія, приславшая въ Крымъ свое 15-тысячное войско, такъ что къ веснѣ 1855 года число всѣхъ непріятельскихъ войскъ въ Крыму возросло почти до 200 тысячъ человѣкъ.

7 марта 1855 года наша армія понесла новую тяжелую потерю, лишившись славнаго защитника Малахова кургана въ Севастополѣ — доблестнаго контръ-адмирала В. И. Истомина, благодаря неусыпной дѣятельности котораго изъ означеннаго кургана, возвышающагося надъ всѣми севастопольскими укрѣпленіями и составляющаго ключъ къ городу, быстро создана была отдѣльная, грозная для врага, крѣпость. Съ какою неутомимою бодростью, съ какимъ рвеніемъ и геройскимъ самоотверженіемъ относился Истоминъ къ своему трудному дѣлу, видно уже изъ того, что онъ съ самаго начала осады Севастополя даже не раздѣвался для сна, вообще спалъ весьма мало, и когда многіе храбрые, испытанные въ бою сослуживцы адмирала изъясляли удивленіе его необыкновенной отвагѣ и совершенному равнодушію къ смерти, онъ повгорялъ: „А я удивляюсь вашему удивленію! Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ: мнѣ слѣдовало быть убитымъ еще въ первую бомбардировку; почему же не играть мнѣ тѣмъ, чѣмъ пользуюсь долѣе срока“.

Истоминъ погибъ въ то время, когда возвращался съ Камчатскаго люнета (укрѣпленія) на свой Малаховъ курганъ. По сторонамъ его шли командиръ люнета Сенявинъ и инженерный офицеръ Черкавскій. Истоминъ пошелъ не по траншеѣ (рву), а по ея гребню. „Ваше Превосходительство, сойдите въ траншею: тутъ очень опасно идти“, — сказалъ ему Сенявинъ. — „Э, батюшка, отъ ядра, все равно, не спрячешься“ — отвѣчалъ Истоминъ, — и въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, контузивъ Сенявина въ руку и ударивъ Черкавскаго въ голову костями черепа адмирала...

На слѣдующій день происходили похороны Исто-

мина. Гробъ его, вмѣстѣ съ другими, неся до самой могилы и адмиралъ Нахимовъ, отдавая послѣдній долгъ собрату, товарищу и другу, съ которымъ сроднился и въ морскихъ буряхъ и подъ непріятельскимъ огнемъ!

Когда гробъ съ тѣломъ Истомина былъ поставленъ въ склепѣ рядомъ съ могилою Корнилова, Нахимовъ заглянулъ туда и тихо сказалъ: „Еще есть мѣсто для одного, хоть поперекъ склепа“. Предчувствовалъ герой этотъ, что скоро и до него дойдетъ очередь успокоиться въ этомъ склепѣ на вѣки...

5-го іюня 1855 года союзники возобновили жесточайшее бомбардированіе Севастополя и затѣмъ бросились на отчаянный приступъ; но приступъ этотъ былъ отбитъ русскими войсками, съ единодушнымъ мужествомъ, на всѣхъ пунктахъ оборонительной линіи.

Послѣ этой неудачи, непріятель, въ теченіе еще двухъ мѣсяцевъ, продолжалъ свои осадныя работы, производя, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти непрерывно болѣе или менѣе сильное бомбардированіе нашихъ укрѣпленій. Но славный севастопольскій гарнизонъ, малый числомъ, но зато сильный духомъ и преданностію своему долгу, успѣшно исправлялъ всѣ поврежденія и готовилъ новыя средства для самой усиленной обороны.

Въ этотъ-то періодъ времени былъ смертельно раненъ и главный защитникъ Севастополя, неустрашимый адмиралъ Нахимовъ, — герой славной Синопской битвы, любимецъ всѣхъ черноморскихъ моряковъ и всего Севастопольскаго гарнизона.

Послѣ побѣды при Синопѣ Нахимовъ вполне предался оборонѣ Севастополя, принявъ начальствованіе надъ всѣми морскими командами.

28-го іюня, наканунѣ дня своего ангела, Нахимовъ осматривалъ расположеніе непріятеля и постѣтилъ, во время бомбардировки, 3-е и 4-е отдѣленія бастіоновъ, находясь все время подъ самымъ усиленнымъ непріятельскимъ огнемъ. Отдавъ нѣкоторыя приказанія, Нахимовъ отправился затѣмъ на Малаховъ курганъ. Желая осмотрѣть здѣсь новыя непріятельскія работы, онъ взошелъ на возвышеніе, взялъ у сигнальщика подзорную трубу и сталъ, съ обычнымъ безстрашіемъ, прямо черезъ брустверь (земляную насыпь для прикрытія огъ выстрѣловъ), обозрѣвать окрестность, открывъ себя по поясъ. Его уговаривали сойти съ этого опаснаго мѣста, но Нахимовъ, не взирая на усиленныя просьбы, продолжалъ наблюдать за непріятелемъ. Окончивъ осмотръ, онъ отдалъ трубу сигнальщику и сталъ уже сходить съ возвышенія, какъ вдругъ пошатнулся и упалъ на правый бокъ: непріятельская пуля попала ему въ лобъ надъ лѣвымъ глазомъ, пробила черепъ и вышла около лѣваго уха!

Пролежавъ въ безсознательномъ состояніи около двухъ сутокъ, Нахимовъ 30-го іюня, въ 11 час. утра скончался.

Тѣло его положено было въ одну общую могилу съ другими незабвенными героями Севастополя—адмиралами Корниловымъ и Истоминымъ.

Потеря Нахимова была для Севастополя невознаградима. Его мужество, дѣятельность и самоотверженіе не имѣли предѣла. Въ продолженіе девяти мѣсяцевъ объѣзжалъ онъ ежедневно, подъ градомъ пуль и ядеръ непріятеля, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, опаснѣйшіе пункты, гдѣ признавалъ присутствіе свое необходимымъ. И все это дѣлалось просто, скромно, безъ всякаго желанія обратить на себя

вниманіе, съ одною лишь цѣлью—поддержать бодрость духа въ своихъ подчиненныхъ.

Отдавая должную справедливость беззавѣтному мужеству и самоотверженію защитниковъ Севастополя, нельзя не сознаться, что эти доблестныя качества въ значительной мѣрѣ возбуждались и поддерживались примѣромъ Нахимова. Не только привѣтствіе Нахимова, но уже одно присутствіе его въ опасныя минуты дѣлало матросовъ веселыми и смѣлыми; они любили своего добраго и безстрашнаго адмирала, какъ дѣти родного отца, готоваго умереть вмѣстѣ съ ними, и сами готовы были для него броситься въ огонь и въ воду.

5-го августа непріятель открылъ по нашей оборонительной линіи новое усиленное бомбардированіе, продолжавшееся почти непрерывно цѣлыхъ три недѣли. Союзники стрѣляли то залпами, то бѣглымъ артиллерійскимъ огнемъ. Адскій огонь непріятеля похищаль у насъ ежедневно по нѣскольکو сотъ чловѣкъ. Наши укрѣпленія, возобновлявшіяся каждую ночь подъ градомъ бомбъ и ядеръ противниковъ, все болѣе и болѣе разрушались отъ непрерывнаго дѣйствія непріятельской артиллеріи. Городъ превратился въ груду развалинъ. Исправлять поврежденія сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ; потеря въ людяхъ была чрезвычайная.

Наконецъ, 27-го августа союзники, осаждавшіе Севастополь, прекратили бомбардированіе и двинулись всею массою на рѣшительный общій приступъ, направивъ свои силы преимущественно на главныя наши укрѣпленія, находившіяся на знаменитомъ Малаховомъ курганѣ. Встрѣтивъ врага грудью и штыками, войска наши съ неодолимымъ мужествомъ и непоколебимою стойкію отразили шесть отчаян-

ныхъ приступовъ его, но, наконецъ, должны были уступить численному превосходству непріятельскихъ массъ, непрерывно прибывавшихъ на Малаховъ курганъ. Не смотря на упорное сопротивленіе севастопольскаго гарнизона, не смотря на совершавшіеся имъ подвиги блистательнѣйшей храбрости и геройскаго самоотверженія, непріятель успѣлъ завладѣть Малаховскими укрѣпленіями...

Съ занятіемъ непріателемъ Малахова кургана, дальнѣйшая оборона Севастополя представлялась уже невозможною. Севастополь былъ не завоеванъ, но сраженъ, разрушенъ.

Неисправимыя поврежденія нашей оборонительной линіи и, главное, громаднѣйшій уронъ, причиняемый гарнизону города адскимъ огнемъ непріятеля, убѣдили, наконецъ, главнокомандующаго, князя Горчакова, въ совершенной невозможности держаться долѣе въ городѣ и въ необходимости прекратить дальнѣйшее, уже бесполезное въ такомъ положеніи, пролитіе драгоцѣнной крови своихъ доблестныхъ сподвижниковъ. Тогда онъ рѣшился очистить южную часть города и въ продолженіе ночи благополучно перевелъ свои войска, частію посредствомъ судовъ, частію по мосту, устроенному черезъ рейдъ, на сѣверную сторону севастопольской бухты, гдѣ и сталъ твердою ногою. Между тѣмъ, оставшіяся въ южной части Севастополя зданія были подожжены русскими же войсками, укрѣпленія и пороховые погреба взорваны на воздухъ, и врагамъ достались однѣ лишь пылающія, окровавленные развалины,— груды камней и пещла.

Неохотно покидали солдаты и моряки крѣпость, которую защищали въ продолженіе почти цѣлаго года, не жалѣя ни труда, ни крови.— „Вѣчная тебѣ

память, родная твердыня“, —шептали они, крестясь и оглядываясь на пылавшій Севастополь...

31-го августа появился приказъ главнокомандующаго, прочтенный всѣмъ войскамъ вслухъ. „Храбрые товарищи!“—говорилось, между прочимъ, въ этомъ приказѣ.—„Грустно и тяжело оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но... и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою подоженного, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внуки наши съ гордостью передадутъ отдаленному потомству“...

„Храбрые воины сухопутныхъ и морскихъ силъ! Именемъ Государя Императора благодарю васъ за ваше безпримѣрное мужество, за вашу твердость и постоянство во время осады Севастополя“...

Такъ окончилось славное Севастопольское сидѣнье, продолжавшееся цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ.

При оборонѣ Севастополя пали геройскою смертію за вѣру и отечество, кромѣ незабвенныхъ адмираловъ нашихъ—Корнилова, Истомина и Нахимова, еще и огромное количество другихъ доблестныхъ воиновъ; всего же пало здѣсь болѣе 200.000 человекъ, прахъ коихъ покоится на общемъ громадномъ кладбищѣ, находящемся на сѣверной сторонѣ Севастополя и названномъ „Братскою Могилою“.

Въ сентябрѣ того же 1855 года Императоръ Александръ Николаевичъ поѣхалъ самъ на мѣсто боя, чтобы лично поблагодарить своихъ героевъ.

Прибывъ въ портовый городъ Николаевъ, Государь пробылъ тамъ шесть недѣль, а затѣмъ пожелалъ видѣть свою крымскую армію, и въ концѣ октября мѣсяца осчастливилъ ее своимъ личнымъ посѣщеніемъ. По собственному изреченію Государя, не-

однократно имъ повторенному, Его Величество предпринялъ этотъ дальнѣйшій путь для того только, чтобы лично выразить своимъ неустрашимымъ войскамъ чувство своего благоволенія и искренней признательности за ихъ славную службу, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они проливали кровь свою за вѣру, Царя и отечество.

Въ необыкновенно ласковыхъ словахъ и самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, изливавшихся изъ глубины души, благодарилъ Императоръ свои доблестныя войска за проявленные ими геройскіе подвиги мужества и самоотверженія. „Благодарю, ребята, за службу!“—говорилъ Государь, объѣзжая ряды своихъ храбрыхъ войскъ.—„Именемъ покойнаго Государя, именемъ отца моего и вашего благодарю васъ!.. Я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть мою храбрую армію!..“ И дрожалъ звонкій, задушевный голосъ Государя, и войско видѣло, какъ слеза за слезой катились по щекамъ молодого Царя. „Я горжусь вами“,—говорилъ онъ,—„горжусь, какъ непоколебимую опору отечества, и счастливъ, что могу лично благодарить васъ за геройскую службу вашу; давно я желалъ этого“.

„Ура!..“ громомъ грянуло по фронту въ несмолкаемыхъ перекатахъ. Это былъ тотъ восторженный вопль сердець, который неудержимо откликнулся на горячее царское слово.

Вызвавъ на середину генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, Императоръ съ отеческою заботливостію освѣдомлялся о полученныхъ ими ранахъ, благодаря всѣхъ и каждого порознь. Въѣзжая, затѣмъ, въ ряды войскъ, Государь осчастливилъ своимъ взоромъ и ласковымъ словомъ многихъ достойныхъ защитниковъ Севастополя, милостиво разговаривалъ съ ниж-

ними чинами, имѣвшими знакъ отличія военнаго ордена, разспрашивая, за какой именно подвигъ и когда даны имъ георгіевскіе кресты, справлялся о раненыхъ и больныхъ воинахъ и награждалъ отличившихся.

У Севастопольскаго кладбища, гдѣ успокоились кости свыше 200.000 защитниковъ многострадальнаго города, Государь вышелъ изъ коляски, обнажилъ голову, набожно крестился и быстро смигиваль набѣгавшія на глаза слезы; наконецъ склонился надъ могильнымъ холмомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.. Уѣхалъ онъ оттуда, долго не отымая платка отъ глазъ...

Пріѣздъ Государя былъ самымъ счастливымъ событіемъ для нашихъ славныхъ войскъ — это была для нихъ какъ бы общая лучшая награда за ихъ неутомимую службу. Видя царскую ласку, они забыли все то, что вытерпѣли и перестрадали въ теченіе почти годовой обороны Севастополя. Эти твердые, неустрашимые герои, никогда не дрогнувшіе передъ грозившей имъ смертью, не могли въ присутствіи молодого Царя скрыть на загорѣвшихъ лицахъ своихъ слезъ умиленія, слезъ благодарности.

Осмотрѣвъ войска, Государь посѣтилъ всѣ лазареты и вездѣ ласково разспрашивалъ раненыхъ воиновъ, благодарилъ ихъ за славную службу, утѣшалъ, награждалъ, иныхъ обнималъ и цѣловалъ.

Свыше мѣсяца пробылъ Императоръ среди своей крымской арміи, оживляя ее своимъ присутствіемъ и воодушевляя на новые подвиги. Прощаясь съ войсками передъ отъѣздомъ своимъ въ С.-Петербургъ, Государь крѣпко жалъ руки всѣмъ начальствующимъ лицамъ и цѣловалъ ихъ въ знакъ благодарности, выражая безпредѣльное изумленіе геройской службѣ

арміи. Славныя же войска русскія, проникнутыя чувствомъ глубочайшей преданности обожаемому Монарху, встрѣчали и провожали его всюду громогласнымъ непрерываемымъ «ура».

Ура! единымъ появленьемъ
 Ты рать свою одушевилъ!
 Прекрасенъ самоотверженемъ
 Явился ты средь бранныхъ силъ...
 Тамъ посѣтилъ страдальцевъ славы,
 И язвы ихъ за честь державы
 Цѣлилъ отеческой слезой,
 И храбрыхъ крестъ, награду боя,
 Съ своей груди на грудь героя
 Надѣлъ державною рукой!

(М. Дмитріевъ).

По осмотрѣ всѣхъ войскъ, Императоръ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ арміи, осчастливилъ ее слѣдующимъ высокознаменательнымъ приказомъ отъ 31-го октября 1855 года:

„Храбрые воины крымской арміи! Приказомъ моимъ отъ 30-го августа, я выразилъ вамъ чувства, преисполняющія душу мою искренней признательности къ заслугамъ вашимъ, увѣковѣчившимъ славу защиты Севастополя. Но сердцу моему не достаточно было благодарить васъ заочно за тѣ геройскіе подвиги мужества и самоотверженія, съ которыми вы, удивляя даже враговъ нашихъ, перенесли тяжкое время почти годовой осады. Здѣсь, среди васъ, желательно мнѣ было изъяснить вамъ чувства моего къ вамъ благоволенія и искренней признательности. Свиданіе съ вами доставило мнѣ невыразимое удовольствіе, а блестящее состояніе, въ коемъ я нашелъ войска крымской арміи, при произведенныхъ нынѣ смотрахъ, превзошли мои ожиданія. Мнѣ отраднo было видѣть васъ и любоваться вами. Благодарю васъ отъ души за службу вашу, за под-

виги, коими вы себя ознаменовали, за доблести ваши, твердо въ васъ укорененныя, онѣ мнѣ ручаются въ сохраненіи славы русскаго оружія и въ непрестанной готовности храбраго моего войска жертвовать собою за вѣру, Царя и отечество!“

Между тѣмъ какъ подъ стѣнами многострадальнаго Севастополя происходила почти безпримѣрная въ исторіи борьба русскихъ войскъ съ союзными державами, въ Азіятской Турціи дѣйствія нашей арміи сосредоточивались преимущественно на обложеніи сильной турецкой крѣпости Карса. Главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генераль-адъютантъ Н. К. Муравьевъ, сознавая всю важность значенія Карса, рѣшился, 17-го сентября 1855 года, штурмовать эту крѣпость, но приступъ не удался: войска наши должны были отступить, и отмѣненная на нѣсколько часовъ осада крѣпости была вслѣдъ затѣмъ возобновлена въ прежнемъ порядкѣ. Въ ноябрѣ Муравьевъ достигъ, однако, своей цѣли: 16-го числа этого мѣсяца крѣпость Карсъ сдалась со всѣмъ своимъ многочисленнымъ гарнизономъ, множествомъ пушекъ и большими складами оружія.

Занятіе союзниками южной части Севастополя и взятіе русскими Карса склонили, наконецъ, враждующія стороны къ открытію переговоровъ о мирѣ, которые продолжались вплоть до марта мѣсяца 1856 г.

Условія мира предложены были намъ тяжелыя; горько было Государю начинать свое царствованіе принятіемъ ихъ; но миръ въ то время былъ необходимъ для блага Россіи, и Государь, горячо любившій Россію, предпочелъ не легкій миръ тяжелой войнѣ. Чуждый всякихъ видовъ честолюбія и завоеваній, Императоръ Александръ II согласился принять сдѣ-

ланныя ему союзными державами мирныя предложенія, и 18-го марта 1856 года въ столицѣ Франціи, Парижѣ, заключенъ былъ, наконецъ, миръ.

Согласно условіямъ этого мира, прежде всего завоеванія съ обѣихъ сторонъ были возвращены по принадлежности: Россія получила обратно Севастополь и другіе города, порты и земли, занятые союзниками, но за то должна была возвратитъ Турціи Карсъ и другія занятая русскими войсками части турецкихъ владѣній въ Малой Азіи и, сверхъ того, уступить ей еще часть Бессарабіи, у устьевъ рѣки Дуная. Черное море объявлено было закрытымъ для военныхъ кораблей и открытымъ только для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ всѣхъ народовъ. Но при этомъ между Россією и Турцією заключенъ былъ особый договоръ, коимъ точно опредѣлено было число военныхъ судовъ, какое оба названныя государства, владѣющія берегами Чернаго моря, предоставили себѣ содержать на этомъ морѣ, для обезпеченія безопасности своихъ береговъ. Наконецъ, Россія обязалась не возводить на берегахъ Чернаго моря укрѣпленій и не содержать тамъ военно-морскихъ арсеналовъ.

Но, несмотря на эти уступки, Россія все-таки достигла главной цѣли войны: турецкій султанъ торжественно обязался передъ всею Европою не угнетать болѣе подвластныхъ ему православныхъ христіанъ и сравнять ихъ въ правахъ съ мусульманскимъ населеніемъ своей Имперіи.

Прекращеніе трехлѣтней упорной и кровопролитной Восточной войны и заключеніе мира было первымъ благодатнымъ для Россіи событіемъ начала царствованія Императора Александра II. Хотя Парижскій миръ былъ для насъ не совсѣмъ выгоденъ и не

соотвѣтствовали общимъ ожиданіямъ и понесеннымъ Россією жертвамъ, но Государь, сознавая это очень хорошо, рѣшился на заключеніе мира, имѣя въ виду единственно пользу и благо своего народа и желая дать дорогой своей родинѣ отдохнуть и собраться съ силами послѣ трехлѣтняго тяжкаго періода войны. Крымская война показала ясно, что для народной обороны важно преуспѣяніе не въ одномъ только военномъ дѣлѣ, что для успѣха въ международной борьбѣ необходимы не только физическія, но и нравственные и умственные силы народа. Государю нужно было поэтому умиротвореніе Россіи, для обновленія и мирнаго развитія ея внутренней жизни.

Вступая на прародительскій престолъ, Императоръ Александръ Николаевичъ думалъ не о расширеніи границъ своего государства путемъ завоеваній и не о блескѣ военныхъ подвиговъ. Его царственную душу озабочивали другія высокія думы: онъ думалъ о томъ, что для него было дороже военныхъ успѣховъ—о довольствѣ и счастіи своихъ подданныхъ, о мирномъ преуспѣяніи и спокойномъ развитіи своего государства.

Въ заключительныхъ словахъ Высочайшаго манифеста 19 марта 1856 года, возвѣстившаго объ окончаніи Крымской войны, начертана какъ-бы цѣлая программа царствованія Императора Александра Николаевича. „При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи“,—говорилось въ этомъ манифестѣ, — „да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и в якой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ

равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ“. Незабвенныя для Россіи слова эти были какъ-бы предначертаніемъ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя совершены въ послѣдующія двадцать пять лѣтъ славнаго царствованія Императора Александра II.

26-го августа того же 1856 года Императоръ Александръ Николаевичъ возложилъ на себя, въ московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ, царскую корону и принялъ священное мвропомазаніе, приобщивъ сему священному дѣйствію и августѣйшую супругу свою, Императрицу Марію Александровну. День священнаго коронованія былъ днемъ радостей и милостей, дотолѣ неслыханныхъ, и потому оставилъ въ народѣ самое свѣтлое воспоминаніе.

Коронованіе русскихъ царей въ Москвѣ всегда представляло блестящее и высокаторжественное зрѣлище, но торжество коронованія Императора Александра II, родившагося въ Москвѣ и начавшаго свое царствованіе заключеніемъ мира и великими милостями народу, представляло особенное величіе и пышность обстановки и отличалось задушевно-радостнымъ стремленіемъ подданныхъ выразить Государю свою безграничную любовь и преданность: праздникъ Русскаго Царя былъ великимъ народнымъ торжествомъ и для всѣхъ его подданныхъ.

Вѣнчаніе на царство Императора Александра Николаевича сопровождалось цѣлымъ рядомъ самыхъ благодѣтельныхъ, полныхъ милосердія и мудрости мѣръ, которыя наполнили радостію всѣ края необъятнаго русскаго государства и осушили слезы многихъ тысячъ страдальцевъ.

Прежде всего услышали царское спасибо всѣ тѣ сословія, которыя жертвовали во время минувшей войны и своею жизнію и своимъ имуществомъ. Затѣмъ мѣстностямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ войны, дарованы были многія льготы и облегченія; сложены различныя недоимки и взысканія, пріостановлены на четыре года рекрутскіе наборы. Упомянувъ о недоимкахъ въ податяхъ, о казенныхъ взысканіяхъ, начетахъ и тому подобныхъ долгахъ подданныхъ государству, равно и о провинностяхъ ихъ предъ закономъ, Высочайшій манифестъ 26 августа 1856 года постоянно повторяетъ незабвенныя слова христіанскаго всепрощенія и милосердія: „простить, возвратить, освободить“.

„Мы возложили на себя вѣнецъ нашихъ предковъ“,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ манифестѣ,—„и первою нашею мыслию было, какъ всегда, благоденствіе любезной намъ Россіи. Повторяемъ при священномъ обрядѣ коронованія обѣтъ, произнесенный нами въ самый часъ вступленія нашего на прародительскій престоль, — имѣть постоянною, единою цѣлію трудовъ и попеченій нашихъ возвышеніе сего благоденствія, въ настоящемъ и будущемъ времени“. И Государь свято исполнилъ данный имъ обѣтъ. Сердце его готово было объять любовію всю Россію; доставить облегченіе всему страждущему, изгнать навсегда съ лица земли русской всѣ печали и бѣдствія. Съ самага дня своего восшествія на престоль, Государь жилъ только для счастья своего народа, забывая свое собственное спокойствіе и не жалѣя своихъ силъ для достиженія общаго блага.

Возложивъ на себя царскій вѣнецъ, Императоръ Александръ II немедленно приступилъ къ подготовкѣ

тѣхъ великихъ, исполненныхъ человѣколюбія и справедливости, государственныхъ преобразованій, которыя такъ прославили его свѣтлое царствованіе и обезсмертили его имя.

Озабоченный благоденствіемъ своего народа, Государь обратилъ свое вниманіе прежде всего на улучшеніе быта солдатъ и предпринялъ рядъ преобразованій въ устройствѣ и управленіи близкой его сердцу арміи, съ цѣлю поднять нравственный духъ въ войскахъ, пробудить въ нижнихъ чинахъ сознание своего человѣческаго достоинства и вообще поставить военную службу на подобающую ей высоту.

По военному закону „солдатъ“ есть имя общее: солдатомъ называется и первѣйшій генераль и послѣдній рядовой великой русской арміи, которой ввѣрена защита святой вѣры и родного края.

Какъ охранитель порядка въ государствѣ во время мира и защитникъ отечества во время войны, солдатъ долженъ гордиться своимъ общественнымъ положеніемъ, а не краснѣть, встрѣчая рядомъ съ собою человѣка, несущаго одинаковую съ нимъ службу въ видѣ наказанія за порочное поведеніе. А между тѣмъ въ прежнее время въ солдаты часто сдавали въ видѣ наказанія за нѣкоторыя преступленія, вмѣсто ссылки на поселеніе: бѣглые, бродяги, конокрады, разные воры, мошенники и подобные имъ порочные люди находили мѣсто въ рядахъ арміи.

Очень понятно, что при такомъ способѣ пополненія арміи, имя русскаго солдата не могло пользоваться доброю славою. Нижніе чины, въ среду которыхъ вводили людей, отверженныхъ самимъ обществомъ, очевидно, не могли быть высокаго мнѣнія не только о своемъ званіи, но и вообще о достоинствѣ своей человѣческой личности. Съ другой сто-

роны и цѣль, на которую рассчитывалось при отдачѣ людей порочнаго поведенія въ военную службу, не достигалась. Всѣ думали, что на военной службѣ, при военныхъ строгостяхъ, порядкѣ и дисциплинѣ, виновный скорѣе поддастся исправленію. На дѣлѣ же этого исправленія достигали далеко не всѣ. Дѣйствительно, живя среди честныхъ служивыхъ, нѣкоторые изъ числа отданныхъ въ солдаты за пороки и выходили потомъ въ люди; но зато другіе, и притомъ большинство, не поддавались исправленію и, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ они были и до поступленія въ армію, только развращали своихъ товарищей по службѣ и позорили честное имя и почетное званіе солдата.

Императоръ Александръ Николаевичъ положилъ конецъ этому позорному порядку вещей: Высочайшимъ повелѣніемъ 1860 года примѣнявшаяся прежде въ столь широкихъ размѣрахъ отдача въ солдаты въ видѣ наказанія за преступленія и проступки отмѣнена и замѣнена правилами о присужденіи за тѣ же преступленія другихъ видовъ наказанія. Люди же дурной нравственности и порочнаго поведенія, уже состоявшіе въ то время въ рядахъ арміи, были выдѣлены въ особыя рабочія бригады, въ которыя тотчасъ переводился съ тѣхъ поръ всякій нижній чинъ, опорочившій себя на службѣ.

ГЛАВА III.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта.

Въ ряду важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, совершенныхъ въ царствованіе Императора Александра II, первое мѣсто занимаетъ, безспорно,

освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта. Великая реформа эта послужила главнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій: всѣ они были, частію непосредственно, частію косвенно, вызваны отмѣною крѣпостного права.

Совершеніе этого огромнаго и славнаго не только въ русской, но и въ общечеловѣческой исторіи дѣла, которое дало новую жизнь Россіи, вдохнуло „душу живу“ въ многомилліонное крестьянство русское, является вѣнцомъ всѣхъ великихъ дѣяній Императора Александра II и самымъ крупнымъ жемчугомъ въ его бессмертной коронѣ.

Давно уже носились въ народѣ русскомъ смутные слухи о „волѣ“; но желанная воля все не приходила; назрѣвшее дѣло все откладывалось вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія со стороны однихъ людей и недостатка силы воли и рѣшимости—въ другихъ. Александръ II явился тѣмъ великимъ человекомъ, которому суждено было осуществить это величайшее дѣло; его могучій духъ и любвеобильное сердце ничѣмъ не смутились и ни предъ чѣмъ не остановились въ исполненіи этого вѣковаго долга.

Древняя Россія не знала крѣпостного состоянія. Сельскіе обыватели наши или крестьяне были людьми совершенно свободными и полноправными.

Земли на Руси встарину было вдоволь, а народу не много. Поэтому всякій могъ селиться, гдѣ ему вздумается, могъ занимать и обращать въ свою собственность столько земли, сколько въ силахъ былъ обработать. Но для обработки земли необходимъ былъ, конечно, капиталъ на покупку земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, сѣмянъ и пр. И вотъ,

не смотря на обиліе въ то время свободной земли на Руси и возможность занимать ее въ какомъ угодно количествѣ, люди бѣдные, несостоятельные должны были волей-неволей селиться на земляхъ богатыхъ, зажиточныхъ собственниковъ, заключать съ ними добровольныя условія и такимъ образомъ ограничивать свою свободу. Условія эти сводились въ общемъ къ тому, что землевладѣлецъ вмѣстѣ съ землей давалъ такимъ крестьянамъ рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, дворъ со всѣми принадлежностями, хлѣбъ на сѣмена и на прокормленіе до урожая, а нерѣдко и средства для уплаты податей; крестьянинъ же обязывался платить за это землевладѣльцу оброкъ работою или произведеніями воздѣлываемой земли, оставаясь, впрочемъ, полнымъ хозяиномъ отведеннаго ему участка земли, пока или самъ не покидалъ его, или землевладѣлецъ не сгонялъ его отъ себя. Въ этомъ только и состояло ограниченіе свободы крестьянъ, жившихъ на чужихъ земляхъ.

Разсчитавшись съ замлевладѣльцемъ въ повинностяхъ, крестьянинъ имѣлъ полное право во всякое время оставить его и перейти къ другому помѣщику. Но такое право свободного, во всякое время года, перехода крестьянъ съ одного помѣстья на другое представляло значительныя невыгоды какъ для мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ и для крестьянъ, и вызывало поэтому взаимныя ихъ жалобы.

Въ виду сего съ теченіемъ времени свобода переходовъ крестьянъ отъ одного землевладѣльца къ другому была ограничена: для такого перехода установленъ былъ въ 1497 году опредѣленный срокъ, именно осенній Юрьевъ день (26 Ноября), внѣ котораго ни крестьяне не могли оставлять землевладѣльцевъ, ни землевладѣльцы выгонять отъ себя

крестьянъ. Тѣмъ не менѣ крестьяне, не будучи лишены личной свободы, продолжали, въ установленный срокъ, въ огромныхъ размѣрахъ переходить съ одной земли на другую, главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что многоземельные помѣщики, нуждающіеся въ большомъ числѣ работниковъ, переманивали къ себѣ крестьянъ отъ небогатыхъ землевладѣльцевъ.

Чтобы сколько-нибудь облегчить въ этомъ случаѣ положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, правительство издало въ 1592 году указъ, коимъ вовсе запретило крестьянамъ переходить отъ одного собственника къ другому и обязало ихъ оставаться вѣчно, со всѣмъ потомствомъ, на тѣхъ земляхъ, на которыхъ они жили во время изданія указа. Съ этого то времени и пошла по Руси поговорка: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“. Бывшіе дотолѣ совершенно свободными крестьяне обращены были въ несвободныхъ, были прикрѣплены къ землѣ, на которой жили, и получили поэтому названіе крѣпостныхъ.

Уничтоженіе Юрьева дня, положившее начало крѣпостному состоянію на Руси, первоначально не было, впрочемъ, слишкомъ чувствительно для крестьянъ, потому что они не лишались еще всѣхъ своихъ правъ. Но мало по малу землевладѣльцы начинаютъ все болѣе и болѣе усиливать свои права на счетъ крестьянъ. Такъ, сначала они приобрѣли право переводить крестьянъ съ одной своей земли на другую свою же землю, потомъ получили право переселять крестьянъ съ своихъ земель на земли другихъ помѣщиковъ (по договорамъ съ ними), далѣе—право обращать крестьянъ въ дворовыхъ людей и, наконецъ, важнѣйшее право—продавать крестьянъ безъ земли.

Такимъ образомъ, прикрѣпленные сначала только къ помѣщичьей землѣ, крестьяне стали постепенно все болѣе и болѣе прикрѣпляться и къ личности помѣщика и сдѣлались, наконецъ, совершенно зависимыми отъ своихъ господъ—помѣщиковъ, обратившись въ полную ихъ собственность.

Хотя помѣщики обязывались сохранить за водворенными на ихъ земляхъ крестьянами, какъ средство къ пропитанію послѣднихъ, извѣстное количество земли подъ усадьбу и подъ пашню, но за пользование такою землею и за возложенную на помѣщиковъ обязанность заботиться о благосостояніи крестьянъ—послѣдніе должны были отбывать помѣщикамъ такъ называвшуюся „барщину“, т. е. или безвозмездно отдавать въ пользу своихъ господъ—помѣщиковъ извѣстное число дней въ недѣлю свой трудъ, для обработки барской земли и уборки хлѣба, или же платить за землю оброкъ, давать для потребностей помѣщика подводы, доставлять въ барскую вотчину полотна, куръ, яйца, ягоды и другіе продукты.

Наконецъ, кромѣ права на трудъ и имущество крестьянъ, помѣщикъ имѣлъ власть распоряжаться и ихъ личностію.

Хотя между помѣщиками были и хорошіе люди, отечески заботившіеся о своихъ крестьянахъ и принимавшіе всяческія мѣры къ облегченію ихъ положенія, но въ то же время были между ними и такіе, которые позволяли себѣ злоупотреблять своею властью, страшно притѣсняя крестьянъ какъ немѣрными работами, такъ и жестокостями всякаго рода. Большинство крѣпостныхъ крестьянъ были, поэтому, въ полномъ смыслѣ слова рабами тѣхъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ были водворены.

Помѣщикъ имѣлъ право противиться вступленію своихъ крестьянъ въ бракъ и вообще вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла; онъ не только часто выбиралъ для парней невѣстъ, а для дѣвушекъ жениховъ, но имѣлъ даже право отнять у мужа жену, у родителей дѣтей и продавать или закладывать ихъ, какъ вещи, другому помѣщику, въ другія имѣнія, находившіяся нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ отъ родныхъ мѣстъ; помѣщикъ имѣлъ право бить своихъ крестьянъ, подвергать ихъ всякаго рода наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, отдавать въ солдаты и даже ссылатъ въ Сибирь на поселеніе.

Жизнь крѣпостного крестьянина дѣлалась съ годами все тяжелѣе и тяжелѣе, положеніе его становилось все хуже и невыносимѣе. Большинство помѣщиковъ, при крѣпостномъ порядкѣ, искали только собственныхъ выгодъ, и злоупотребленія съ ихъ стороны доходили часто до того, что они промѣнивали крестьянъ какъ вещи и проигрывали ихъ въ карты.

Уже предшественники Императора Александра II чувствовали все зло крѣпостного права и постоянно стремились, если не къ прямому его упраздненію, то, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ и къ постепенному огражденію ихъ отъ произвола помѣщичьей власти. Но всѣ эти благодѣтельные мѣры были недостаточны для уничтоженія прочно утвердившагося крѣпостного порядка: онѣ только ограничивали крѣпостное право, стѣсняли его, но не уничтожали самого права владѣнія людьми.

Слава полного освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, трудный и великій починъ въ дѣлѣ совершенной отмѣны крѣпостного права въ

Россіи принадлежить всецѣло Императору Александру II-му.

При вступленіи Императора Александра Николаевича на престоль, крѣпостныхъ обоого пола было свыше 22 милліоновъ; они обрабатывали 100 милліоновъ десятинъ земли, принадлежавшей 100 тысячамъ дворянъ — помѣщиковъ; изъ этого количества земли только $\frac{1}{3}$ обрабатывалась крестьянами въ свою пользу, а остальные $\frac{2}{3}$ въ пользу помѣщиковъ, которымъ земля эта принадлежала.

Государь хорошо зналъ, въ какомъ угнетенномъ и беспомощномъ положеніи находятся милліоны русскихъ крестьянъ. Еще будучи наслѣдникомъ престола, онъ много путешествовалъ по Россіи и при этомъ самъ видѣлъ, что переносить русскій мужикъ, самъ узналъ нужды и потребности своего народа. Кромѣ того, онъ многое вычиталъ изъ книгъ, а многое узналъ отъ своихъ преподавателей и, главнымъ образомъ, отъ наставника своего—В. А. Жуковскаго, учившаго его любить человѣчество и уважать въ каждомъ человѣкѣ,—кто бы онъ ни былъ по своему происхожденію,—его человѣческое достоинство, его личныя и общественныя права. Чувство справедливости и любви къ человѣчеству, присущее Государю отъ рожденія и укрѣпленное разумнымъ, тщательнымъ воспитаніемъ, породило въ немъ желаніе и рѣшимость облегчить быть безправной и униженной части своихъ подданныхъ, вернуть имъ человѣческій образъ, дать имъ возможность трудиться для личнаго блага, и потому онъ, по вступленіи на престоль и по окончаніи Крымской войны, рѣшилъ непреклонно даровать крестьянамъ свободу и положить тѣмъ конецъ крѣпостному состоянію на Руси. Дать свободу крестьянамъ,нахо-

дившимся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, — было завѣтною мыслью Императора Александра II, которую онъ лелѣялъ денно и ношно; вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права составлялъ главную заботу Государя въ первые годы его царствованія; весь же ходъ работъ по крестьянскому дѣлу свидѣтельствуесть о томъ, сколько твердой воли, непоколебимаго убѣжденія и настойчивости внесено было самимъ Государемъ въ это великое дѣло, которое онъ считалъ «святымъ и самымъ жизненнымъ» для Россіи.

Будучи постоянно занятъ мыслию объ освобожденіи крестьянъ, Государь еще въ началѣ 1856 года, прибывъ въ Москву и принимая тамъ 30 марта представителей дворянства Московской губерніи, обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, и сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній.»

Это первое публичное заявленіе Государя о намѣреніи его отмѣнить крѣпостное право быстро разнеслось въ публикѣ, ошеломивъ однихъ, несказанно обрадовавъ другихъ; и съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ въ исторіи рус-

скаго крѣпостнаго состоянія. Въ послѣдующее затѣмъ время Императоръ Александръ II много разъ публично высказывался по крестьянскому дѣлу во время его разработки. Рѣчи Государя показывали твердое, непреклонное намѣреніе его довести задуманное имъ дѣло до благополучнаго окончанія, поддерживали бодрость въ работникахъ крестьянскаго преобразованія, привлекали къ нему людей колебавшихся, сдерживали его противниковъ и такимъ образомъ оказали огромное вліяніе и на общественное настроеніе, и на самый ходъ какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ работъ по крестьянской реформѣ.

Рѣшеніе столь жизненнаго для Россіи крестьянскаго вопроса представляло, однако, весьма много трудностей. Конечно, справиться съ задачею было бы менѣе трудно, если бы Государь пожелалъ разрѣшить ее такъ, какъ она была рѣшена въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, гдѣ крестьяне находились, въ свое время, въ такомъ же точно положеніи, какъ и наши крѣпостные крестьяне: тамъ крестьяне были объявлены свободными только лично, земля же осталась собственностью помѣщиковъ. Но не такова была воля Императора Александра Николаевича: онъ желалъ, чтобы и выгоды помѣщиковъ были, по возможности, ограждены, и освобожденные крестьяне были надѣлены опредѣленнымъ количествомъ земли, а не превращены въ безпріютныхъ и безземельныхъ бродягъ.

Много пришлось потрудиться надъ этой великой задачей, прежде чѣмъ найденъ былъ исходъ для успешнаго ея рѣшенія.

Принимая близко къ сердцу дѣло улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, Государь учредилъ, въ январѣ 1857 года, въ непосредственномъ своемъ вѣ-

дѣни и подѣ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, особый негласный комитетъ, наименованный въ январѣ слѣдующаго 1858 года „Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу“, которому и поручилъ заняться обсужденіемъ мѣръ къ постепенному освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ и устройству ихъ быта.

Въ концѣ того же 1857 года поступило прошеніе отъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской, ходатайствовавшихъ о дозволеніи приступить прямо къ освобожденію крестьянъ. Государь принялъ это прошеніе съ радостію и отвѣчалъ на него особымъ рескриптомъ 20 ноября 1857 года на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова. Въ рескриптѣ этомъ выражено было слѣдующее главное основаніе освобожденія крестьянъ: „Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдность, которую они приобрѣтаютъ, въ теченіе опредѣленнаго времени, въ свою собственность, посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику“.

Такимъ образомъ Государь, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностію помѣщиковъ, не желалъ сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ, какъ для помѣщика, такъ и для государства. Государь хотѣлъ избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ безъ обезпеченія ихъ зе-

мельными надѣлами, они остались, въ сущности, по прежнему, въ полной экономической зависимости отъ помѣщиковъ.

Вслѣдъ за рескриптомъ, даннымъ генераль-губернатору Назимову, начали поступать адреса отъ дворянства другихъ губерній, которымъ были даны отвѣты рескриптами на имя генераль-губернаторовъ и губернаторовъ подобнаго же содержанія съ первымъ.

Между тѣмъ, предстоявшее измѣненіе крѣпостного порядка такъ глубоко затрогивало прежнія права дворянскаго сословія, что въ средѣ его, конечно, оказались люди, не сочувствовавшіе задуманному Государемъ преобразованію. Угрожая помѣщикамъ лишеніемъ какъ значительной части ихъ земель, такъ и, въ особенности, права на даровой трудъ, дѣло освобожденія крестьянъ встрѣчало въ лицѣ ихъ и явныхъ и тайныхъ противниковъ. Но необходимость уничтоженія крѣпостного права была уже настолько сознаваема въ средѣ тогдашняго дворянскаго общества, что на ряду съ приверженцами и ревностными защитниками крѣпостного порядка, которыхъ называли тогда крѣпостниками, были и люди, всею душою сочувствовавшіе предпринятому преобразованію и искренно желавшіе не только улучшенія быта, но полнаго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, и притомъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Эти лучшіе изъ дворянъ всѣхъ губерній, которымъ истинно дорого было благо народа, горячо отозвались на голосъ своего Царя и съ особенною радостію и неподдѣльнымъ одушевленіемъ помогали ему, по мѣрѣ силъ своихъ, въ разрѣшеніи начатаго имъ святого дѣла. Сверхъ трудовъ своихъ по составленію пра-

вить объ улучшеніи быта и упроченіи положенія крѣпостныхъ крестьянъ, эти лучшіе изъ дворянъ, оказали существенную помощь еще и откровенною готовностію осуществить великодушную мысль Монарха своими жертвами, добровольно отказываясь отъ принадлежавшихъ имъ дотолѣ личныхъ и нѣкоторыхъ имущественныхъ правъ надъ крестьянами. Люди эти, хотя и составляли численное меньшинство, но были сильны истиною своихъ убѣжденій и увѣренностію, что ихъ стремленія соотвѣтствуютъ общему благу и волѣ Государя.

По Высочайшему повелѣнію, учреждены были губернскіе дворянскіе комитеты, которымъ, для облегченія ихъ работъ, дана была особая программа, съ указаніемъ въ ней главныхъ основаній для ихъ занятій.

Лѣтомъ 1858 года Императоръ Александръ II предпринялъ путешествіе по Россіи, посѣтилъ цѣлый рядъ губерній и почти вездѣ обращался къ дворянству съ рѣчами, въ которыхъ говорилъ о необходимости освободить крестьянъ, указывалъ, что цѣлью въ этомъ великомъ дѣлѣ является общее благо, повторялъ, что этотъ важный вопросъ близокъ его сердцу и долженъ быть разрѣшенъ на основаніяхъ, имъ указанныхъ, что дѣло это потребуетъ, несомнѣнно, много труда, но что его, Государя, непрелѣнная воля, чтобы оно было доведено до благополучнаго конца.

Это знаменательное путешествіе Императора по Россіи и произнесенныя имъ при этомъ рѣчи имѣли огромное вліяніе на успѣшный ходъ дѣла.

Возвратясь въ половинѣ октября въ С.-Петербургъ, Государь, при первомъ же свиданіи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ, радо-

стно заявилъ ему: „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и дойдемъ до конца, рука объ руку“.

Когда, послѣ даннаго на то срока, работы губернскихъ комитетовъ начали поступать, Государь разрѣшилъ, въ началѣ 1859 года, учредить двѣ особы Редакціонныя Коммиссіи, на которыя возложено было разсмотрѣніе выработанныхъ комитетами проектовъ объ освобожденіи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ и составленіе затѣмъ изъ нихъ проектовъ Общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, равно и другихъ законоположеній, относящихся къ этому великому преобразованію.

Въ составъ означенныхъ Коммиссій призваны были какъ опытные чиновники подлежащихъ вѣдомствъ, такъ и нѣкоторые помѣщики, близко знавшие состояніе и потребности сельскаго быта въ разныхъ краяхъ Россіи.

Предсѣдателемъ обѣихъ Редакціонныхъ Коммиссій назначенъ былъ членъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу генераль-адъютантъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, пользовавшійся полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ Императора и явившійся однимъ изъ ревностнѣйшихъ и главнѣйшихъ въ крестьянскомъ дѣлѣ исполнителей Государевой воли.

Усерднѣйшаго и талантливѣйшаго помощника Ростовцевъ нашелъ въ лицѣ Николая Алексѣевича Милютина, бывшаго въ то время однимъ изъ самыхъ видныхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ сосредоточивались всѣ работы по крестьянскому дѣлу. Обладая обширнѣйшими познаніями въ области народнаго быта и хозяйства, Милютинъ посвятилъ всѣ свои силы изученію положенія крѣпостныхъ крестьянъ и не переставалъ дѣлать мечту объ ихъ освобожденіи.

При представленіи Государю 6 марта 1859 года членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, Императоръ сказалъ имъ взволнованнымъ голосомъ: „Я желаю только блага Россіи. Вы призваны, господа, совершить большой трудъ, я буду умѣть оцѣнить его. Это дѣло щекотливое, я знаю... Я увѣренъ, что вы любите Россію, какъ я ее люблю, и надѣюсь, что исполните все добросовѣстно и оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Я надѣюсь, что съ вами мы приведемъ это дѣло къ благополучному окончанію. Да поможетъ вамъ Богъ въ этой трудной работѣ, а я васъ не забуду“.

Редакціонныя Коммиссіи ревностно принялись за дѣло, установили планъ предстоящихъ работъ, обсудили главные общіе вопросы и приняли въ соображеніе все, что было когда-либо напечатано въ Россіи и за границей по крестьянскому вопросу.

Государь внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ подготовительныхъ работъ по крестьянскому дѣлу и, не обращая серьезнаго вниманія на козни и противодѣйствіе упорныхъ сторонниковъ крѣпостного права, твердо и непоколебимо направлялъ эти работы къ намѣченной цѣли. Онъ дважды прочитывалъ всѣ протоколы Редакціонныхъ Коммиссій и, когда считалъ нужнымъ, выступалъ и здѣсь съ открытымъ словомъ, имѣя въ виду дать дѣлу надлежащее направленіе, устранить встрѣчавшіяся препятствія и тѣмъ содѣйствовать скорѣйшему окончанію работъ.

Въ сентябрѣ 1859 года Государю представлялись уполномоченные отъ дворянъ-землевладѣльцевъ, къ которымъ Императоръ обратился съ слѣдующими словами: „Господа! Я очень радъ васъ видѣть. Я призвалъ васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному и для меня и для васъ, и успѣха котораго, я

вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и я. Съ нимъ связано будущее благо Россіи. Я знаю, вы сами, господа, убѣждены, что дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій; но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе мое къ вамъ вы оправдаете не одними словами, а на дѣлѣ“.

Главному исполнителю предначертаній Императора Александра II по крестьянскому дѣлу—Я. И. Ростовцеву, въ которомъ Государь нашелъ просвѣщеннаго и беззавѣтно преданнаго дѣлу помощника, не суждено было дожить до великаго дня 19 февраля 1861 года. Въ октябрѣ 1859 года Ростовцевъ заболѣлъ, но, не смотря на то, что болѣзнь усиливалась, не прерывалъ своихъ работъ. Въ концѣ года здоровье Ростовцева настолько ухудшилось, что онъ былъ уже не въ силахъ предсѣдательствовать въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ почти до самой кончины своей слѣдилъ за ходомъ работъ, и подъ его диктовку была окончена отчетная записка, въ которой излагались заключенія и постановленія Коммиссій по крестьянскому вопросу, равно и личные взгляды его на дѣло. 5-го февраля 1860 года,—за годъ до міроваго событія 19 февраля 1861 года,—Ростовцевъ скончался въ присутствіи Императора, къ которому были обращены послѣднія слова его: „Не бойтесь, Государь“. Въ тотъ же день предсмертная записка Ростовцева была представлена Императору. Принявъ эту записку, Государь сказалъ: „Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священо“.

По смерти Ростовцева предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій назначенъ былъ Государемъ тогдаш-

ній министр юстиціи графъ В. Н. Панинъ. Но главнымъ руководителемъ всѣхъ работъ въ этихъ Коммиссіяхъ явился ближайшій помощникъ Ростовцева— Н. А. Милютинъ, уже занявшій къ тому времени постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и горячо отстаивавшій дѣло освобожденія крестьянъ.

Редакціонныя Коммиссіи трудились въ продолженіе года и семи мѣсяцевъ, и по окончаніи порученныхъ имъ работъ, представили свои труды 10 октября 1860 года въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Императоръ Александръ II пригласилъ всѣхъ членовъ бывшихъ Редакціонныхъ Коммиссій въ Зимній дворецъ и сердечно поблагодарилъ ихъ за ихъ добросовѣстный и безкорыстный трудъ.

Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ брата Государя, великаго князя Константина Николаевича, горячо сочувствовавшего дѣлу освобожденія крестьянъ, трудился съ неутомимою дѣятельностію и усердіемъ надъ подробнымъ разсмотрѣніемъ представленныхъ Редакціонными Коммиссіями проектовъ. 26-го января 1861 г. произошло, подъ предсѣдательствомъ самого Государя, послѣднее засѣданіе Главнаго Комитета, для окончательнаго разсмотрѣнія выработаннаго проекта Положенія о крестьянахъ. Въ засѣданіи этомъ Императоръ горячо благодарилъ большинство членовъ Комитета, и въ особенности предсѣдателя его, великаго князя Константина Николаевича, за ихъ трудъ, высказалъ свое одобрительное мнѣніе о работахъ Редакціонныхъ Коммиссій и объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла полную для всѣхъ и каждаго свободу выражать свое мнѣніе, онъ хочетъ теперь, чтобы дѣло было окончено въ возможно краткій срокъ: „этого я желаю, требую, повелѣваю“—прибавилъ Государь.

Вслѣдъ за симъ всѣ проекты законоположеній объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости внесены были, вмѣстѣ съ журналомъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, на окончательное разсмотрѣніе высшаго законодательнаго учрежденія въ Имперіи, Государственнаго Совѣта, который и приступилъ къ этому дѣлу 28-го января 1861 года въ Общемъ Собраніи своемъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя.

Императоръ Александръ II открылъ означенное собраніе Государственнаго Совѣта знаменательною рѣчью, начавъ ее нижеслѣдующими достопамятными словами: „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что всѣ вы, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ окончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ... Повторяю,—и это моя непремѣнная воля,—чтобы дѣло это теперь же было окончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства... При личныхъ моихъ разговорахъ съ губернскими предводителями дворянства и во время путешествій моихъ по Россіи, при приѣмѣ дворянъ, я не скрывалъ моего образа мыслей и взгляда на занимающій всѣхъ насъ вопросъ и гово-

рили вездѣ, что это преобразование не можетъ совершиться безъ нѣкоторыхъ пожертвованій съ ихъ стороны, и что все стараніе мое заключается въ томъ, чтобъ пожертвованія эти были сколь возможно менѣе обременительны и тягостны для дворянства... Прошу только не забывать, что основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ и улучшение не на словахъ только, и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ“. Изложивъ затѣмъ вкратцѣ весь историческій ходъ возникновенія и осуществленія святой мысли освобожденія сельскаго населенія въ Россіи изъ крѣпостного состоянія, Государь закончилъ свою рѣчь такими словами: „Приступая къ этому важному дѣлу, я не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя насъ ожидали, и не скрываю ихъ и теперь; но, твердо уповая на милость Божію и увѣренный въ святости этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества“.

Рѣчь Императора произвела на членовъ Государственнаго Совѣта глубокое впечатлѣніе и имѣла рѣшительное вліяніе на быстрое окончаніе Совѣтомъ предстоявшей ему заключительной работы.

Изложенный ходъ работъ по крестьянскому дѣлу показываетъ, какое огромное личное участіе проявлено было въ немъ со стороны самого Государя. Свободу крестьянамъ русскимъ далъ именно самъ Императоръ Александръ II: не при немъ была она дана, но имъ дана; онъ лично разбилъ оковы крѣпостного ига, тяготѣвшаго надъ всею Россіей, лично отстаивалъ право своего народа на свободу; и починъ великаго дѣла этого и все направленіе его принадлежатъ всецѣло самому Государю, безъ всякихъ постороннихъ вліяній; крѣпостное право рухнуло только по

его царскому слову. Онъ привлекъ къ дѣлу всѣ живыя силы народа, онъ позволилъ обсуждать его гласно, онъ постоянно и неуклонно велъ и подвигалъ его и такимъ образомъ кончилъ дѣло огромной государственной важности, котораго не рѣшались начать ни дядя его—Императоръ Александръ I, ни отецъ—Императоръ Николай Павловичъ.

Но такое трудное дѣло, затрогивавшее и видоизмѣнявшее всѣ стороны государственнаго и бытоваго строя Россіи, нельзя было, конечно, сдѣлать сразу. Четыре года ушло на необходимыя подготовительныя работы. Думы Государя были полны этимъ государственнымъ дѣломъ; тревоги и опасенія за успѣшное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, разумѣется, часто овладѣвали его сердцемъ. Но воля Царя не ослабѣла, любовь его къ своему народу не изсякла и великое, святое дѣло освобожденія сельскаго населенія Россіи отъ крѣпостной неволи и устройства быта этого населенія приведено было, наконецъ, къ благополучному завершенію.

19 февраля 1861 года, въ шестую годовщину восшествія Императора Александра Николаевича на престоль, всѣ сомнѣнія разрѣшились. Въ этотъ достопамятный, незабвенный для Россіи день совершилось величайшее событіе въ судьбахъ русскаго народа: Императоръ Александръ II, горячо помолившись въ уединеніи, подписалъ Высочайшій манифестъ объ отмѣнѣ въ Россіи крѣпостного права на крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ и о дарованіи этимъ крестьянамъ правъ свободнаго сельскаго состоянія.

По почину своего Царя и по его настоянію, болѣе 22-хъ милліоновъ русскихъ крестьянъ освобождены были отъ тяготѣвшей надъ ними въ теченіе почти трехъ столѣтій крѣпостной зависимости, по-

лучили свободу и вмѣстѣ съ нею драгоцѣнное право располагать собою и своими дѣйствіями по собственной волѣ и усмотрѣнію.

Нижеслѣдующими драгоцѣнными словами царской любви и заботливости начинался манифестъ 19 февраля 1861 года: „Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе своему призванію, мы положили въ сердце своемъ обѣтъ обнимать нашу царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и положенія“.

Обнародованіе манифеста состоялось лишь въ воскресенье 5-го марта, послѣ того, какъ манифестъ былъ отпечатанъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ С.-Петербургѣ манифестъ былъ прочтенъ въ тотъ-же день во всѣхъ церквахъ послѣ обѣдни. Самъ Государь лично прочелъ его народу, собравшемуся около Михайловскаго манежа. Освобожденный отъ трехвѣковой неволи народъ восторженными кликами радости привѣтствовалъ обожаемаго Царя.

Когда въ два часа пополудни 5-го марта Государь, возвращаясь съ развода, проѣхалъ мимо громадной толпы народа, собравшейся на Царицыномъ лугу, по случаю бывшаго тамъ въ тотъ день народнаго гулянья, раздалось такое „ура“, отъ котораго, по словамъ одного изъ очевидцевъ, казалось, земля затряслась, шапки полетѣли вверхъ и народный восторгъ принялъ размѣры, не поддающіеся никакому описанію.

Другой очевидецъ восторга народнаго въ тотъ-же великій день рассказываетъ: „Площадь передъ Зимнимъ дворцемъ, куда направился потомъ Государь,

была тоже сплошь покрыта народомъ. Гулъ стоялъ въ воздухѣ. Народъ плакалъ въ умиленіи; всѣ обнимались, цѣловались, точно въ Свѣтло-Христовъ праздникъ. Но вдругъ эта полумилліонная масса заволновалась сильнѣе... Шапки полетѣли на воздухъ. Многіе изъ толпы пали на колѣни. Показалась коляска: въ ней сидѣлъ Императоръ Александръ Николаевичъ, съ умиленіемъ глядя на толпу... Кто видѣлъ это зрѣлище, тотъ навсегда запечатлѣлъ его въ сердцѣ своемъ; кто пережилъ волненіе этихъ минутъ, тотъ на всю жизнь сохранилъ благоговѣйное о нихъ воспоминаніе“.

На лицѣ самого виновника торжества—Императора Александра II было,—какъ передаетъ третій очевидецъ, —„выраженіе праздника“,—столько ясной радости, столько душевнаго довольства было ярко написано на этомъ благородномъ лицѣ. Ни одна тучка не омрачала яснаго неба на лицѣ счастливаго дарованнымъ народу счастіемъ Монарха... Въ тотъ же день, какъ рассказывали тогда, счастливый Царь пошелъ навѣстить свою дочь, малолѣтнюю великую княжну Марію Александровну, и, сіяя отъ радости, цѣлуя ее, сказалъ, что сегодня—„лучшій день“ его жизни.

Да, это былъ, дѣйствительно, не только лучшій день въ жизни Императора Александра II, но и самый свѣтлый день въ лѣтописяхъ Россіи,—день, въ который совершилось великое, святое дѣло, достойное вѣчной гордости не одной Россіи, но и всего вообще человѣчества! Никому не знать и не счесть, сколько крестныхъ знаменій положено за Императора Александра II милліонами освобожденныхъ имъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ радостныхъ слезъ оросило русскую землю!

Вмѣстѣ съ Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 г. обнародованъ былъ въ обѣихъ столицахъ, а впослѣдствіи и во всей Россіи, законъ объ устройствѣ быта освобожденныхъ крестьянъ, названный „Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. На основаніи этого закона и особенно въ силу послѣдовавшихъ затѣмъ преобразованій, освобожденнымъ крестьянамъ дарованы были такія личныя и общественныя права, которыя почти сравнили ихъ съ прочими сословіями въ государствѣ.

Находясь въ личной зависимости отъ помѣщиковъ, милліоны русскихъ людей должны были прежде трудиться не на себя, а на тѣхъ землевладѣльцевъ, во власти которыхъ они находились. Теперь, съ освобожденіемъ крестьянъ, обязательный трудъ рухнулъ: воздѣлывая, въ потѣ лица, свой участокъ земли, каждый крестьянинъ получилъ возможность лично пользоваться плодами своего свободнаго труда, т. е. трудиться на себя, для собственной своей пользы и благополучія. Крестьяне получили право отлучаться изъ мѣста своего жительства, съ соблюденіемъ лишь установленныхъ общими законами правилъ и по исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщику. Дѣтямъ крестьянъ не возбраняется поступать во всѣ учебныя заведенія и на всякую службу, по удовлетвореніи лишь, наравнѣ съ лицами другихъ сословій, нѣкоторымъ законнымъ условіямъ и требованіямъ. Наказанію или ограниченію въ правахъ крестьяне могутъ быть подвергаемы не иначе, какъ по судебному или мірскому приговору, или же по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ или общественныхъ властей.

Предоставляя освобожденнымъ крестьянамъ личныя права, общія всѣмъ гражданамъ государства, мудрый Царь особенно озаботился дѣйствительнымъ обезпеченіемъ и улучшеніемъ ихъ быта, неразрывно связаннаго, въ теченіе всей исторической жизни крестьянства въ Россіи, съ пользованіемъ землею. Съ этою цѣлю постановлено было надѣлать крестьянъ въ постоянное пользованіе усадебною осѣдлостію и полевыми угодьями, въ размѣрѣ, сообразномъ съ качествами земли каждой мѣстности и вообще мѣстными потребностями. Но такъ какъ у крестьянъ не было средствъ внести помѣщику сразу всю стоимость поступившей въ ихъ надѣль земли, а съ другой стороны и помѣщику не представлялось, конечно, заманчивымъ получать причитающуюся ему сумму мелкими частями въ теченіе 30—40 лѣтъ, то посредничество между помѣщиками и отпущавшимися на волю крѣпостными и приняла на себя казна, которая выплачивала помѣщику особыми выкупными бумагами всю слѣдовавшую ему сумму и записывала ее долгосрочнымъ долгомъ за крестьянами, обязанными погасить этотъ долгъ казнѣ по выкупнымъ ссудамъ ежегодными взносами въ видѣ выкупныхъ платежей. Количество и условія крестьянскаго земельного надѣла опредѣлялись особыми, между помѣщиками и крестьянами, договорами, названными въ законѣ „уставными грамотами“. Для соблюденія-же болѣе правильнаго надѣла и огражденія выгодъ крестьянъ, а равно для сношеній между помѣщиками и водворенными на ихъ земляхъ бывшими крѣпостными и разрѣшенія всѣхъ возникавшихъ между ними недоразумѣній и спорсъ, въ составленіи уставныхъ грамотъ принимали участіе, временно учрежденные для каждаго уѣзда, особые „мировые посредники“, на

должность которыхъ назначались, по повелѣнію Государя, лучшіе люди изъ дворянъ-помѣщиковъ, заслужившихъ особенное довѣріе правительства и мѣстнаго населенія.

Изъ земледѣльцевъ крестьяне обратились, такимъ образомъ, въ землевладѣльцевъ, крестьянъ-собственниковъ. Впрочемъ, впредь до выкупа бывшими крѣпостными крестьянами отведенныхъ имъ полевыхъ угодій въ собственность, они оставались, въ отношеніи прежнихъ помѣщиковъ, „временно-обязанными“ крестьянами. Срокъ для вноса выкупныхъ платежей со стороны крестьянъ назначенъ 49-тилѣтній со дня изданія Положенія 19 февраля 1861 года. Но крестьяне могутъ освободиться отъ временно-обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ и ранѣе означеннаго срока, въ томъ случаѣ, если они или добровольно откажутся отъ предоставленнаго имъ земельного надѣла, т. е. захотятъ быть совершенно свободными безъ земли, или же выкупятъ выдѣленную имъ землю, усадебную и полевую, въ свою собственность, или, наконецъ, перейдутъ, съ соблюденіемъ установленныхъ для того правилъ, въ другія сословія.

Вмѣстѣ съ предоставленіемъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, упомянутыхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, установлено для нихъ и особое крестьянское самоуправленіе. Крестьяне получили право самостоятельно распоряжаться своими хозяйственными и общественными дѣлами, избирая изъ среды своей разумнѣйшихъ и надежнѣйшихъ лицъ для веденія ихъ общихъ дѣлъ подъ руководствомъ крестьянскихъ сходовъ. А такъ какъ въ жизни русскихъ крестьянъ сохранилось много старыхъ обычаевъ и правилъ, свято чтимыхъ и соблюдаемыхъ, какъ опытъ разума предковъ, то Госу-

дарь даровалъ имъ и собственный волостной крестьянскій судъ, который разрѣшаетъ недоумѣнія и разбираетъ дѣла крестьянъ по совѣсти, по мірскому разуму.

Крестьяне каждой деревни или села составляютъ сельское общество или міръ, члены котораго имѣютъ право собираться, для обсуждения и рѣшенія своихъ общихъ дѣлъ, на сельскій или мірской сходъ. Первое мѣсто на сельскомъ сходѣ и охраненіе на немъ должнаго порядка принадлежитъ выборному обществу сельскому старостѣ; на немъ же лежитъ и исполненіе приговоровъ сельскаго схода. Всѣ дѣла на сельскомъ сходѣ рѣшаются или съ общаго согласія всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, или же большинствомъ голосовъ участвовавшихъ въ сходѣ крестьянъ. Сельскій староста, на обязанности котораго лежитъ общественное спокойствіе и безопасность въ предѣлахъ общины, имѣетъ право принимать законныя мѣры къ пресѣченію всякаго нарушенія общественнаго порядка, отъ кого-бы оно ни исходило.

Нѣсколько сельскихъ общинъ соединяются въ волость, имѣющую свое волостное управленіе, состоящее изъ волостного схода, волостного старшины съ волостнымъ правленіемъ и волостного суда.

Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ по выбору и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ cadaго сельскаго общества, къ составу волости принадлежащаго, по одному человѣку на каждые десять дворовъ. Волостной сходъ рѣшаетъ всѣ хозяйственныя и общественныя дѣла, въ которыхъ заинтересована цѣлая волость. Всѣ дѣла на волостномъ сходѣ рѣшаются

подобно тому, какъ и на сельскомъ, или по общему согласію всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, или же по большинству голосовъ.

Первое мѣсто на волостномъ сходѣ и охраненіе на немъ должнаго порядка принадлежитъ волостному старшинѣ. Волостной старшина наблюдаетъ за сохраненіемъ общаго порядка, спокойствія и благочинія въ предѣлахъ волости и принимаетъ соотвѣтственныя этому законныя мѣры. Въ отношеніи мѣръ такого рода ему вполнѣ подчиняются сельскіе старосты.

Волостное правленіе составляется изъ старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ и изъ сборщиковъ податей—гдѣ они имѣются. Волостное правленіе приводитъ въ исполненіе какъ дѣла, рѣшенныя на волостномъ сходѣ, такъ и требованія, предъявляемыя ему высшею государственною властію. Дѣла, подлежащія вѣдѣнію волостного правленія, рѣшаются или единогласно, или по большинству голосовъ наличныхъ членовъ.

Для составленія волостного крестьянскаго суда избирается ежегодно волостнымъ сходомъ, изъ числа участвующихъ въ немъ крестьянъ, отъ 4 до 12 очередныхъ судей, причемъ, для рѣшенія какого-либо дѣла, присутствіе волостного суда должно состоять не менѣе, какъ изъ трехъ судей. Волостной судъ вѣдаетъ какъ тяжбы и споры между крестьянами, такъ и дѣла о маловажныхъ ихъ проступкахъ. По такимъ проступкамъ волостной судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ назначенію на общественныя работы (до 6 дней), къ денежному взысканію (до 3-хъ рублей) или къ аресту (до 7 дней), или, наконецъ, лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія,—къ наказанію розгами до 20-ти ударовъ; причемъ назначеніе за каждый проступокъ того или

другого изъ упомянутыхъ наказаній предоставляется свободному усмотрѣнiю самого суда. Волостной старшина и сельскiе старосы не имѣютъ права вмѣшиваться въ производство волостного суда и не присутствуютъ при обсужденiи въ немъ дѣлъ. Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.—

Такова, въ существенныхъ чертахъ, великая крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. Вводя эту реформу, Государь съ одной стороны принялъ въ уваженiе интересы дворянъ-помѣщиковъ; признавъ, что законно-прiобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть отняты отъ нихъ безъ соответствующаго вознагражденiя или добровольной уступки: съ другой стороны—онъ даровалъ крестьянамъ, во 1-хъ, личную свободу, гражданскiя права и значительное самоуправленiе и, во 2-хъ, ту часть земли, которая находилась уже въ ихъ пользованiи, но за которую они прежде обязаны были вѣчно работать на помѣщика, а теперь только выплачиваютъ казнѣ, съ разсрочкою, опредѣленную сумму денегъ.

Уже само по себѣ дарованiе личной свободы болѣе чѣмъ 22-мъ миллiонамъ крестьянъ являлось поистинѣ огромнымъ дѣломъ Императора Александра II; но главная суть крестьянской реформы состояла именно въ томъ, что крѣпостные были отпущены на волю съ землею. Дарованiе крестьянамъ одной только личной свободы, безъ земли, было бы для народа хуже неволи. Вмѣсто отмѣненнаго по закону крѣпостного права установилась бы въ такомъ случаѣ настоящая, дѣйствительная кабала, такъ какъ мужику жить безъ земли невозможно, и въ то же самое время на рукахъ у государства оказались-бы свыше 22-хъ миллiоновъ безземельныхъ и обездоленныхъ нищихъ. Благодаря личной настой-

чивости Императора Александра II, Россія была спасена отъ такой ужасной участи: помѣщичьи крестьяне были освобождены съ землею.

День 19-го февраля 1861 года легъ гранью между старой, дореформенной Россіей и новой эпохой въ историческомъ развитіи ея государственной, общественной и частной жизни. Отмѣна крѣпостного права положила предѣлъ развитію помѣщичьяго произвола и послужила краеугольнымъ камнемъ, безъ котораго были-бы немислимы всѣ послѣдующія преобразованія. Вотъ почему день освобожденія крестьянъ въ Россіи всегда будетъ поистинѣ всенароднымъ русскимъ праздникомъ, великимъ торжествомъ не только для крестьянина, но и для всякаго сына земли русской, благосостояніе и крѣпость которой одинаково зиждутся на благѣ всѣхъ сословій, званій и состояній.

Высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ уже сказано, былъ подписанъ 19-го февраля 1861 года, но только 5-го марта того же года одновременно по всей Россіи объявленъ во всеобщее свѣдѣніе, причемъ вѣсть объ отмѣнѣ крѣпостного права вызвала неопикуемый восторгъ и трогательную благодарность народа своему Освободителю на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, начиная отъ столицы и кончая послѣдней бѣдной деревушкой.

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“—этими незабвенными, дорогими для каждаго русскаго сердца словами оканчивался Высочайшій манифестъ 19-го февраля. И миллионы рукъ всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ лю-

дей, навсегда освобожденныхъ державною волею и любовью Царя отъ узъ многовѣковаго рабства, поднялись, какъ одна рука, осѣняя несчетными крестами свободно вздохнувшія груди.

Какъ бы въ силу единого душевнаго движенія сказалось при этомъ у всѣхъ слово „Царь-Освободитель“, и славное наименованіе это такъ и осталось съ тѣхъ поръ на вѣчныя времена за Императоромъ Александромъ II.

ГЛАВА IV.

Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Введеніе земскихъ учрежденій и городского самоуправленія.

Будучи полонъ горячей любви къ своему народу и ко всему вообще человѣчеству и обнимая своимъ царскимъ попеченіемъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, Императоръ Александръ Николаевичъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, совершилъ, съ помощью Божіею, еще цѣлый рядъ другихъ коренныхъ преобразованій, явившихся прямыми послѣдствіями высокознаменательной крестьянской реформы и проникнутыхъ тою же высокою справедливостью, уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовью къ ближнему.

Первымъ, по времени, преобразованіемъ, послѣдовавшимъ за отмѣною крѣпостного права, лежавшаго неодолимымъ препятствіемъ на пути всякаго улучшенія и преобразованія государственнаго строя Россіи, явилась отмѣна жестокихъ и позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, назначавшихся прежде за преступленія.

Тѣлесныя наказанія ввелись въ то старое время, когда въ военную службу дозволялось еще отдавать въ видѣ наказанія за проступки и даже за преступленія. Для лицъ, сданныхъ въ солдаты за порочное поведеніе, нужно было устрашающее наказаніе. Такимъ-то наказаніемъ и были такъ-называемые „шпицрутены“, т. е. длинные прутья, которыми били проходящаго между двухъ шеренгъ преступника, что называлось „прогнаніемъ сквозь строй“. Наказаніе же розгами считалось легкимъ и стало какъ-бы необходимою принадлежностію военной службы; часто оно доходило до жестокости, но, вслѣдствіе постояннаго примѣненія розогъ, къ нимъ всѣ привыкли и онѣ стали явленіемъ настолькоъ обычнымъ, что даже рѣдко кому приходило въ голову устыдиться понесеннаго имъ наказанія. Къ тому же наказаніе розгами назначалось часто и не по приговору суда, а просто помѣщикомъ, или какимъ-нибудь мелкимъ полицейскимъ чиномъ.

Уже въ началѣ царствованія Императора Александра II обращено было вниманіе на то, что тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, не достигая цѣли исправленія преступника, только позорить личность человѣка, унижаетъ его чувство чести, подрываетъ въ немъ сознаніе его человѣческаго достоинства и способствуетъ ожесточенію нравовъ.

Государь началъ съ уменьшенія круга лицъ, подлежащихъ телѣсному наказанію. Дворянство, гильдейское купечество и духовенство освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній еще при предшественникахъ Царя-Освободителя. Затѣмъ въ 1855 году, уже въ царствованіе Императора Александра Николаевича, изъяты были изъ тѣлеснаго наказанія церковныя старосты; въ 1861 году изыятіе это распростра-

нено на женщинъ, достигшихъ 50.-тилѣтняго возраста, на лицъ, получившихъ образование въ учебныхъ заведеніяхъ, на повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ и сельскихъ училищъ.

Наконецъ, установившееся, благодаря отмѣнѣ крѣпостного права, новое положеніе крестьянъ въ средѣ русскаго общества вызвало вскорѣ почти совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній и для нихъ.

17-го апрѣля 1863 г. послѣдовала именной Высочайшей указъ, которымъ совершенно отмѣнено тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, опредѣляемая по приговору общаго суда. Незабвеннымъ указомъ этимъ, который навсегда останется славнымъ памятникомъ въ русскомъ законодательствѣ, уничтожены были, по волѣ Царя-Освободителя, послѣдніе слѣды рабства въ Россіи: отмѣнены прогнаніе сквозь строй, шпицрутены, плети, кошки и клейменіе человѣческаго тѣла; наказаніе же розгами, которому подвергались дотолѣ лица, принадлежащія къ низшимъ сословіямъ, не изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній, замѣнено для нихъ кратковременнымъ арестомъ или заключеніемъ въ тюрьмѣ. Какъ постоянная мѣра взысканія, наказаніе розгами сохранилось лишь въ предѣлахъ волости, гдѣ оно можетъ быть назначаемо по приговорамъ волостного суда, въ размѣрѣ не свыше 20 ударовъ, и допускается сверхъ того въ двухъ-трехъ случаяхъ въ области общаго суда, по отношенію къ бродягамъ, непомнящимъ родства, и бѣглымъ ссыльно-каторжнымъ.

Отмѣна тѣлеснаго наказанія распространена вмѣстѣ съ тѣмъ и на войска, „въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ“, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ. Всѣ безпорочно служащіе

нижніе воинскіе чины освобождены нынѣ отъ тѣлеснаго наказанія до тѣхъ поръ, пока не будутъ переведены, по приговору суда, въ разрядъ штрафованныхъ. Во время же состоянія въ разрядѣ штрафованныхъ, нижніе чины, за совершенные ими проступки, могутъ быть, въ видѣ исключенія, наказуемы и безъ суда розгами не свыше 50 ударовъ, со внесеніемъ штрафа въ штрафной журналъ.

Таковы скромные размѣры, въ которыхъ сохранилось примѣненіе въ Россіи наказанія розгами. Всѣ же прочіе существовавшіе прежде виды тѣлеснаго наказанія отошли окончательно въ вѣчность, оставивъ по себѣ одно лишь тяжелое воспоминаніе.

Въ тѣсной связи съ отмѣною крѣпостного права находится затѣмъ преобразование общественнаго хозяйства уѣзда и губерніи, посредствомъ введенія такъ-называемыхъ земскихъ учреждений.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ явилось какъ-бы дополненіемъ къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Искони, въ очень давнія времена, были вольные крестьяне на Руси; искони же было на Руси и земство, т. е. широкое мѣстное самоуправленіе, выражавшееся въ правѣ мѣстнаго населенія обсуждать и удовлетворять свои мѣстныя нужды и заявлять о своихъ потребностяхъ. Правомъ этимъ пользовались всѣ сословія русскаго народа: бояре или дворяне, духовенство, купцы и мѣщане—въ городахъ, крестьяне — въ селахъ и деревняхъ. Это-то земство Царь-Освободитель и рѣшилъ возстановить на Руси, для того, чтобы всѣ хозяйственныя дѣла по уѣздамъ и губерніямъ передать въ руки мѣстныхъ людей.

Люди, живущіе въ одной и той же мѣстности, всегда имѣютъ извѣстныя общія всѣмъ имъ нужды и потребности. Такъ, на примѣръ, всѣ они нуждаются въ томъ, чтобы дороги, пролегающія черезъ ихъ мѣстность, были исправны и удобны для проѣзда, чтобы, въ случаѣ появленія какой-либо заразной болѣзни, мѣстное населеніе не гибло отъ заразы и т. п.

Удовлетвореніе всѣхъ этихъ мѣстныхъ потребностей населенія сопряжено съ извѣстными расходами, которые, въ былыя времена, за отсутствіемъ у правительства денежныхъ средствъ, покрывались натуральными повинностями. Но, съ развитіемъ государственной жизни, возникло много новыхъ потребностей, причемъ прежній порядокъ удовлетворенія ихъ становился уже затруднительнымъ и неудобнымъ, какъ для правительства, такъ и для самихъ мѣстныхъ жителей, и потому натуральныя повинности замѣнены были мало-по-малу денежными.

До введенія въ Россіи земскихъ учрежденій, все земское дѣло въ губерніи сосредоточивалось въ рукахъ губернатора, который въ самомъ законѣ назывался „хозяиномъ губерніи“ и которому ввѣрено было не только наблюденіе за исполненіемъ законовъ, но и попеченіе о благосостояніи и даже нравственности мѣстныхъ жителей. Единственнымъ ограниченіемъ власти губернаторовъ было учрежденіе въ каждой губерніи особаго комитета земскихъ повинностей и предоставленіе мѣстному дворянскому обществу права повѣрки отчетовъ по земскимъ сборамъ.

Всѣ земскія повинности дѣлились на государственныя и губернскія. Комитету земскихъ повинностей, который состоялъ изъ управляющихъ отдѣльными частями въ губерніи, предводителей дворянства и депутатовъ отъ дворянства и городовъ, предоставлено

было составлять смѣту всѣхъ необходимыхъ и установленныхъ закономъ издержекъ на государственныя повинности, а на губернскія—какъ смѣту издержекъ, такъ и раскладку предположенныхъ по этой смѣтѣ сборовъ на земли, гильдейскія свидѣтельства и податныя ревизскія души въ губерніяхъ. Депутаты же дворянства имѣли право, передъ каждымъ періодическимъ собраніемъ дворянства, повѣрять отчетность какъ по государственному, такъ и по губернскому земскому сбору и представлять затѣмъ свои доклады собранію, которое, если находило какія-либо неправильности, безпорядки или злоупотребленія, могло сообщать объ этомъ высшему правительству.

Но, при господствовавшихъ тогда порядкахъ, всѣ эти права и ограниченія на самомъ дѣлѣ не имѣли значенія: они существовали только въ законодательствѣ, на бумагѣ, не переходя въ жизнь. Происходило это частію вслѣдствіе того приниженаго положенія, въ которомъ находилось мѣстное общество по отношенію къ власти губернатора, частію же потому что земскія повинности падали на крестьянъ и мѣщанъ и слѣдовательно дворянство не было лично заинтересовано въ правильномъ употребленіи земскихъ сборовъ. Общественное хозяйство государства, какъ губернское, такъ и уѣздное, находилось въ рукахъ небольшого числа чиновниковъ мало съ нимъ знакомыхъ или же относившихся къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, какъ къ предмету, для нихъ чуждому. Городской и сельскій житель, купецъ, мѣщанинъ и особенно крестьянинъ не принимали почти никакого личнаго участія въ общемъ хозяйствѣ своей губерніи и своего уѣзда. Вносилъ человѣкъ подати, отбывалъ повинности, платилъ что скажутъ и прикажутъ, и не вѣдалъ, на что идутъ собран-

ныя деньги и какъ расходуются. Не было у него права обсуждать сообща съ другими свои хозяйственныя нужды, поразмыслить вмѣстѣ съ ними о томъ, гдѣ и откуда взять необходимыя на расходы денежныя средства, какъ правильнѣе и равномѣрнѣе разложить повинности. Къ этому присоединялись еще сложность и медленность въ разрѣшеніи хозяйственныхъ вопросовъ, являвшіяся послѣдствіемъ сосредоточенія завѣдыванія дѣлами общественнаго хозяйства въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ С.-Петербургѣ. Такой порядокъ, при огромныхъ пространствахъ нашего обширнаго отечества и отсутствіи путей сообщенія, былъ, конечно, крайне неудобенъ. Напримѣръ, для того, чтобы исправить въ селѣ церковь, построить мостъ, завести, на счетъ городскихъ или мірскихъ суммъ, школу, больницу, богадѣльню и проч., нужно было испрашивать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разрѣшеніе чуть-ли не изъ самаго Петербурга; а между тѣмъ по полученіи этого разрѣшенія смѣта на исправленіе церкви, утвержденная кѣмъ слѣдовало, уже не годилась, такъ какъ, за долгое время ожиданія разрѣшенія, церковь ветшала и требовала на поправку уже большихъ расходовъ, вслѣдствіе чего возникали новыя хлопоты и проволочки. Ясно было, что завѣдываніе общественнымъ или земскимъ хозяйствомъ находилось не въ тѣхъ рукахъ, въ какихъ бы слѣдовало, а потому и отличалось большою путаницею и безурядицею.

Вотъ почему Императоръ Александръ II призналъ необходимымъ преобразовать и эту часть управленія. Государь пожелалъ, чтобы въ каждой губерніи дороги были лучше, мосты были крѣпче, чтобы въ больницахъ было больше удобствъ и поряд-

ка; пожелалъ онъ также, чтобы школь для народа завелось побольше и чтобы, наконецъ, каждый уѣздъ и каждая губернія сами думали о своемъ продовольствіи.

Исходя, при этомъ, изъ той основной мысли, что всякое хозяйство идетъ обыкновенно лучше и успѣшнѣе тамъ, гдѣ имъ завѣдуетъ самъ хозяинъ, а не постороннее лицо, и что удовлетвореніе потребностей мѣстнаго населенія касается ближе всего этого именно населенія, Царь-Освободитель призналъ за благо призвать къ ближайшему завѣдыванію дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и cadaго уѣзда, само мѣстное населеніе и возложить на него же, какъ на плательщика земскаго сбора, всѣ заботы по взиманію этого сбора и по употребленію его на пользу населенія.

Сообразно съ симъ 1-го января 1864 г. Высочайше утверждено было особое „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“. Закономъ этимъ управленіе и распоряженіе дѣлами, касающимися хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и cadaго уѣзда, ввѣрено самому мѣстному населенію.

Сами мѣстные жители, конечно, лучше кого-либо другого знакомы съ своими нуждами и потребностями; имъ яснѣе, чѣмъ кому-либо, видно, какія именно мѣры слѣдуетъ предпринять къ улучшенію мѣстнаго хозяйственнаго быта, т. е. что въ данное время нужнѣе для ихъ края: дорогу-ли исправить, школу-ли завести, или больницу устроить, сколько денегъ слѣдуетъ собрать на земскія нужды и какъ безобиднѣе слѣдуетъ раскладку земскаго сбора на всѣхъ мѣстныхъ жителей, въ видѣ налога на ихъ земли, фабрики, заводы и т. п. имущество.

Чтобы земскій сборъ не отягощалъ мѣстнаго населенія, самому этому населенію предоставлено право разверстывать сборъ между отдѣльными жителями, соразмѣрно достатку каждаго плательщика, а чтобы сборъ этотъ употреблялся правильно, т. е. шелъ на удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ населенія, самому же населенію представлено и право завѣдывать расходываніемъ этого сбора.

Всякое лицо, обладающее извѣстнымъ, указаннымъ въ законѣ, имуществомъ или капиталомъ, обязательно участвуетъ въ платежѣ земскаго сбора, а платежъ земскаго сбора даетъ, въ свою очередь, право на участіе въ управленіи земскимъ хозяйствомъ. Но такъ какъ лицъ, живущихъ въ извѣстной мѣстности и платящихъ земскій сборъ, очень много и нѣтъ никакой возможности, чтобы все мѣстное населеніе непосредственно участвовало въ управленіи земскимъ дѣломъ, то плательщикамъ земскаго сбора предоставлено избирать изъ среды своей, для ближайшаго завѣдыванія мѣстнымъ хозяйствомъ, особыхъ представителей, которые и являются уже дѣйствительными заправилами дѣла. Эти довѣренные люди, избираемые, въ установленномъ порядкѣ, самимъ населеніемъ, на три года, изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій — дворянъ-землевладѣльцевъ, горожанъ, духовенства и крестьянъ, — подають, при обсужденіи и рѣшеніи земскихъ дѣлъ, голоса и называются поэтому „гласными“.

Собраніе лицъ, имѣющихъ право выбирать гласныхъ и быть избираемыми въ гласные, созванное для производства этихъ выборовъ, называется избирательнымъ съѣздомъ.

Изъ помянутыхъ сословныхъ представителей или выборныхъ, называемыхъ „гласными“, и составляются

такъ-называемыя уѣздныя и губернскія земскія учрежденія, а именно: 1) уѣздныя и губернскія земскія собранія, на которыя съѣзжаются ежегодно, на извѣстный срокъ, земскіе представители уѣзда и губерніи, для обсужденія и рѣшенія своихъ общихъ дѣлъ и 2) уѣздныя и губернскія земскія управы, учрежденныя для непосредственнаго и постояннаго, въ теченіе всего года, управленія текущими дѣлами по земству и приведенія въ исполненіе постановленій земскихъ собраній.

Уѣздное земское собраніе составляется изъ гласныхъ, избранныхъ на мѣстныхъ избирательныхъ съѣздахъ. Собраніе это и есть то именно учрежденіе, въ которомъ собственно сосредоточивается заведываніе всѣмъ мѣстнымъ уѣзднымъ земскимъ хозяйствомъ.

Уѣздныя земскія собранія бывають обыкновенно одинъ разъ въ годъ, не позже сентября мѣсяца. Но кромѣ обыкновенныхъ, ежегодныхъ засѣданій уѣзднаго земскаго собранія, называемыхъ очередными, бывають еще чрезвычайныя или внѣ-очередныя засѣданія. Эти послѣднія засѣданія открываются тогда, когда земское собраніе должно разсмотрѣть какое-нибудь дѣло, не терпящее отлагательства, а между тѣмъ до открытія очереднаго собранія остается еще значительное время.

Такъ какъ уѣздное земское собраніе засѣдаетъ не постоянно, а лишь по временамъ, между тѣмъ всякое дѣло требуетъ непрерывнаго наблюденія и направленія, то каждое земское собраніе выбираетъ, изъ среды своей, на три года, нѣсколько лицъ, для образованія особой уѣздной земской управы, на которую и возлагается постоянное управленіе земскимъ хозяйствомъ по указаніямъ собранія.

Затѣмъ, подобно тому, какъ въ каждомъ уѣздѣ существуютъ—уѣздное земское собраніе и уѣздная земская управа, и въ каждой губерніи сущесвуютъ—особое губернское земское собраніе и особая губернская земская управа.

Губернское земское собраніе составляется изъ губернскихъ гласныхъ, избираемыхъ, въ извѣстномъ числѣ, каждымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, изъ среды своей, на три года. Губернское земское собраніе созывается обыкновенно одинъ разъ въ годъ, не позже ноября мѣсяца. Но сверхъ обычныхъ или такъ-называемыхъ очередныхъ засѣданій губернскаго собранія, допускаются и чрезвычайныя, для рѣшенія вопросовъ, не терпящихъ отлагательства.

Для постояннаго же управленія земскимъ дѣломъ по указаніямъ губернскихъ земскихъ собраній существуютъ губернскія земскія управы, составляемыя, на подобіе уѣздныхъ управъ, изъ членовъ, избираемыхъ губернскими собраніями изъ среды своихъ гласныхъ.

Такимъ образомъ, земскимъ собраніямъ принадлежитъ власть распорядительная и контроль по земскимъ дѣламъ, а земскимъ управамъ—власть исполнительная: собраніе указываетъ, что нужно сдѣлать по земскому управленію, по той или другой части земскаго хозяйства, а управа приводитъ въ исполненіе опредѣленія и постановленія собранія и имѣетъ поэтому, для отправленія ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, постоянныя, въ теченіе цѣлаго года, засѣданія.

Затѣмъ, между губернскими и уѣздными земскими учрежденіями занятія распредѣляются такимъ образомъ, что губернскія земскія учрежденія завѣдуютъ тѣми изъ земскихъ дѣлъ, которыя относятся до цѣ-

лой губерніи или же до нѣсколькихъ ея уѣздовъ, а уѣздныя земскія учрежденія завѣдуютъ земскими дѣлами, касающимися лишь одного того уѣзда, въ которомъ они учреждены.

Будучи призваны къ общему, сословному участию въ обсужденіи и удовлетвореніи хозяйственныхъ пользъ и нуждъ своего края, въ предѣлахъ уѣзда и губерніи, сословія наши—дворяне-землевладельцы, городскіе и сельскіе обыватели—значительно сблизились и слились между собою.

Ничего подобнаго не было въ Россіи до Императора Александра II-го.

И вѣтъ, не прошло еще и четырехъ лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, какъ уже были введены земскія учрежденія. Явились выборные, земскіе, гласные люди и начался новый, земскій строй жизни Россіи: населеніе большинства уѣздовъ и губерній получило дорогое для каждаго право самостоятельно распоряжаться своимъ общественнымъ хозяйствомъ, и всѣ сословія, всѣ классы общества были уравнены въ дѣлѣ обсужденія и удовлетворенія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей. И дворяне, и мѣщане, и купцы, и духовныя лица, и разночинцы и крестьяне получили въ земствѣ одинаковыя права и закупаютъ нынѣ вмѣстѣ въ собраніяхъ земскихъ, распоряжаясь сообща уѣзднымъ и губернскимъ хозяйствомъ. Участвуя, посредствомъ избранныхъ лицъ, въ завѣдываніи дѣлами, касающимися пользъ и нуждъ своего края, мѣстное населеніе начало жить новою, болѣе самостоятельною общественною жизнью. Хозяйство общественное обновилось и перестроилось на новый ладъ. То, что прежде дѣлали въ губерніи только нѣскольکو чиновниковъ, у которыхъ, баже при полной ихъ добросовѣстности, не хватало

ни времени. ни силъ для точнаго исполненія лежавшихъ на нихъ многоразличныхъ и многосложныхъ обязанностей, то, по волѣ Государя, стали дѣлать теперь въ губерніи всѣ ея жители вмѣстѣ, и дѣло пошло куда на сколько скорѣе и проще, и всѣмъ въ губерніи стало лучше; явилось множество новыхъ учрежденій, о которыхъ прежде и думать не приходилось: во многихъ большихъ селахъ можно теперь найти училище, больницу, фельдшера, бабу, иногда даже врача и ветеринара. Конечно, дорогіе плоды этого новаго порядка не могли явиться всѣ сразу; но какъ ни молоды земскія учрежденія, они однако же, и въ короткій еще періодъ своего существованія успѣли уже проявить наглядно значеніе и пользу земскаго дѣла по отношенію къ удовлетворенію мѣстныхъ хозяйственныхъ польвъ и нуждъ въ предѣлахъ уѣзда и губерніи; уже и теперь многія нужды и насущныя потребности уѣздовъ и губерній удовлетворяются значительно лучше прежняго: и школъ стало больше, и больницъ также прибавилось, и сборы ложатся равномернѣе и много еще другого хорошаго и благотворнаго пошло по землѣ русской съ введеніемъ въ ней земскихъ учрежденій.

Спустя шесть лѣтъ по введеніи въ Россіи земскихъ учрежденій, послѣдовало преобразование, на тѣхъ же основаніяхъ, и городского управленія. Высочайшимъ указомъ 16 іюня 1870 г. утверждено было новое „Городовое Положеніе“, по которому и русскіе города получили также широкое право самоуправленія, т. е. право самостоятельнаго завѣ-

дыванія городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ.

По Городовому Положенію 1870 г. городское общественное управленіе состоитъ изъ городскихъ избирательныхъ собраній, городской думы и городской управы.

Городскія избирательныя собранія, состоящія изъ всѣхъ городскихъ жителей, уплачивающихъ въ доходъ города извѣстные сборы и налоги съ имущества или промысла, созываются каждые четыре года единственно для избиранія изъ среды городского общества, безъ различія сословій, городского головы и гласныхъ въ городскую думу.

Городская дума состоитъ, подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ гласныхъ, выбранныхъ въ избирательныхъ собраніяхъ. Она собирается для обсужденія и рѣшенія дѣлъ, относящихся до городского хозяйства и управленія, и имѣетъ такимъ образомъ власть распорядительную. Для завѣдыванія же текущими хозяйственными дѣлами города, дума избираетъ, изъ числа своихъ гласныхъ, членовъ въ городскую управу, которая, состоя подъ предсѣдательствомъ городского головы, приводитъ въ исполненіе издаваемые думою постановленія, собираетъ нужныя свѣдѣнія, изготавляетъ проекты, распоряжается, согласно указаніямъ думы, городскими капиталами, составляетъ для нея отчеты о своей дѣятельности и обнародываетъ ихъ вмѣстѣ съ заключеніями думы.

Кругъ вѣдомства городского общественнаго управленія въ предѣлахъ города весьма обширенъ: дума самостоятельно устраиваетъ городское управленіе и хозяйство, выбираетъ должностныхъ лицъ, назначаетъ имъ жалованье, устанавливаетъ городскіе сборы, за-

вѣдуетъ городскими имуществами, расходуетъ городскія суммы, заботится о внѣшнемъ благоустройствѣ города, о его благосостояніи, здравіи, просвѣщеніи и промышленности, устраиваетъ рынки, пристани, открываетъ больницы, благотворительныя заведенія, школы, бібліотеки, музеи, театры, выставки и т. п., наконецъ, ходатайствуетъ передъ правительствомъ по предметамъ нуждъ и пользы города.

ГЛАВА V.

Преобразование судебной части.

Почти одновременно съ введеніемъ земскихъ учреждений, Императоръ Александръ II призналъ необходимымъ, для благоденствія своего народа, преобразовать и существовавшій у насъ до того времени порядокъ судоустройства и судопроизводства.

Преобразование судебной части, совершенно видоизмѣнившее условия отправленія правосудія въ Россіи, явилось прямымъ послѣдствіемъ перваго драгоцѣннаго и великодушнаго царскаго подарка народу—данной ему воли; съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, необходимо было всѣхъ подданныхъ, безъ различія званія и положенія, сравнять и передъ судебною властію, дать всѣмъ имъ одинаковую защиту суда и закона. И вотъ „судъ равный для всѣхъ“, водворенный въ Россіи волею Царя-Преобразователя, далъ крестьянамъ, уже освобожденнымъ отъ личной зависимости, полныя гражданскія права и такимъ образомъ уравнилъ ихъ и въ этомъ отношеніи со всѣми другими сословіями.

Всѣ правонарушенія, подлежащія разбирательству судовъ, распадаются на двѣ главныя группы, рѣзко различающіяся между собою какъ по своей сущности, такъ и по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя они влекутъ за собою для правонарушителя, а именно на: а) гражданскія правонарушенія и б) уголовныя правонарушенія, называемыя иначе преступленіями.

Подъ гражданскимъ правонарушеніемъ разумѣется такое нарушеніе чьего-либо имущественнаго права, которое совершено или вслѣдствіе невозможности выполнить принятое на себя обязательство, или же по причинѣ ложнаго убѣжденія въ своемъ правѣ. Такъ, напримѣръ, лицо, не имѣющее возможности возвратить въ срокъ взятую въ долгъ сумму, совершаетъ гражданское правонарушеніе,—вслѣдствіе невозможности выполнить свое обязательство; точно также и сынъ, вступившій по смерти отца во владеніе и пользованіе оставшимся послѣ него имуществомъ, не зная, что имущество это завѣщано другому лицу, совершаетъ гражданское правонарушеніе—вслѣдствіе ложнаго убѣжденія въ своемъ правѣ на означенное имущество.

Уголовныя же правонарушенія или преступленія могутъ нарушать не только имущественныя, но и всякія другія права, причемъ причиною преступленій бываетъ: или злая воля преступника, т. е. умышленное, сознательное нарушеніе имъ чьего-либо права, или же его неосторожность, т. е. недостатокъ осмотрительности, происходящій отъ небрежнаго отношенія его къ правамъ людей, среди которыхъ онъ живетъ.

Очень понятно, что всякій человѣкъ, совершившій преступленіе, т. е. причинившій кому-либо вредъ своимъ умышленнымъ или неосторожнымъ поступ-

комъ, можетъ легко и впредь повторить что-нибудь подобное, а потому онъ и приговаривается судомъ не только къ вознагражденію потерпѣвшаго лица за вредъ и убытки и къ восстановленію нарушеннаго права, если это окажется возможнымъ, но, сверхъ того, еще и къ указанному въ законахъ, за совершенное имъ преступное дѣяніе, наказанію.

Совершившій же только гражданское правонарушение наноситъ вредъ исключительно тому лицу, право котораго онъ нарушилъ и, не обнаруживая такихъ качествъ, которыя могли бы подать поводъ ожидать отъ него и въ будущемъ повторенія чего-либо подобнаго, не представляется опаснымъ для общества, а потому и приговаривается судомъ только къ вознагражденію потерпѣвшаго за вредъ и убытки и къ восстановленію нарушеннаго права; наказанія же никакого при этомъ не назначается.

Но, независимо отъ законовъ, опредѣляющихъ отвѣтственность за гражданскія и уголовныя правонарушения, существуютъ еще особые законы, опредѣляющіе внутреннее устройство самыхъ судовъ—законы судоустройства и, сверхъ того, законы, устанавливающіе порядокъ, формы и обряды, съ соблюденіемъ которыхъ должно производиться разбирательство въ судѣ каждаго дѣла—законы судопроизводства. А такъ какъ судамъ приходится разбирать правонарушения двоякаго рода, гражданскія и уголовныя, то существуютъ и два самостоятельныхъ вида судопроизводства — гражданское и уголовное.

Цѣль гражданского судопроизводства состоитъ въ томъ, чтобы, въ случаѣ возникновенія спора о гражданскомъ правѣ (напр. о правѣ собственности на имущество), или совершенія гражданского правонарушения (напр. неуплаты въ срокъ взятой въ долгъ

суммы)—рѣшить этотъ споръ или устранить правонарушеніе.

Уголовное же судопроизводство имѣетъ главною цѣлю убѣдиться съ степени виновности подсудимаго, обвиняемаго въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, чтобы назначить затѣмъ осужденному соразмѣрное съ его виною наказаніе; вознагражденіе же потерпѣвшаго лица за вредъ и убытки, которые оно понесло отъ преступленія, стоитъ при этомъ уже второмъ планѣ.

Въ каждомъ судебномъ дѣлѣ выступаютъ, такимъ образомъ, предъ судомъ двѣ состязающіяся стороны, изъ которыхъ одна сторона требуетъ возстановленія нарушеннаго права, а другая должна отвѣчать по предъявленному противъ нея спору или обвиненію.

Судъ же служитъ только посредникомъ между обѣими сторонами, т. е. долженъ, по выслушаніи сихъ сторонъ и разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ ими объясненій и доказательствъ, стремиться къ раскрытію въ каждомъ дѣлѣ истины и безпристрастно рѣшить, на чьей сторонѣ находится право, чтобы устранить своимъ приговоромъ всѣ послѣдствія правонарушенія.

Для обезпеченія правильности судебныхъ рѣшеній и, главнымъ образомъ, для устраненія злоупотребленій со стороны судей, ихъ произвола и несправедливости, весьма важнымъ условіемъ служить публичность засѣданій суда, т. е. производство суда при открытыхъ дверяхъ, и гласность всего хода процесса, т. е. оглашеніе его въ печати. При публичности и гласности судебного разбирательства, каждый судья невольно добросовѣстнѣе относится къ своему дѣлу, чтобы не подвергнуться законной отвѣтственности и не возстановить противъ себя об-

щественнаго мнѣнія. Точно также и свидѣтели, давая свои показанія въ публичномъ и гласномъ судѣ, вынуждены давать правдивыя показанія, изъ опасенія отвѣтственности за лжесвидѣтельство, которое притомъ сдѣлается еще извѣстнымъ цѣлому обществу. Наконецъ, публичный и гласный судъ, разбирая каждое дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, раскрываетъ истинныя причины правонарушенія, распространяетъ въ обществѣ знаніе законовъ и правовыхъ понятій, поселяетъ въ немъ увѣренность, что нельзя подкупить судей и вообще выиграть неправо дѣло, и такимъ образомъ въ высшей степени способствуетъ уменьшенію числа преступленій и неосновательныхъ гражданскихъ исковъ.

Для того, чтобы судъ могъ основывать свои рѣшенія на всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла, во всѣхъ его подробностяхъ, и постановлять возможно справедливыя приговоры, необходимо еще, чтобы допускалась устность въ процессѣ и равноправность сторонъ передъ судомъ.

Устнымъ процессомъ называется такой, въ которомъ происходитъ устное, т. е. словесное состязаніе передъ судомъ двухъ сторонъ, представляющихъ ему доказательства правоты своего дѣла. Такого рода устность процесса имѣетъ весьма важное значеніе для справедливости приговора, ибо изъ живого слова представшихъ передъ судомъ лицъ судъ гораздо лучше убѣждается въ истинѣ, чѣмъ изъ груды бумагъ, которыя подносятся ему при письменномъ судопроизводствѣ.

Равноправность же сторонъ передъ судомъ выражается въ томъ, что каждая изъ сторонъ, разъясняя суду дѣло, должна имѣть, вообще, право на все то, на что имѣетъ право другая сторона, на-

сколько это, конечно, возможно по самой сущности дѣла.

Но, будучи справедливымъ, безпристрастнымъ, приговоръ суда долженъ быть, сверхъ того, постановленъ еще своевременно; другими словами, необходимо, чтобы рѣшеніе дѣла въ судахъ не затягивалось; быстрота же веденія дѣла, служащая также однимъ изъ важныхъ условій правильнаго отправленія правосудія, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ допущенія устности процесса, при которой въ нѣсколько часовъ разрѣшается то, что при письменномъ судопроизводствѣ тянется цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы.

Между тѣмъ, старые суды наши далеко не отличались ни справедливостію, ни быстротою производства.

Судъ происходилъ втайнѣ, при закрытыхъ дверяхъ, причемъ не допускалось присутствіе на судѣ не только людей постороннихъ, но даже лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу и въ немъ заинтересованныхъ.

Такая канцелярская тайна судопроизводства имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что въ старыхъ судахъ нашихъ трудно было отыскать правду. Пользуясь тайною дѣлопроизводства, судьи позволяли себѣ совершать всевозможныя злоупотребленія: вымогали у тяжущихся деньги, кривили душою, подтасовывали факты и рѣшали затѣмъ дѣла по своему личному усмотрѣнію и произволу, т. е. такъ, какъ самимъ имъ было выгодно и удобно. Безправіе и произволь царили поэтому въ судахъ.

Затѣмъ, дѣла уголовныя рѣшались на основаніи такъ-называемыхъ „формальныхъ доказательствъ“, т. е. прямыхъ, въ самомъ законѣ указанныхъ, уликъ, причемъ для осужденія преступника требовались

непремѣнно или два свидѣтеля или поимка съ личнымъ. Какъ скоро этого не было, какъ скоро суду не удавалось при розыскѣ добыть этихъ именно доказательствъ виновности заподозрѣннаго лица,—судъ, хотя бы и былъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, не имѣлъ права постановить надъ нимъ обвинительнаго приговора, и преступникъ поневолѣ или оправдывался, или оставлялся судомъ въ подозрѣніи.

При господствѣ такихъ порядковъ, нерѣдко человекъ ни въ чемъ неповинный, въ силу простой случайности, по одному лишь подозрѣнію, или въ угоду сильному и богатому, признавался по суду неправымъ, виновнымъ и долженъ былъ нести всю тяжесть наказанія; люди же дѣйствительно виновные, для осужденія которыхъ не хватало только прямыхъ, предусмотрѣнныхъ самимъ закономъ, уликъ (а такихъ уликъ, по существу многихъ дѣлъ, даже и имѣть невозможно), оставались на свободѣ и избѣгали наказанія, причемъ судьи получали отъ нихъ за это подарки и благодарности. Всякій человекъ, сознававшій за собою силу, по занимаемому-ли имъ общественному положенію, или по матеріальному избытку,—могъ быть совершенно увѣренъ въ безнаказанности нарушенія имъ правъ ближняго, если при этомъ обиженнымъ или потерпѣвшимъ оказывался слабѣйшій. Совершивъ неправду или преступленіе, человекъ сильный и богатый могъ почти на вѣрное рассчитывать выйти изъ воды сухимъ, остаться безъ наказанія за притѣсненіе бѣдныхъ и слабыхъ; небогатый же и, по большей части, безграмотный, темный людъ отдавался на произволь приказныхъ судей. Умудренные горькимъ опытомъ люди прямо говорили поэтому: „съ богатымъ и сильнымъ не су-

дись“. Много и другихъ пословицъ сложили народъ русскій про судейскую кривду того времени; въ пословицахъ этихъ говорилось, напримѣръ: „не бойся суда, бойся судьи“; „судь прямой, да судья кривой“; „то-то и законъ, какъ судья знакомъ“; „въ судъ пойдешь, правды не найдешь“.

Другой крупный недостатокъ нашихъ старыхъ судовъ заключался въ томъ, что производство дѣлъ велось въ нихъ исключительно на бумагѣ, на основаніи одной переписки; словесныхъ объясненій на судѣ не допускалось. Эта сложная форма письменнаго производства вела къ тому, что самый ходъ дѣлъ въ старыхъ судахъ былъ невѣроятно медленный; самое пустое тяжёлое дѣло тянулось иногда по нѣскольку лѣтъ, требуя громаднхъ расходовъ и въ конецъ разоряя тяжущихся. Судейскіе чиновники, прикрывавшіеся закономъ и толковавшіе его на всѣ лады, затягивали дѣла на цѣлые годы и безъ конца томили несчастныхъ тяжущихся, большею частію не свѣдущихъ въ законахъ, пользуясь отъ нихъ чѣмъ только можно. Производство дѣлъ въ судахъ тянулось иногда такъ долго и требовало столькихъ издержекъ, что многіе охотнѣе соглашались отказаться отъ своего домогательства, чѣмъ обратиться къ суду. Равнымъ образомъ и подсудимымъ, людямъ нерѣдко совершенно невиннымъ, только подозрѣваемымъ въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, приходилось цѣлыми годами томиться въ заключеніи, въ ожиданіи окончанія ихъ дѣла въ судѣ. Просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ душной и сырой тюрьмѣ, подсудимые эти или выпускались затѣмъ, какъ невинные, на свободу, или же признавались виновными и тогда присуждались къ позорнымъ телеснымъ наказаніямъ, клейменію лица и ссылкѣ въ

отдаленныя мѣста Сибири; за преступленія же менѣе тяжкія судъ приговариваль виновныхъ, между прочимъ, къ отдачѣ, въ видѣ наказанія, въ солдаты.

Императоръ Александръ Николаевичъ хорошо зналь о всѣхъ этихъ крупныхъ недостаткахъ и несовершенствахъ нашихъ старыхъ судовъ и, какъ истинный другъ челоѣчества, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому порядку вещей. Онъ зналь, что народъ его нуждается въ правильномъ судѣ и понималь, что только при существованіи такого суда отношенія между гражданами могутъ быть правомѣрными, такъ какъ назначеніе суда состоитъ въ водвореніи правды и справедливости, въ охраненіи правъ и защитѣ личности всѣхъ и каждаго, въ обезпеченіи порядка и законности. Вотъ почему Государь пожелаль, чтобы вмѣсто прежняго, часто пристрастнаго, медленнаго и не въ мѣру строгаго суда, водворился въ Россіи судъ „скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ“.

Опять-таки, какъ и при освобожденіи крестьянъ, дѣло было страшно мудреное; но Царь никакой работы для блага своего народа не боялся и при первой-же возможности оправдаль свои многозначительныя слова, всенародно возвѣщенныя имъ еще въ высочайшемъ манифестѣ 19 марта 1856 года: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“.

Воцареніе правды и милости въ судахъ могло быть, однако, достигнуто только совершеннымъ переустройствомъ нашихъ старыхъ судовъ. Вотъ почему, по окончаніи великаго дѣла освобожденія крестьянъ, уничтожившаго крѣпостные порядки въ самомъ грубомъ ихъ проявленіи, рѣшено было преобразовать кореннымъ образомъ и наши суды, посредствомъ введенія въ нихъ публичности и гласности судопроиз-

водства, устнаго разбирательства дѣлъ и участія въ судѣ, по дѣламъ уголовнымъ, представителей самого народа, въ лицѣ такъ-называемыхъ „присяжныхъ за-сѣдателей“. Составленные соотвѣтственно этому проекты новыхъ судебныхъ уставовъ удостоились 20-го ноября 1864 г. Высочайшаго утвержденія.

По уставамъ этимъ для судебного разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ меньшей важности установлены такъ-называемыя судебно-мировыя учрежденія, къ составу которыхъ относятся: 1) мировыя судьи и 2) сѣзды мировыхъ судей.

Каждый уѣздъ, съ находящимися въ немъ городами, составляетъ особый мировой округъ и раздѣляется на нѣсколько мировыхъ участковъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ завѣдываніи особаго мирового судьи. Столичные же города, С.-Петербургъ и Москва, а также городъ Одесса раздѣляются каждый на нѣсколько мировыхъ участковъ.

Мировыя судьи занимаются разборомъ дѣлъ каждый на пространствѣ ввѣреннаго ему участка.

Мировыя же сѣзды состояются изъ всѣхъ мировыхъ судей, служащихъ по извѣстному уѣзду, и занимаются пересмотромъ рѣшеній мировыхъ судей, въ случаѣ жалобъ на эти рѣшенія. Такимъ образомъ, мировыя судьи составляютъ первую степень или такъ-называемую „инстанцію“ суда, а сѣзды ихъ — вторую, и потому никакое дѣло не можетъ быть рѣшено мировымъ сѣздомъ, если по дѣлу этому не было еще опредѣленія мирового судьи.

Мировыя судьи избираются, на три года, самимъ мѣстнымъ населеніемъ, въ земскихъ собраніяхъ или городскихъ думахъ, изъ людей всѣхъ сословій, владеющихъ указанною въ законѣ недвижимою собствен-

ностію. Названіе же свое мировые судьи получили отъ того, что они, прежде чѣмъ начать разбирать дѣло обязаны стараться склонить спорящія стороны къ примиренію и, только въ случаѣ неуспѣха въ этомъ, приступаютъ уже къ разсмотрѣнію дѣла и постановленію рѣшенія. Производство дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, ведется особымъ, сокращеннымъ порядкомъ, т. е. съ соблюденіемъ меньшаго числа формальностей, ради достиженія возможно большей быстроты рѣшенія этихъ дѣлъ на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія.

Дѣла у мировыхъ судей и въ ихъ сѣздахъ производятся изустно, посредствомъ словесныхъ объясненій и показаній сторонъ. Только жалоба просителя можетъ быть изложена на бумагѣ; всѣ же остальные объясненія должны быть сдѣланы на словахъ. Вслѣдствіе сего дѣла, требовавшія прежде хожденія по полиціямъ и судамъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, оканчиваются нынѣ въ нѣсколько дней, и даже скорѣе. За немногими исключеніями разборъ дѣлъ производится публично, т. е. при открытыхъ для публики дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ. При рѣшеніи же дѣлъ мировые судьи руководствуются своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ.

Недовольные рѣшеніемъ мирового судьи могутъ приносить черезъ него же такъ-называемыя апелляціонныя и кассаціонныя жалобы въ мировой сѣздъ, на который собираются, въ назначенные сроки, для разбора этихъ жалобъ, всѣ мировые судьи, служащіе по извѣстному мировому округу.

Апелляціонною жалобою называется такая, въ

которой можно просить мировой съездъ измѣнить рѣшеніе мирового судьи по самому существу дѣла, объяснивъ, съ этою цѣлю, въ чемъ именно это рѣшеніе неправильно и представивъ, въ подтвержденіе своей жалобы, новыя доказательства. Въ кассационной же жалобѣ нельзя уже доказывать, что мировой судья безъ надлежащаго основанія уважилъ требованіе просителя или, на оборотъ, отказалъ въ этомъ требованіи, но можно жаловаться только на нарушение судьей формъ и обрядовъ судопроизводства и на неправильное истолкованіе имъ смысла закона при примѣненіи его къ дѣлу, указывая на то, что мировой судья не имѣлъ, на примѣръ, права принять дѣло къ своему разсмогрѣнію, не выслушать объясненій жалующагося, не разсматривать документовъ, ему представленныхъ, не спросить свидѣлей, или же, напротивъ, допросилъ ихъ по такому дѣлу, по которому свидѣтельскихъ показаній не допускается, не правильно подвелъ законъ и т. п.

По апелляціонному дѣлу рѣшенія мирового съезда могутъ быть разнообразны. Разобравъ снова все дѣло, съездъ можетъ или утвердить рѣшеніе мирового судьи, или же измѣнить это рѣшеніе, присудить больше или меньше, вмѣсто одного наказанія назначить другое, оправдать признаннаго рѣшеніемъ судьи виновнымъ или обвинить оправданнаго и т. п. По кассационному же дѣлу рѣшеніе съезда можетъ быть только двухъ родовъ: мировой съездъ или оставляетъ жалобу безъ послѣдствій, или же, уваживъ жалобу, отмѣняетъ рѣшеніе мирового судьи и передаетъ дѣло, для перерѣшенія, мировому судья другому участка.

Рѣшенія мировыхъ съездовъ, постановленныя въ кассационномъ порядкѣ, не допускаютъ никакого

дальнѣйшаго обжалованія; рѣшенія же съѣзда, постановленныя по апелляціоннымъ жалобамъ, могутъ быть обжалованы, въ кассационномъ порядкѣ, въ правительствующій сенатъ, который, если найдетъ кассационную жалобу заслуживающею уваженія, отмѣняетъ приговоръ съѣзда и передаетъ дѣло въ другой мировой съѣздъ, для постановленія новаго по дѣлу рѣшенія.

Для разсмотрѣнія какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ большей важности, неподсудныхъ мировымъ судьямъ, образованы такъ-называемыя общія судебныя мѣста, т. е. окружные суды и судебныя палаты.

При этомъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, власть обвинительная отдѣлена нынѣ отъ власти судебной и является передъ судомъ только въ качествѣ одной изъ сторонъ.

Обвинительная власть эта, задача которой состоитъ въ обнаруженіи преступленій, въ обличеніи и преслѣдованіи передъ судомъ виновныхъ въ нарушеніи законнаго порядка и въ поддержаніи обвиненія на судѣ, возлагается на обязанность особыхъ чиновъ, называемыхъ прокурорами.

Для содѣйствія прокурору въ собираніи подробныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было бы, съ полною вѣроятностію, рѣшить: слѣдуетъ ли предать заподозрѣнное въ совершеніи преступленія лицо суду, или же дѣло о немъ прекратить или приостановить, производится, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ наблюденіемъ лица прокурорскаго надзора, такъ-называемое предварительное слѣдствіе, т. е. разслѣдованіе истины о происшедшемъ событіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка. Разслѣдованіе это, лежавшее прежде на

обязанности полиціи, обремененной и безъ того уже массою мелкихъ исполнительныхъ дѣлъ, выдѣлено нынѣ изъ круга вѣдѣнія полиціи и ввѣрено особо учрежденнымъ, для производства такихъ слѣдствій, должностнымъ лицамъ, именуемымъ судебными слѣдователями и состоящимъ при окружныхъ судахъ въ качествѣ ихъ членовъ.

Каждый окружной судъ дѣйствуетъ на нѣсколько уѣздовъ, т. е. на часть судебного округа, въ составъ котораго входятъ нѣсколько губерній.

Разбирательство дѣлъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, въ самомъ законѣ указанныхъ, случаевъ, происходитъ, какъ въ судебно-мировыхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, гласно или публично, т. е. при открытыхъ для публики дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ.

Во время разбора дѣла всегда бываетъ судовое вореніе или словесное состязаніе сторонъ; сначала говоритъ о дѣлѣ тотъ, кто ищетъ (истецъ) или кто обвиняетъ (обвинитель), потомъ тотъ, съ кого ищутъ (отвѣтчикъ) или кого обвиняютъ (обвиняемый) или его защитникъ, затѣмъ допрашиваются свидѣтели, т. е. лица, коимъ что-либо извѣстно по дѣлу, и разсматриваются и повѣряются другія, представленныя суду, доказательства. Разсмотрѣніе это, въ отличіе отъ предварительнаго слѣдствія, называется судебнымъ слѣдствіемъ. На судебномъ слѣдствіи происходитъ такимъ образомъ повѣрка передъ судомъ предварительнаго слѣдствія и дополненіе его новыми данными, представленными суду сторонами. Въ дѣлахъ уголовныхъ происходятъ, сверхъ того, послѣ судебного слѣдствія, еще такъ-называемыя заключительныя пренія, состоящія: изъ обвинительной рѣчи прокурора, изъ объясненій гражданскаго истца, т. е. лица,

отыскивающего вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, и изъ защитительной рѣчи, произносимой или самимъ обвиняемымъ или его защитникомъ, послѣ чего, наконецъ, судъ, выслушавъ всѣхъ, приступаетъ къ постановленію рѣшенія по существу дѣла.

При этомъ въ дѣлахъ по обвиненію кого-либо въ тяжкомъ преступленіи, влекущемъ за собою, по закону, наказаніе, соединенное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ (напримѣръ въ убійствѣ, грабежѣ, подлогѣ и т. п.), вопросы о томъ: виновенъ-ли или невиновенъ подсудимый въ преступномъ дѣяніи, составляющемъ предметъ обвиненія, рѣшаются не судомъ, а призываемыми къ участию въ судѣ, по дѣламъ этого рода, особыми народными представителями, выбираемыми, особымъ порядкомъ, въ числѣ 12 человекъ, изъ среды самихъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій—не исключая и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ,—и называемыми „присяжными засѣдателями.“

Совершеніе преступнаго, т. е. запрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія, дѣянія сопровождается весьма нерѣдко такими обстоятельствами, при которыхъ наказуемость дѣянія противорѣчила-бы общественной совѣсти. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ строгое примѣненіе буквы закона не дозволило-бы царствовать въ судахъ ни правдѣ, ни милости, если-бы рѣшеніе вопроса о виновности или невинности подсудимаго не было предоставлено безапелляціонному суду представителей самого общества, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Ихъ практической смыслъ, ихъ житейская мудрость почти всегда умѣютъ отличить дѣйствительно виновнаго, безнравственнаго и злонамѣреннаго преступника отъ чело-

вѣка умственно-больного, слабаго волей или при-
 давленнаго обстоятельствами жизни, нисколько не
 опаснаго для общества и попавшаго на скамью под-
 судимыхъ лишь вслѣдствіе несчастнаго стеченія для
 него обстоятельствъ; а потому приговоръ присяж-
 ныхъ, основанный на ихъ внутреннемъ убѣжденіи,
 на ихъ совѣсти, отвѣчаетъ жизненной правдѣ и
 отличается, во всѣхъ почти случаяхъ, совершенною
 справедливостью.

На судѣ присяжные засѣдатели обязываются
 присягою,—по внимательномъ выслушаніи всего хо-
 да дѣла, всего, что говорится за и противъ обви-
 няемаго, и по тщательномъ соображеніи всѣхъ пред-
 ставленныхъ суду доказательствъ, а также обстоя-
 тельствъ, среди которыхъ дѣйствоваль подсудимый
 при совершеніи преступленія,—дать по совѣсти от-
 вѣтъ на предложенные судомъ вопросы о виновно-
 сти подсудимаго. Въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей
 само общество призывается произносить приговоры
 надъ своими сочленами, привлеченными къ суду,
 причемъ присяжнымъ даровано закономъ широкое
 право, не стѣсняясь никакими формальными дока-
 зательствами, произносить оправдательный или об-
 винительный приговоръ, слѣдуя исключительно ука-
 заніямъ своей совѣсти, своего внутренняго убѣжде-
 нія, основаннаго на совокупности обнаруженныхъ
 при производствѣ слѣдствія и суда обстоятельствъ.
 Вотъ почему присяжные, даже при очевидности
 факта совершенія обвиняемымъ преступнаго дѣянія,
 имѣють полное право входить въ обсужденіе того,
 должно ли быть дѣяніе это вмѣнено ему въ вину,
 и потому не рѣдки случаи, что обвиняемый, самъ
 даже не отрицающій своего преступленія, при-
 знается присяжными невиновнымъ, т. е. не заслу-

живающимъ наказанія, и выходитъ такимъ образомъ изъ суда оправданнымъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ присяжные засѣдатели на вопросъ суда: виновенъ-ли подсудимый? выносятъ оправдательный приговоръ, выражаемый словами: „нѣтъ, не виновенъ“, и въ такомъ случаѣ обвиняемый считается по суду оправданнымъ и тотчасъ же освобождается. Если же присяжные признаютъ подсудимаго виновнымъ, то выносятъ обвинительный приговоръ, выражаемый словами „да, виновенъ“, послѣ чего постояннымъ, короннымъ судьямъ остается только опредѣлить осужденному, на основаніи приговора присяжныхъ, положенное закономъ наказаніе. Наконецъ, если рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, то судъ обязанъ уменьшить слѣдующее ему по закону наказаніе.

Всѣ остальные уголовныя дѣла, за которыя въ законахъ назначены наказанія, не соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, разбираются окружными судами безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и тогда оба рода вопросовъ, т. е. и вопросы о виновности, и вопросы о наказаніи рѣшаются одними постоянными, коронными судьями. Но за то на всѣ приговоры окружныхъ судовъ по дѣламъ этого рода могутъ быть принесены, въ теченіе опредѣленнаго срока, апелляціонныя жалобы въ судебную палату. Приговоры же по уголовнымъ дѣламъ, постановленные съ участіемъ присяжныхъ, считаются окончательными и, какъ таковые, могутъ быть обжалованы только въ кассационномъ порядкѣ въ правительствующій сенатъ.

Всѣ гражданскія дѣла разбираются окружными судами всегда безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и потому на всякое рѣшеніе окружнаго суда по

гражданскому дѣлу тяжущіеся имѣютъ право приносить апелляцію въ судебную палату.

Судебныя палаты служатъ, такимъ образомъ, высшею инстанціею надъ окружными судами своего судебного округа и рассматриваютъ гражданскія и уголовныя дѣла, по которымъ принесены на рѣшенія этихъ судовъ апелляціонныя жалобы. Всѣ же рѣшенія судебныхъ палатъ по дѣламъ этого рода считаются окончательными и допускаютъ возможность обжалованія ихъ только въ кассационномъ порядкѣ въ сенатъ.

Правительствующій сенатъ, имѣя верховный надзоръ и повѣрку правильности рѣшеній мировыхъ сѣздовъ, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, служитъ охранителемъ и истолкователемъ законовъ и является высшимъ кассационнымъ судилищемъ въ Россіи, дѣйствующимъ на все пространство Имперіи. Правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда, не входитъ въ разбирательство сущности судебныхъ дѣлъ, а рассматриваетъ только подаваемыя въ него кассационныя жалобы, т. е. просьбы объ отмѣнѣ (кассаци) рѣшеній низшихъ судовъ, причемъ, если сенатъ найдетъ, что жалоба справедлива, что судомъ допущено явное нарушеніе прямого смысла законовъ или существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, то онъ, не рассматривая дѣла по существу, отмѣняетъ (кассируетъ) неправильное судебное рѣшеніе и обращаетъ дѣло назадъ, для новаго его разсмотрѣнія, но уже не въ тотъ судъ, приговоръ котораго признанъ недѣйствительнымъ, а въ другой—равной съ нимъ степени.

Такимъ образомъ, сенатъ исправляетъ лишь допущенныя низшими судами неправильности въ порядкѣ судопроизводства, охраняетъ точный смыслъ

законовъ и наблюдаетъ за правильнымъ и единообразнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ ихъ всѣми судебными мѣстами Имперіи. На рѣшенія сената, по поступившимъ въ него кассационнымъ жалобамъ, никакихъ дальнѣйшихъ жалобъ никуда болѣе подаваемо быть не можетъ.

Таковы, въ частности, наиболѣе выдающіяся, основныя черты новыхъ судовъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года.

Громадное превосходство этихъ судовъ передъ прежними судами нашими очевидно. По волѣ Царя Освободителя введенъ въ Россіи гласный и устный судъ, съ участіемъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, присяжныхъ засѣдателей. При такомъ состояніи правосудія въ странѣ, личныя права каждаго человѣка представляются обезпеченными; каждый подданный смѣло можетъ быть увѣренъ, что правосудіе воздастъ „коемуждо по дѣломъ его“. За исключеніемъ лишь немногихъ, въ самомъ законѣ опредѣленныхъ, случаевъ, судъ происходитъ нынѣ публично и гласно, при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ, въ присутствіи тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей и постороннихъ лицъ; всякій желающій имѣетъ право присутствовать при разборѣ въ судѣ дѣла, можетъ видѣть и слышать, что дѣло разбираютъ по правдѣ, по справедливости, что судъ поступаетъ по закону, и, притомъ, со всѣми одинаково, не различая ни богатаго, ни бѣднаго, ни знатнаго, ни простолюдина.

Публичностію и гласностію судопроизводства отмѣнена канцелярская тайна прежнихъ судовъ, признана равноправность всѣхъ сословій предъ судомъ и закономъ и такимъ образомъ обезпечена бѣольшая правильность судебныхъ рѣшеній.

Съ учрежденіемъ новыхъ судовъ прежнему

безправію и произволу положень конецъ. Сильный и богатый уже не можетъ выходить изъ воды сухимъ и рассчитывать навѣрное, какъ это было прежде, что останется безъ наказанія за притѣсненія бѣдныхъ и слабыхъ. Новый судъ, ведя свое дѣло всенародно, равно караетъ всѣ неправды и преступленія, кѣмъ бы они ни были совершены; всѣ рускіе подданные признаются теперь равными передъ закономъ и судомъ, какъ передъ Богомъ.

Но если въ новыхъ судахъ и нѣтъ уже умышленнаго неправосудія, какъ это было прежде, то, конечно, и при новомъ порядкѣ судопроизводства, могутъ случаться ошибки и погрѣшности. Вотъ почему и важна установленная закономъ повѣрка правильности рѣшеній низшихъ судовъ въ высшей ихъ инстанціи: ошибется мировой судья—исправитъ рѣшеніе мировой сѣздъ; рѣшитъ неправильно окружной судъ—перевершитъ дѣло судебная палата; не найдутъ погрѣшности сѣздъ и палата—на истинный путь направитъ сенатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла въ судахъ стали рѣшаться значительно быстрѣе прежняго; самый ходъ дѣлъ сократился на столько, что подсудимымъ уже не приходится годами томиться въ тюрьмахъ, пока производится ихъ дѣло, а о десяти, двадцатилѣтнихъ тяжёбныхъ дѣлахъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ дѣлахъ уголовныхъ явилось гласное, открытое для всѣхъ, обвиненіе и рядомъ съ нимъ—публичная же защита. При такихъ условіяхъ стало возможнымъ не только судить о самомъ преступленіи, но даже знать, какія обстоятельства привели къ его совершенію; на судѣ выясняется вся жизнь преступника, раскрывается вся его душа. Главнымъ же обезпеченіемъ личности подсудимаго является то,

что вопросъ о виновности или невинности его рѣшаетъ не судъ, а не существовавшіе въ прежнихъ судахъ „присяжные засѣдатели“, приговоръ коихъ выражаетъ собою, такъ сказать, голосъ общественной, народной совѣсти, которая всегда почти бываетъ справедлива въ оцѣнкѣ преступленій, насколько вообще для человѣка достижима правда и справедливость.

Собственно же для освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости народа особенное значеніе имѣло появленіе мирового суда, который впервые далъ почти совершенно безправному дотошъ, мелкому, бѣдному и слабому люду дѣйствительную возможность защищаться отъ всякихъ обидъ, насилій и притѣсненій, искать своего права на законномъ основаніи, безъ всякихъ почти хлопотъ и расходовъ. Народъ скоро понялъ огромное значеніе для него этого новаго суда, простого и доступнаго, и поспѣшилъ широко воспользоваться имъ для защиты своихъ мелкихъ обыденныхъ интересовъ.

Такъ-то, съ изданіемъ „Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II“ водворенъ въ Россіи, волею Царя-Преобразователя, согласно словамъ Высочайшаго указа 24-го ноября 1864 г., „судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ“, который „возвысилъ судебную власть, давъ ей надлежащую самостоятельность, и вообще утвердилъ въ русскомъ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и cadaго, отъ высшаго до низшаго“.

Среди заботъ о благѣ Россіи страшный ударъ поразилъ Царя-Освободителя: въ началѣ 1864 года

старшій сынъ Государя, великій князь и наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ заболѣлъ и 12-го апрѣля 1865 года скончался на 22-мъ году отъ роду. Покоряясь съ истинно христіанскимъ смиреніемъ ниспосланному Промысломъ Божьимъ тяжкому испытанію, Императоръ Александръ II, манифестомъ 19-го того же апрѣля, провозгласилъ наслѣдникомъ престола и цесаревичемъ, согласно закону о престолонаслѣдїи, второго сына своего— великаго князя Александра Александровича.

Въ 1866 году, 28-го октября, послѣдовало бракосочетаніе наслѣдника цесаревича съ дочерью короля датскаго, принцессою Дагмарою, нареченною благовѣрною великою княжною Марією Θεодоровною. Господь благословилъ ихъ супружество рожденіемъ 6 мая 1868 года сына первенца, великаго князя Николая Александровича—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II.

ГЛАВА VI.

**Введеніе всесословной воинской повинности.—
Заботы о народномъ образованіи и другія мѣропрїятія.**

Стремясь къ возвышенію нравственнаго духа войска и къ улучшенію его матеріальнаго благосостоянія, Императоръ Александръ II позаботился, вмѣстѣ съ тѣмъ, и объ облегченіи своему народу тяжести военной службы.

Въ старину, лѣтъ за триста тому назадъ, не было на Руси никакой арміи, никакого постояннаго, правильно-устроеннаго войска. Поэтому, въ случаѣ

войны, собиралось со всего государства ополчение, которое и отправлялось въ походъ противъ непріятеля; по заключеніи же мира ополченіе это распускалось, ратники расходились по домамъ и возвращались къ своимъ обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Такое войско не могло быть, конечно, искуснымъ въ военномъ дѣлѣ. Всякое дѣло, всякій родъ занятій требуетъ особыхъ знаній, особаго умѣнія, приобретаемаго навыкомъ, постоянными упражненіями. Между тѣмъ, наше старинное войско составлялось изъ людей, которые въ военномъ дѣлѣ ровно ничего не понимали, воинскому искусству никогда не обучались и, занимаясь всю свою жизнь лишь земледѣліемъ, умѣли обращаться только съ плугомъ и сохою. Государи русскіе скоро поняли, что съ такими воинами далеко не уйдешь, и потому стали подумывать объ устройствѣ правильнаго, т. е. постоянного и хорошо обученнаго войска. И вотъ, наконецъ, только лѣтъ около 300 тому назадъ, въ Россіи создано было такое правильное войско, съ опредѣленіемъ закономъ подробностей его устройства, управленія и снаряженія. Для того же, чтобы ряды арміи постоянно пополнялись, Императоръ Петръ Великій установилъ ежегодные рекрутскіе наборы, состоявшіе въ томъ, что каждый годъ брали въ рекруты опредѣленное количество людей, чловѣкъ по пяти-шести съ тысячи, а иногда и больше. При этомъ поступавшіе въ армію по набору обязаны были оставаться на службѣ всю свою жизнь: солдатъ кончалъ службу лишь со своею смертію; въ отставку же увольнялись только лица дряхлыя, уже совершенно неспособныя къ службѣ, которыя и помещались затѣмъ въ монастырь на пропитаніе. Только впоследствии, много лѣтъ спустя, срокъ

службы для нижних чиновъ сокращень былъ до 25 лѣтъ.

Рекрутскимъ наборамъ подлежали одни только низшія, податныя сословія, т. е. крестьяне и мѣщане. Дворяне же вначалѣ обязаны были служить всѣ поголовно, сколько-бы въ семьѣ ни было чело-вѣкъ. Но послѣ Петра Великаго они мало-по-малу освободились отъ обязательной военной службы, и въ концѣ концовъ рекрутскую повинность стали нести исключительно низшія, податныя сословія; остальные же, высшіе классы общества, изъяты были отъ этой обязанности и были вольны идти въ военную службу или же не идти.

Рекрутчина была крайне тяжелою для народа повинностію.

При существовавшемъ въ то время 25-лѣтнемъ срокѣ службы, поступившій въ армію совершенно отрывался отъ родной земли: все, что было у чело-вѣка родного, близкаго, дорогаго—село, домъ, семью—все это приходилось оставлять, въ большинствѣ слу-чаевъ, навсегда. Тяжело становилось, поэтому, на душѣ у несчастныхъ молодыхъ людей, попадавшихъ въ число рекрутъ; горько плакали и неутѣшно ры-дали и родные вновь принятаго въ солдаты: они знали, что прощались съ нимъ на цѣлыхъ 25 лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, тѣмъ болѣе, что войска, въ которыя попадали рекруты, размѣщались, по не-объятной землѣ русской, тамъ, гдѣ того требовала государственная надобность, вслѣдствіе чего рекрута всегда почти усылали за сотни, нерѣдко даже и за тысячи верстъ отъ родного мѣста.

Независимо отъ этого, самая служба солдатская была такъ тяжела и сурова, положеніе солдата счита-лось настолько ужаснымъ и безотраднымъ, что

самъ законъ допускалъ, какъ уже упоминалось выше, отдачу въ солдаты даже въ видѣ наказанія за преступленія, вмѣсто ссылки на поселеніе. Холодомъ обдавалъ, поэтому, одинъ видъ рекрутскаго присутствія, страхъ и ужасъ наводилъ онъ и на самого рекрута и на всю семью будущаго солдата, и нѣтъ ничего удивительнаго, что отцы, матери и жены оплакивали своихъ сыновей и мужей, славаемыхъ въ рекруты, какъ заживо похороненныхъ.

Рекрутскіе наборы происходили обыкновенно около Рождества Христова. По объявленіи набора, крестьянскія и мѣщанскія общества опредѣляли, кто именно стоитъ на очереди, то-есть кому въ данномъ году идти въ солдаты, какой семьѣ поставить рекрута. Но при этомъ очередной могъ всегда избавиться отъ рекрутчины, нанявъ за себя охотника, или, еще проще, заплативъ въ казну опредѣленную сумму денегъ, т. е. купивъ такъ-называемую зачетную рекрутскую квитанцію. Всякій мало-мальски достаточный человѣкъ охотно пользовался этимъ, предоставленнымъ ему по закону, правомъ, и такимъ образомъ самъ, лично, навсегда уже освобождался отъ солдатчины. Человѣкъ же бѣдный, немущій долженъ былъ волею-неволею бросать и домъ и семью и идти на много лѣтъ въ солдаты. Мало того, часто бывали даже случаи, что люди, совсѣмъ не стоявшіе на очереди, сдавались въ рекруты потому только, что сдачею въ рекруты распоряжалось само общество, мѣръ, а тутъ много значила пріязнь, знакомство, кумовство, ради котораго мѣрскіе люди частенько-таки кривили душою.

Послѣ праздника Крещенія всѣхъ очередныхъ отправляли въ уѣздный городъ, въ рекрутское присутствие. Въ присутствіи этомъ рекрутовъ осматри-

вали и, если они оказывались здоровыми, годными къ службѣ, то ихъ принимали въ солдаты. Послѣ приѣма, назначеннымъ въ рекруты забривали лбы, а иныхъ даже держали подъ стражею, заковывали въ кандалы, затѣмъ переодѣвали въ рекрутское платье и отправляли подъ конвоемъ въ войска.

При этомъ въ рекруты брали въ возрастѣ отъ 21 до 25 и даже до 30 лѣтъ, и, такимъ образомъ, молодой человѣкъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, долженъ былъ ожидать своей очереди назначенія въ рекруты, постоянно опасаясь, что вотъ не въ этомъ году, такъ въ слѣдующемъ, не въ слѣдующемъ—такъ въ третьемъ придется ему идти въ солдаты. Очень понятно, что въ продолженіе всего этого времени человѣкъ не могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ, не имѣлъ расчета ни устраиваться своимъ хозяйствомъ, ни обзаводиться семьею. Съ другой же стороны, въ армію попадали часто и люди женатые, уже успѣвшіе обзавестись семьею и, можетъ быть, пользовавшіеся полнымъ семейнымъ счастьемъ: и вотъ слово „наборъ“ сразу разрушало все это счастье.

Отслуживъ свои 25 лѣтъ вѣрою и правдою, солдатъ получалъ, наконецъ, отставку, Но что ему пользы было отъ этой отставки? Поступивъ на службу молодымъ человѣкомъ и употребивъ на нее лучшіе годы своей жизни, положивъ въ нее всѣ свои силы, все свое здоровье, онъ выходилъ въ отставку уже слабымъ, хилымъ, ни къ какой работѣ неспособнымъ старикомъ. Не весела была, поэтому, доля старослуживаго и по возвращеніи на родину. Вернувшись домой послѣ столь долгаго отсутствія, человѣкъ часто почти никого уже изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ и въ живыхъ не находилъ, и приходилось ему, одинокому и безпомощному старику-инвалиду, всѣми остав-

ленному и для всѣхъ чужому, снова мыкаться по свѣту и доживать свой вѣкъ, служа гдѣ-нибудь сторожемъ, а еще чаще протягивая руку за подаянiемъ на паперти церковной или на большой дорогѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и сыновья нижнихъ чиновъ, прижитые на службѣ, зачислялись, по достиженiи девяти лѣтъ, въ военное званiе, въ особое сословіе такъ называвшихся „кантонистовъ“, которые составляли отдѣльные баталіоны, обучались въ школахъ и затѣмъ, по достиженiи положенныхъ лѣтъ, также поступали на военную службу. Такимъ образомъ, военное званiе представлялось какъ-бы наслѣдственнымъ, солдатская служба была не только личною, но и потомственной. Каждый солдатъ, имѣвшій сыновей, видѣлъ ихъ только въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Точно также и дѣти-кантонисты, оторванные отъ родной семьи, отнятые отъ отца и матери и воспитанные въ казармахъ, между солдатами, не знали семейныхъ радостей и, оставаясь, съ раннихъ лѣтъ, безъ родительской ласки, считали себя сиротами, даже при жизни родителей.

Но облегчать горе народное, осушать слезы подданныхъ суждено было Императору Александру II, не устававшему въ заботахъ о любимой имъ Россіи. Желая сдѣлать все, что было нужно для блага подданныхъ, облегчить, насколько возможно, ихъ положеніе и распределить между ними равнѣе тѣ повинности, которыя народъ долженъ нести 'для пользы государства, Императоръ Александръ Николаевичъ еще въ самые первые годы своего царствованiя обратилъ вниманіе на тягости рекрутчины и всѣми силами стремился облегчить своему народу отбываніе этой повинности.

Никакой. вообще, странѣ, а тѣмъ болѣе такому

обширному государству, какъ Россія, невозможно, конечно, оставаться безъ постоянного войска, необходимаго для защиты отечества отъ внѣшнихъ враговъ. Подчиняясь этой необходимости, Государю угодно было, однако, уравниять своихъ подданныхъ въ дѣлѣ отбыванія воинской повинности и въ то же время не отрывать солдата отъ его родины, дома и семьи навсегда или на слишкомъ долгое время, какъ это было при существованіи прежнихъ рекрутскихъ наборовъ. Съ этою цѣлю, прежде всего, Высочайшимъ манифестомъ, даннымъ въ самый день коронаванія Государя, 26-го августа 1856 г., объявлена была пріостановка рекрутскихъ наборовъ до 1860 года, благодаря чему населенію сохранены были, въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1856 до 1860 г.), его лучшія рабочія силы. Затѣмъ изданъ былъ рядъ указовъ, которыми существенно облегчено положеніе солдата и его семьи. Первымъ изъ такихъ указовъ, послѣдовавшимъ 25-го декабря 1856 г., Высочайше повелѣно: исключить изъ военнаго вѣдомства и изъ кантонистовъ и обратить въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей. Далѣе, въ сентябрѣ 1859 г., изданъ былъ указъ о сокращеніи для всѣхъ нижнихъ чиновъ самаго срока обязательной службы, вмѣсто прежнихъ 25-ти лѣтъ, — до 15-ти лѣтъ въ сухопутныхъ войскахъ и до 14-ти лѣтъ во флотѣ; въ безсрочный же отпускъ стали увольнять послѣ 12-ти лѣтъ службы и даже еще раньше.

Наконецъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ срока службы, Государь обратилъ вниманіе какъ на обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ, такъ и на продовольствіе арміи: продовольствіе арміи было значительно улучшено, а обмундированіе и снаряженіе нижнихъ

чиновъ сдѣлано было несравненно удобнѣе прежняго, что, въ свою очередь, благопріятно отразилось на свободѣ движеній солдата и сохраненіи его здоровья.

Но въ ряду всѣхъ, совершившихся въ царствованіе Императора Александра II, преобразованій, касающихся войска и военнаго дѣла, наиболѣе крупнымъ событіемъ представляется Высочайшій манифестъ 1-го января 1874 г., провозгласившій введеніе въ Россіи всесословной воинской повинности.

Въ 1870 году, по Высочайшему повелѣнію, учреждена была особая коммиссія для пересмотра постановленій о личной воинской повинности и распределенія прямого участія въ этой повинности между всѣми сословіями въ государствѣ. Три года работала эта коммиссія, по ближайшимъ указаніямъ самого Государя, надъ составленіемъ новаго воинскаго устава, и, наконецъ, 1-го января 1874 г., послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, которымъ объявлено было русскому народу о введеніи всеобщей воинской повинности, обязательной для всѣхъ безъ изъятія классовъ населенія.

Уставъ о воинской повинности снялъ тягость военной службы съ низшихъ, податныхъ сословій, на которыхъ она лежала до тѣхъ поръ исключительно, и призвалъ къ участію въ отбываніи этой повинности и прочія сословія государства. Императоръ, который даровалъ народу „судъ, равный для всѣхъ“, положилъ, во имя справедливости, сравнять всѣхъ, безъ различія званія и положенія, и въ дѣлѣ защиты отечества. И вотъ, бокъ-о-бокъ съ неграмотнымъ нижнимъ чиномъ изъ простого народа становится въ ряды арміи молодой человекъ дворянскаго происхожденія, получившій высшее образованіе, причемъ

изъ такого сближенія происходитъ только общая польза и выгода для обѣихъ сторонъ: образованный нижній чинъ имѣетъ полезное воздѣйствіе, умственное и нравственное вліяніе на своего неграмотнаго товарища, а послѣдній, въ свою очередь, знакомитъ перваго съ условіями быта, нравами и обычаями простого народа.

„Защита престола и отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, а потому все мужское населеніе, безъ различія состояній, подлежитъ воинской повинности“—таково главное положеніе Высочайше утвержденнаго 1-го января 1874 г. устава о воинской повинности.

По уставу этому уже не одинъ только простой народъ, не одни только крестьяне и мѣщане, какъ было прежде, несутъ воинскую повинность, а всѣ сословія, всѣ классы общества, безъ различія происхожденія: и бѣдный и богатый, и простолюдинъ и знатный—каждый, на кого палъ жребій, обязанъ теперь лично прослужить въ войскахъ установленный закономъ срокъ службы. Откупаться отъ военной службы деньгами или нанимать за себя охотника теперь уже отнюдь не дозволяется. Помимо того, что допущеніе денежнаго выкупа или замѣны охотникомъ представляется несправедливымъ по отношенію къ людямъ бѣднымъ, лишеннымъ возможности купить себѣ зачетную рекрутскую квитанцію или нанять за себя охотника, новый уставъ о воинской повинности не допускаетъ этого, главнымъ образомъ, еще и потому, что каждый русскій подданный обязанъ лично защищать свое отечество, не поручая этого святого дѣла наемщику за деньги. Защитники государства должны исполнять свой долгъ съ полнымъ сознаніемъ важности и святости своихъ

обязанностей; а такое войско можетъ получиться только тогда, когда защита отечества станетъ общимъ дѣломъ всего народа, когда всѣ граждане, безъ различія званій и состояній, будутъ лично отбывать воинскую повинность, какъ это и опредѣлено уставомъ 1874 года.

Что касается самаго порядка отбыванія воинской повинности, то, для пополненія арміи и флота, производится нынѣ ежегодно общій наборъ, къ которому призываются молодые люди всѣхъ общественныхъ классовъ, безъ различія происхожденія, т. е. и дворяне, и купцы, и мѣщане и крестьяне, достигшіе, ко времени призыва, 20 лѣтъ отъ роду. Но такихъ однолѣтокъ набирается въ Россіи ежегодно отъ 700 до 800 тысячъ, и если бы всѣхъ ихъ поголовно сдавать въ солдаты, то черезъ 5—6 лѣтъ составила бы громадная армія въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ. Такое большое войско вовсе не нужно, однако, государству въ мирное время, да и содержаніе его обходилось бы слишкомъ дорого для казны и было бы обременительно для народа; поэтому въ дѣйствительную службу берется ежегодно только четвертая или пятая часть тѣхъ молодыхъ людей, которые занесены въ списки, всѣ же остальные зачисляются прямо въ государственное ополченіе, т. е. освобождаются отъ военной службы въ мирное время и лишь въ случаѣ войны и крайней нужды въ людяхъ, для пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ, призываются на службу. Такой порядокъ одинаково выгоденъ и для государства и для самого населенія: государство можетъ составить изъ ополченцевъ, въ случаѣ надобности, громадное войско, ничего не потративъ на него въ мирное время, а населеніе, въ свою очередь, не отрывается безъ нужды отъ своихъ постоянныхъ мирныхъ занятій.

Затѣмъ, для того, чтобы при назначеніи лицъ на дѣйствительную службу не было произвола, чтобы не рѣшали по пріязни и кумовству, какъ это было прежде, поступленіе на службу рѣшается, по новому уставу, жребіемъ, т. е. случаемъ. Каждый годъ всѣ мододые люди, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, вынимаютъ въ воинскомъ присутствіи жребій и, смотря по номеру вынутаго ими жребія, или поступаютъ на дѣйствительную военную службу, или же освобождаются отъ нея на всегда, т. е. зачисляются прямо въ ополченіе и возвращаются домой къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Жребій этотъ вынимается каждымъ человѣкомъ единожды на всю жизнь, на 21-мъ году отъ роду, и тутъ уже разъ навсегда рѣшается судьба молодого человѣка: идти ему въ солдаты или нѣтъ; вслѣдствіе этого, всякій, вынувшій жребій, освобождающій его отъ дѣйствительной службы, можетъ быть увѣренъ, что его, безъ крайней нужды, больше уже не потревожатъ.

Но хотя, по новому уставу, воинская повинность признается всеобщей, законъ допускаетъ, однако, при этомъ такія изъятія, или льготы по семейному положенію, безъ которыхъ тяжело было-бы самому населенію.

Такъ, часто можетъ случиться, что солдатскій жребій выпадетъ на долю человѣка, поддерживающаго своимъ трудомъ цѣлую семью, являющагося единственнымъ работникомъ въ семьѣ и, слѣдовательно, единственнымъ ея кормильцемъ. Для самого населенія важно, чтобы молодые люди, находящіеся въ такихъ семейныхъ обстоятельствахъ, брались на военную службу только въ крайнемъ случаѣ, т. е. когда для пополненія требуемаго количества новобранцевъ не достаетъ годныхъ къ военной службѣ

по тѣлосложенію лицъ, семейное положеніе коихъ не такъ затруднительно и которые не заслуживаютъ поэтому льготы.

Но семейныя обстоятельства лицъ, заслуживающихъ снисхожденія, могутъ быть различны. Всѣ льготные и дѣлятся поэтому на три разряда, смотря по большей или меньшей затруднительности ихъ семейнаго положенія, т. е. по тому, имѣются-ли въ семьѣ, кромѣ нихъ, еще другіе способные къ труду члены или нѣтъ; способными же къ труду считаются всѣ лица мужескаго пола отъ 18 до 55 лѣтъ отъ роду.

Благодаря такимъ льготамъ по семейному положенію, воинская повинность не особенно обременительна теперь для народа. На службу поступаетъ только небольшая часть всѣхъ молодыхъ людей призывнаго возраста, и при томъ преимущественно такіе, которые не особенно нужны своимъ семьямъ, такъ что семья каждаго принятаго на службу солдата и все вообще населеніе мало отъ этого страдаютъ: самыя нужные люди остаются дома.

Затѣмъ, кромѣ льготъ по семейному положенію законъ допускаетъ еще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отсрочки въ поступленіи на службу. Отсрочки эти даются: 1) ради имущественнаго положенія, 2) для окончанія образованія и 3) для поправленія здоровья.

Такъ, иногда у лицъ, не имѣющихъ льготъ по семейному положенію, находится на рукахъ цѣлое хозяйство, напримѣръ, управленіе какимъ-нибудь торговымъ заведеніемъ, фабрикою и т. п. Такимъ лицамъ необходимо имѣть время, чтобы оглядѣться, устроиться и привести дѣла свои въ порядокъ. И вотъ законъ даетъ имъ, ради ихъ имущественнаго положенія, особую льготу, состоящую въ разрѣшеніи поступить на службу черезъ два года по вынутаи солдатскаго жре-

бія, приче́мъ, однако, по окончаніи данной отсрочки, означенныя лица поступаютъ на службу наравнѣ съ другими.

Далѣе, по общему правилу, установленному новымъ уставомъ о воинской повинности, всѣ молодые люди должны поступать на службу на 21-мъ году отъ роду. Но такъ какъ государству нужны люди образованные, то законъ допускаетъ, ради ученія, изъятіе изъ приведеннаго общаго правила, давая молодымъ людемъ, находящимся въ учебныхъ заведеніяхъ, время для окончанія начатаго ученія. Продолжительность даваемыхъ въ этихъ случаяхъ отсрочекъ зависитъ отъ того, въ какихъ именно школахъ обучаются лица, вынужшія солдатскій жребій, такъ какъ однѣ школы можно окончить скорѣе, а въ другихъ приходится дольше учиться. По истеченіи же данныхъ отсрочекъ, и эти лица, кто бы они ни были по своему происхожденію, поступаютъ на службу, наравнѣ со всѣми прочими,—простыми солдатами: исключеній ни для кого не дѣлается.

Наконецъ, годовыя отсрочки въ поступленіи на службу даются еще молодымъ людемъ, неуспѣвшимъ ко времени достиженія призывнаго возраста укрѣпиться въ физическихъ силахъ и здоровьѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены и новые сроки военной службы, которые теперь значительно короче прежнихъ: вмѣсто прежнихъ 15—12 лѣтъ, солдатъ остается нынѣ на дѣйствительной службѣ, въ строю, только 6 лѣтъ, приче́мъ военному министру предоставлено право увольнять даже и ранѣе этого срока. По окончаніи срока дѣйствительной службы, солдатъ зачисляется въ запасъ арміи, въ которомъ числится 9 лѣтъ, а затѣмъ перечисляется въ ратники ополченія, въ которомъ и числится до достиженія 40-лѣтняго

возраста. Ополченіе это составляется изъ всего вообще мужского населенія, имѣющаго не свыше сорока лѣтъ, способнаго носить оружіе и не состоящаго ни на дѣйствительной военной службѣ, ни въ запасѣ, и созывается только въ самыхъ крайнихъ, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ военного времени.

Но въ запасѣ и въ ополченіи человѣкъ только числится на бумагѣ, настоящую же, дѣйствительную службу несетъ онъ всего лишь 6 лѣтъ, а иногда и еще меньше. При такомъ сокращенномъ срокѣ службы, солдатъ, поступая на службу 20-ти лѣтъ отъ роду, оканчиваетъ ее и возвращается домой, на родину, всего 26 лѣтъ, т. е. человѣкомъ еще совсѣмъ молодымъ, бодрымъ, свѣжимъ, способнымъ ко всякому труду, и, слѣдовательно, можетъ обзавестись хозяйствомъ и приняться за какое угодно дѣло, тогда какъ въ былыя времена солдатъ возвращался домой хилымъ и слабымъ старикомъ, никому болѣе не нужнымъ и ни къ какому дѣлу не пригоднымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде солдатъ, поступая на службу, исключался уже навсегда изъ своего общества и всю жизнь, даже и по выходѣ въ отставку, считался въ солдатскомъ званіи и такъ и назывался „отставнымъ солдатомъ“. Теперь человѣкъ только на время уходитъ изъ своего общества, при увольненіи же со службы и возвращеніи домой получаетъ вновь всѣ тѣ права, которыми онъ пользовался прежде въ своемъ гражданскомъ положеніи; равнымъ образомъ и отведенная крестьянамъ въ надѣль мірская земля остается за ними и по возвращеніи на родину они пользуются ею по прежнему.

Большинство новобранцевъ, поступающихъ въ армію—люди неграмотные. Человѣкъ же неграмот-

ный, т. е. никогда ничему не учившійся, не легко и не скоро понимаетъ и усваиваетъ себѣ то, что ему объясняютъ. Вотъ почему для того, чтобы приготовить хорошаго солдата изъ человѣка неграмотнаго, нужно, какъ показали опытъ, не меньше пяти-шести лѣтъ времени. Другое дѣло люди образованные, уже кой-чему поучившіеся въ школахъ. Такіе люди, какъ умственно уже развитые, — гораздо понятливѣе; они всякое дѣло, всякую науку перенимаютъ гораздо легче и скорѣе, чѣмъ люди, ничему не учившіеся. Чѣмъ больше человѣкъ учился, чѣмъ онъ образованнѣе, тѣмъ меньше времени нужно, чтобы приготовить изъ него вполне хорошаго солдата, а слѣдовательно нѣтъ и надобности держать его на дѣйствительной военной службѣ цѣлыхъ шесть лѣтъ, подобно человѣку неграмотному. Въ виду этого, по новому уставу о воинской повинности, устанавляются для людей образованныхъ еще болѣе сокращенные сроки службы, причемъ размѣръ сокращенія сроковъ службы зависитъ отъ степени образованія человѣка, т. е. отъ того, въ какой именно школѣ окончилъ онъ ученіе.

Кромѣ того, для облегченія образованному классу населенія отбыванія воинской повинности, предоставляется всѣмъ молодымъ людямъ, которые удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ образованія, поступать, по достиженіи 17-ли лѣтняго возраста, на службу вольноопредѣляющимися, т. е. добровольно, безъ вынута жребія, и въ этомъ случаѣ сроки службы для нихъ еще болѣе сокращаются.

Указанное сокращеніе сроковъ дѣйствительной службы для людей образованныхъ явилось для народа сильною побудительною причиною къ возможному расширенію его умственнаго развитія, служа-

наго безспорно залогомъ благоденствія какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и цѣлаго государства.

До введенія всеобщей воинской повинности ученіе шло у насъ довольно плохо, въ школы дѣтей посылали весьма неохотно и потому грамотные люди были въ диковинку среди простого народа. Теперь же, когда, съ введеніемъ новаго устава о всеобщей воинской повинности, людямъ необразованнымъ приходится служить значительно дольше, чѣмъ образованнымъ, польза ученія стала для каждаго нагляднѣе, и рускіе люди, которые прежде обходились безъ ученія, стали посылать дѣтей своихъ въ школы. Образование же нужно для успѣшнаго выполненія всякаго дѣла, нужно для всей вообще жизни человѣческой. „Ученье свѣтъ, а неученье тьма“—гласитъ русская поговорка, и это совершенно справедливо: всякое дѣло пойдетъ хорошо, если взяться за него и вести его умѣючи, а потому нужно постоянно учиться и пополнять свои знанія.

Для несенія солдатской службы нужны люди крѣпкіе и здоровые, почему, само собою разумѣется, всѣ лица съ тѣлесными недостатками,—какъ-то калѣки, увѣчные, больные и вообще люди слабаго тѣлосложенія совершенно освобождаются отъ военной службы. Не освобождаются отъ нея только такіе калѣки и увѣчные, которые сами себя нарочно искалѣчили, рассчитывая избавиться такимъ способомъ отъ солдатчины. Такіе „умышленные членовредители“, какъ называются они въ законѣ, не достигаютъ своей цѣли: хотя къ строевой службѣ они уже и не годны, но ихъ все-таки сдаютъ въ солдаты въ нестроевыя должности, да сверхъ того присуждаютъ еще къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ.

Для приѣма на службу новобранцевъ, на каждый уѣздъ существуетъ особое воинское присутствіе, которое и завѣдуетъ всѣми дѣлами по воинской повинности въ этомъ уѣздѣ. Большіе же города, какъ, напримѣръ, С.-Петербургъ, Москва, Одесса и проч., имѣютъ каждый свое особое городское по воинской повинности присутствіе. Въ началѣ зимы, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, всѣ воинскія присутствія объявляютъ, чтобы призывные явились въ такой-то день для выниманія жребія. И всѣ они, безъ всякаго принужденія, являются сами въ присутствіе и вынимаютъ свой жребій. Послѣ того врачи осматриваютъ всѣхъ вынудшихъ солдатскій жребій, для опредѣленія, годны-ли они къ военной службѣ по тѣлосложенію и здоровью. Прежде всего осматриваются неимѣющіе никакихъ льготъ по семейному положенію, и если ихъ оказывается достаточно для пополненія всего необходимаго съ участка числа новобранцевъ, то этимъ дѣло и кончается. Если же ихъ не хватаетъ, то начинаютъ осматривать льготныхъ третьяго разряда по порядку вынутыхъ ими номеровъ, а если и ихъ недостаточно, то принимаются за льготныхъ второго разряда и, наконецъ, уже за льготныхъ перваго разряда. Но этого, можно сказать, почти никогда не бываетъ: безльготныхъ всегда набирается столько, что до льготныхъ перваго и даже до льготныхъ второго разряда совсѣмъ не доходитъ очередь, и только льготные третьяго разряда попадаютъ еще иногда въ солдаты. Такимъ образомъ, имѣя льготу перваго и даже второго разряда, можно почти навѣрное рассчитывать на освобожденіе отъ воинской повинности.

Оказавшіеся, по осмотру, годными къ службѣ, зачисляются въ солдаты, заносятся въ списки ново-

бранцевъ, приводятся къ присягѣ и затѣмъ распускаются на нѣсколько недѣль по домамъ, для устройства своихъ дѣлъ и прощанія съ родными, причемъ имъ только объявляется, когда и куда именно должны они явиться на службу. И хотя никто ихъ не сторожить и не караулить, — всѣ они добровольно являются къ назначенному сроку въ указанное мѣсто, именно потому, что ихъ считаютъ честными людьми, надѣются больше на совѣсть ихъ, чѣмъ на конвой.

Сравнивая всѣ эти новые порядки съ прежними, существовавшими во время рекрутчины, нельзя не замѣтить, что разница между настоящимъ и прошлымъ—какъ между днемъ и ночью.

Положеніе русскаго солдата настолько разнится теперь отъ бывшаго раньше, что невозможно и представить себѣ чего нибудь болѣе несходнаго. Вотъ почему при отправленіи новобранцевъ на службу нѣтъ уже теперь того безнадежнаго плача и отчаянныхъ рыданій, которые раздавались прежде при отдачѣ въ рекруты. Съ гордостью и пѣснями идутъ теперь новобранцы на службу; домой же возвращаются съ благодарностію за обученіе и съ уваженіемъ къ арміи, въ рядахъ которой пришлось имъ отбывать столь облегченную воинскую повинность.

Всесловная воинская повинность слила всѣ классы общества въ одну дружную семью, значительно облегчивъ народу прежнюю тяжесть несенія этой повинности. Въ связи съ этимъ и армія наша стала на высоту, достойную защитниковъ чести и славы отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сила и могущество русскаго государства значительно увеличились. Войска наши постоянно пополняются теперь

молодыми, свѣжими силами, а запасъ арміи и ополченіе даютъ государству возможность во всякое время, въ случаѣ надобности, созвать подъ знамена огромныя боевыя дружины въ нѣсколько милліоновъ человѣкъ, уже подготовленныхъ къ военному дѣлу.

Новые порядки, установленныя въ Россіи благодаря великимъ преобразованіямъ Императора Александра II, вызвали особую нужду въ просвѣщенныхъ, образованныхъ людяхъ, которые нужны были прежде всего для разумнаго и толковаго проведенія въ жизнь свѣтлыхъ идей Царя-Преобразователя.

Признавая распространеніе въ народѣ просвѣщенія необходимымъ условіемъ его благоденствія, Императоръ Александръ Николаевичъ, убѣдившись при личномъ обзорѣ Россіи, что однимъ изъ главныхъ препятствій къ ея преуспѣянію является невѣжество народа, пожелалъ дать своимъ подданнымъ всѣ необходимыя средства къ возможно широкому образованію, заботы о которомъ и шли поэтому въ его царствованіе рядомъ съ заботами объ улучшеніи быта населенія и выразились въ коренномъ преобразованіи всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ университетовъ и кончая народными школами.

Съ перваго же года по воцареніи, Императоръ Александръ Николаевичъ и супруга его, Императрица Марія Александровна обратили свое особое вниманіе на воспитаніе и образованіе дѣтей и позаботились о предоставленіи всѣмъ сословіямъ возможности дать своимъ дѣтямъ, за умѣренную плату, основательное образованіе. Въ сихъ видахъ приминистерствѣ народнаго просвѣщенія учрежденъ былъ въ 1856 году особый Ученый Комитетъ, на который

возложено составленіе и разсмотрѣніе программъ преподаванія и учебныхъ руководствъ и вообще принятіе мѣръ къ улучшенію учебной и воспитательной части.

Желая облегчить лицамъ, окончившимъ курсъ въ среднихъ школахъ, возможность завершить свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—университетахъ, Государь повелѣлъ, уже въ 1855 году, принимать во всѣ университеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ. Затѣмъ, въ 1863 году, университетамъ данъ былъ новый уставъ, благодаря которому они получили широкое право самостоятельно завѣдывать своими внутренними дѣлами, обновились и расширили свою ученую дѣятельность. Университетскій уставъ 1863 года былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ памятниковъ царствованія Императора Александра II и оказалъ благотворное вліяніе на развитіе у насъ просвѣщенія. Учреждено было также и нѣсколько новыхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ пользу бѣдныхъ студентовъ Государь разрѣшилъ собирать пожертвованія, заводить общежитія и самъ давалъ постоянно средства на ихъ воспитаніе.

На ряду съ высшимъ, университетскимъ образованіемъ, предметомъ постоянныхъ заботъ и попеченій Императора Александра II въ теченіе всего его царствованія было и среднее образованіе молодого русскаго поколѣнія. Существенная реформа нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній послѣдовала въ 1864 году, когда былъ изданъ новый уставъ гимназій и прогимназій, значительно видоизмѣненный и дополненный впоследствии уставомъ 1871 года, введшимъ въ Россіи такъ-называемую классическую систему средняго образованія, въ основаніе которой

положено усиленное изученіе двухъ древнихъ, латинскаго и греческаго, языковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ измѣненъ былъ также и уставъ реальныхъ училищъ и преобразованы на новыхъ началахъ какъ военно-учебныя, такъ и духовно-учебныя заведенія.

Императрица Марія Александровна, съ своей стороны, приняла подѣ свое непосредственное покровительство дѣло женскаго образованія. По мысли Государыни, приступлено было къ устройству во всѣхъ губернскихъ городахъ Имперіи женскихъ гимназій для дочерей лицъ всѣхъ сословій; для дочерей же лицъ духовнаго званія открыты были еще женскія епархіальныя училища и учреждены особыя училища при многихъ женскихъ монастыряхъ. Для дѣвицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, открыты были особые высшіе женскіе курсы—въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани и Одессѣ, а въ 1872 году послѣдовало открытіе при военно-медицинской академіи высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ, причемъ женщинамъ, окончившимъ таковыя курсы, Государь далъ право заниматься врачебною практикою.

Наконецъ, собственно народныя школы—начальныя народныя училища и сельскія школы — можно сказать созданы въ царствованіе Императора Александра II, такъ какъ до этого царствованія начальное народное образованіе находилось у насъ въ самомъ печальномъ положеніи: среди народа господствовала почти повальная безграмотность. Вопросъ о необходимости распространенія начальнаго образованія въ народѣ, объ обученіи крестьянъ грамотѣ естественно возникъ прежде всего въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, трудившихся надъ составленіемъ Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпост-

ной зависимости. Планъ устройства сельскихъ школъ подвергался, однако, многократнымъ измѣненіямъ, и лишь въ 1864 году издано было особое Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ. Положеніе это, вмѣстѣ съ порученіемъ народной школы попеченіямъ земства, создало новыя благопріятныя условія для распространенія среди русскаго народа первоначальныхъ полезныхъ знаній и вызвало въ этой области сильное движеніе, быстрые и плодотворные успѣхи: къ концу царствованія Императора Александра II въ Россійской Имперіи — не считая Кавказа, Финляндіи и 25.000 однихъ только Прибалтійскихъ губерній — насчитывалось уже болѣе начальныхъ училищъ.

Великая роль въ дѣлѣ народнаго образованія принадлежала въ царствованіе Императора Александра II военному вѣдомству, во главѣ котораго стоялъ просвѣщеннѣйшій и даровитѣйшій государственный дѣятель того царствованія — Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Военный министръ этотъ горячо и убѣжденно защищалъ интересы народнаго образованія, которые онъ понималъ чрезвычайно широко. Всѣ произведенныя имъ, по указаніямъ Государя, коренныя преобразованія въ войскѣ, значительно улучшившія бытъ военнотружущихъ и сдѣлавшія русскую армію грозною для враговъ Россіи, были направлены къ возвышенію нравственнаго духа и умственнаго развитія въ войскѣ и имѣли цѣлью создать въ Имперіи просвѣщенную армію, воспитываемую въ духѣ разумной дисциплины и сознательнаго отношенія къ своему дѣлу. Тѣмъ же духомъ проникнуто было и преобразование военно-учебныхъ заведеній и даже установленіе всеобщей воинской повинности имѣло, между прочимъ, цѣлью увеличить при помощи военной арміи количество грамотныхъ людей въ Россіи.

Заботы о народномъ образованіи должны быть, по справедливости, отнесены къ числу важнѣйшихъ дѣлъ Царя-Освободителя. Но много еще было совершено имъ и другихъ реформъ, касавшихся всѣхъ сторонъ государственной и общественной жизни Россіи и имѣвшихъ также большое и благодѣтельное значеніе для всего русскаго народа.

Къ такимъ реформамъ относятся обширныя преобразования по военному и морскому вѣдомствамъ, обнимавшія какъ строевую организацію сухопутныхъ и морскихъ силъ Имперіи, такъ и всѣ многочисленныя части управленія арміею и флотомъ.

Являя себя во все продолженіе своего царствованія вѣрнымъ и преданнымъ сыномъ православной церкви, ревнителемъ и защитникомъ православія, Императоръ Александръ II предпринялъ также рядъ мѣръ, направленныхъ ко благу и славѣ отечественной церкви и, въ частности, къ улучшенію быта православнаго духовенства и преобразованію духовно-учебныхъ заведеній, причемъ, однако, въ то же время проявлялъ безусловную вѣротерпимость въ отношеніи иновѣрныхъ своихъ подданныхъ.

ВнутреннееобновленіеРоссіиповелоикъвнѣшнему, во многихъ отношеніяхъ, переустройству государства. Такъ, въ царствованіе Императора Александра II, земля руская, имѣвшая до его воцаренія очень мало сносныхъ путей сообщенія, покрылась цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ связи съ необыкновенно быстрымъ развитіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія, развилось и пароходство, стали совершенствоваться и расширяться почтовые и телеграфныя сношенія, начали усиленно развиваться промышленность и торговля. Наконецъ, внесены были существенныя измѣненія и улучшения и въ финансовое управленіе го-

сударства, преобразована полиція и предоставлены значительныя облегченія отечественной печати, послѣдствіемъ чего явилось сильное пробужденіе умственной жизни народа.

Нельзя также не обратить вниманія еще и на то обстоятельство, что та гуманность, человѣчность, та любовь къ ближнему, которая красною нитью проходитъ черезъ всю жизнь и дѣятельность Императора Александра II, была перенесена имъ даже и за предѣлы Россійскаго государства. По почину великаго Государя этого, любвеобильному сердцу котораго были дороги всѣ страдальцы безъ исключенія, созванъ былъ, въ 1864 году, въ Швейцаріи, въ городѣ Женевѣ, особый международный конгрессъ, т. е. собраніе представителей различныхъ государствъ, положившій начало основанію одного изъ наиболѣе гуманныхъ и симпатичныхъ учреждений, а именно— Общества „Краснаго Креста“, имѣющаго задачей доставленіе во время войны врачебной помощи и заботливаго ухода всѣмъ раненымъ на полѣ битвы воинамъ, какъ своимъ, такъ и непріятельскимъ. Въ 1868 году, по личному же почину Царя-Освободителя, собралась въ С.-Петербургѣ конференція изъ представителей европейскихъ державъ, принявшая обязательство не употреблять впредь на войнѣ разрывныхъ пуль или снарядовъ, начиненныхъ взрывчатыми веществами, которыя разрываются въ тѣлѣ и, такимъ образомъ, обращаютъ каждую огнестрѣльную рану, безъ всякой надобности, въ смертельную.

Воспользовавшись вспыхнувшюю въ 1870 году войною между Германією и Францією и послѣдовавшимъ затѣмъ разгромомъ французскихъ войскъ и распаденіемъ французской имперіи, Россія объявила всѣмъ державамъ, подписавшимъ Парижскій

мирный договоръ 1856 года, что, въ виду неоднократныхъ нарушеній этого трактата во многихъ существенныхъ статьяхъ его, Россія не можетъ долѣе считать себя связанною обязательствами означеннаго договора, насколько они ограничиваютъ верховныя права ея на Черномъ морѣ, и потому прямодушно заявляетъ о прекращеніи силы отдѣльной, дополнительной къ помянутому трактату, конвенціи между Россією и Турцією, опредѣляющей количество и размѣры военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ, и о возстановленіи во всей полнотѣ всѣхъ правъ своихъ въ этомъ отношеніи.

Вслѣдствіе сего уполномоченные державъ-участницъ парижскаго договора 1856 года собрались на конференцію въ Лондонѣ, гдѣ 20 февраля 1871 г. и была подписана особая конвенція, вносившая въ парижскій трактатъ нѣкоторыя существенныя измѣненія и отмѣнявшая тѣ статьи этого трактата, которыя ограничивали число военныхъ судовъ, какое Россія и Турція предоставляли себѣ содержать на Черномъ морѣ, а также право ихъ возводить укрѣпленія по берегамъ этого моря.

Г Л А В А VII.

Усмиреніе польскаго мятежа.—Покореніе Кавказа.—Завоеванія въ Средней Азіи.

Царствованіе Императора Александра II отличалось, по преимуществу, мирнымъ направлениемъ. Едва-ли на какомъ иномъ престолѣ находился когда-либо другой настолько добросердечный и миролю-

бывый Государь, какимъ былъ Императоръ Александръ Николаевичъ. Щадя и оберегая жизнь и кровь своихъ подданныхъ и не имѣя ни малѣйшей надобности въ расширеніи предѣловъ своей, и безъ того обширной, Имперіи, Государь всегда старался избѣгать предлоговъ и поводовъ къ войнѣ. Онъ поставилъ себѣ великою задачею обновленіе и развитіе Россіи путемъ внутреннихъ преобразованій и, желая обезпечить своему народу продолжительный миръ, остерегался всякихъ внѣшнихъ столкновеній въ Европѣ.

Но несмотря на кипучую преобразовательную дѣятельность внутригосударства, Императоръ Александръ Николаевичъ не упускалъ изъ виду и такъ-называемой внѣшней политики, т. е. отношеній Россіи къ другимъ державамъ, въ каковой области достойнымъ сподвижникомъ Царя-Освободителя былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, въ послѣдствіи государственный канцлеръ, свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ. Хотя, по окончаніи крымской войны, Государь созналъ необходимость водворенія въ Россіи продолжительнаго мира и потому постоянно стремился къ тому, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла иностранныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда затрогивались интересы Россіи, онъ съ непоколебимою твердостью и стойкостью заявлялъ свои требованія и путемъ мирныхъ убѣжденій отстаивалъ честь и выгоды Богомъ ввѣренной ему державы.

Особенно памятно въ этомъ отношеніи усмирненіе польскаго мятежа въ 1863 году.

Надо сказать, что въ концѣ XVIII-го столѣтія прекратилось существованіе Польши, какъ самостоятельнаго государства: она была раздѣлена между тремя сосѣдними съ нею державами—Россією, Прус-

сією и Австрією, причемъ на долю Россіи достался и городъ Варшава—бывшая столица Польскаго королевства.

Въ 1815 году Императоръ Александръ I дароваль Царству польскому особое устройство, съ собраніемъ народныхъ представителей и собственнымъ войскомъ. Благодаря этому устройству и внутреннему спокойствію, Польша начала уже было преуспѣвать на пути своего умственного и матеріальнаго благосостоянія. Между тѣмъ поляки были недовольны подчиненіемъ своимъ Россіи и постоянно стремились оторваться отъ русской власти и снова образовать изъ себя особое, независимое государство. Въ народѣ, въ арміи, среди студентовъ образовались тайныя общества, волновавшія умы надеждою на возможность возстановленія прежней самобытной Польши и возбудившія поляковъ, въ концѣ 1830 г., къ вооруженному возстанію, которое быстро распространилось по всему Царству и проникло въ Литву. Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ 1831 году польскій мятежъ былъ усмиренъ силою русскаго оружія, причемъ главные предводители возстанія спаслись бѣгствомъ за границу. Послѣ этого Царство Польское лишилось привилегій, дарованныхъ ему Императоромъ Александромъ I, и вошло въ составъ Имперіи, наравнѣ съ другими ея областями.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, Государь, съ самаго начала своего царствованія, не дѣлалъ различія между своими русскими и польскими подданными: все, что было даруемо Имперіи, переносилось и на Царство Польское. Такъ Государь, манифестомъ по случаю восшествія на престолъ, дароваль широкое всепрощеніе полякамъ, замѣшаннымъ въ польскомъ возстаніи

1830 и 1831 г.г., возвратилъ сосланныхъ поляковъ изъ Сибири, дозволилъ польскимъ выходцамъ, бѣжавшимъ за границу, вернуться на родину и принялъ рядъ другихъ мѣръ, которыя значительно облегчили положеніе польскаго народа.

Всѣ эти милости Государя возбудили чувства признательности въ умѣренной и благоразумной части польскаго населенія. Но не такъ были онѣ приняты тѣми поляками, которые еще не переставали мечтать о возможности возстановленія древней Польши въ ея прежнихъ предѣлахъ, посредствомъ совершеннаго отдѣленія ея отъ Россіи и образованія самостоятельнаго польскаго государства. Люди эти враждебно относились ко всѣмъ дѣйствіямъ русскаго правительства и, задумавъ вступить въ открытую борьбу съ Россіей, начали тайно возбуждать польскій народъ къ возстанію.

Уже съ лѣта 1860 года въ главномъ городѣ Польши—Варшавѣ начались враждебныя правительству дѣйствія: оскорбленія полиціи, торжественныя шествія по городу, распѣваніе по костеламъ (церквямъ) и на улицахъ революціонныхъ пѣсенъ и молитвъ, произношеніе возмутительныхъ проповѣдей, открытый разговоръ о предстоящей борьбѣ за освобожденіе Польши и. т. п. Когда же въ слѣдующемъ затѣмъ 1861 г. въ Россіи совершилось освобожденіе крестьянъ, смуты и беспорядки въ Польшѣ усилились и вызвали, наконецъ, рядъ строгихъ мѣръ со стороны правительства; но эти мѣры не могли уже сдержать распространившагося волненія, которое успѣло сообщиться изъ Варшавы, еще въ большихъ размѣрахъ, всему Царству Польскому. Тогда царство это объявлено было на военномъ положеніи, которое нѣкоторое время сдерживало мятежь.

Но когда затѣмъ въ Маѣ 1862 года намѣстникомъ Царства Польскаго назначень былъ родной братъ Государя, великій князь Константинъ Николаевичъ, послѣдовалъ рядъ покушеній на жизнь лицъ, поставленныхъ во главѣ управленія и, наконецъ, даже на жизнь самого великаго князя, причемъ, однако, Богу угодно было спасти царскаго намѣстника отъ угрожавшей ему опасности.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ января 1863 года, по поводу объявленнаго рекрутскаго набора, въ Польшѣ вспыхнуло явное возстаніе, причемъ волненіе распространилось частію и на западно-русскій край. Вооруженныя шайки мятежниковъ появились на всемъ пространствѣ Царства Польскаго и старались поднять всеобщее возстаніе. Но предпріятіе мятежниковъ не удалось: русскія войска отразили ихъ на всѣхъ пунктахъ, захвативъ до 300 плѣнныхъ и значительное количество оружія.

Пожелавъ еще разъ испытать мѣры кротости и надѣясь образумить, наконецъ, непокорныхъ поляковъ, Государь объявилъ дарованіе прощенія всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, кто до 1-го мая сложитъ оружіе. Но мѣра эта, радостно встрѣченная въ Россіи и въ русскомъ обществѣ, вызвала со стороны мятежниковъ только взрывъ негодованія. Помянутый срокъ прошелъ, но благоразуміе не восторжествовало. Тогда намѣстникомъ въ Варшаву былъ назначень генераль-адъютантъ графъ Э. Э. Бергъ, а генераль-губернаторомъ сѣверо-западнаго края—генераль-адъютантъ М. Н. Муравьевъ. Подъ руководствомъ этихъ двухъ лицъ борьба получила болѣе рѣшительный характеръ и подавленіе мятежа шло успѣшно впередъ.

Между тѣмъ, когда возстаніе было уже почти усмирено русскими войсками, три великія западно-

европейскія державы: Англія, Франція и Австрія, желая повредить Россіи, выразили свое сочувствіе польскому движенію и тѣмъ подали полякамъ надежду на помощь съ ихъ стороны. Условившись между собою и подкрѣпивши себя еще Турцією, державы эти прислали русскому правительству одновременно угрожающія требованія объ уступкахъ Польшѣ. По-нятно, что такія притязанія иностранныхъ державъ были оскорбительны для чувства русской народной чести, какъ вмѣшательство въ наши внутреннія домашнія дѣла. Весь народъ русскій охватило чувство глубокаго негодованія и оскорбленнаго достоинства. Тысяча всеподданнѣйшихъ адресовъ со всѣхъ концовъ Россіи и отъ всѣхъ сословій русскаго народа повергнуты были къ подножію царскаго престола, съ выраженіемъ горячей преданности и готовности жертвовать всѣмъ на защиту чести своего отечества.

Встрѣтивъ рѣшительный отпоръ своему вмѣшательству, державы убѣдились, что за русскимъ Царемъ стоитъ цѣлый народъ, и должны были отступить отъ своихъ требованій.

Окончательное подавленіе польскаго возстанія было затѣмъ уже дѣломъ домашнимъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и завершилось возстановленіемъ въ Польшѣ, въ 1864 г., полнаго спокойствія.

Вслѣдъ за тѣмъ предпринять былъ рядъ мѣръ, клонившихся къ постепенному сплоченію Царства Польскаго съ Имперіей Россійской. Благодѣтельнѣйшею изъ всѣхъ этихъ мѣръ былъ указъ 19 февраля 1864 г. объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ.

Крѣпостное право уничтожено было въ Польшѣ

собственно еще въ самомъ началѣ XIX-го столѣтія, но полученная крестьянами свобода была не лучше неволи: крестьянъ освободили лично, но не надѣлили при этомъ землею. Несмотря на личную свободу, польскіе крестьяне находились, поэтому, въ самомъ печальномъ положеніи, состоя въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Лишенные земельной собственности, они частію превратились въ настоящихъ безправныхъ батраковъ, частію же остались въ дѣйствительности какъ бы крѣпостными, обязанными за пользованіе клочкомъ земли и усадьбою отбывать въ пользу пановъ барщину и множество натуральныхъ повинностей. Развитіе благосостоянія польскихъ крестьянъ было, при такихъ обстоятельствахъ, очевидно, немыслимо. И вотъ рѣзкая перемѣна къ лучшему въ ихъ матеріальномъ быту произошла только съ изданіемъ указа 19 февраля 1864 года.

Польскіе крестьяне, до которыхъ доходили слухи о дарованіи русскимъ крестьянамъ 19 февраля 1861 г. свободы и надѣленіи ихъ землею, твердо вѣрили, что эти благодѣянія должны были распространиться и на нихъ. Событія оправдали ихъ ожиданія; въ силу указа 19 февраля 1864 г. земли, состоявшія въ пользованіи польскихъ крестьянъ, поступили въ ихъ полную собственность, причемъ вознагражденіе помѣщиковъ за эти земли казна приняла на себя.

Но до изданія означеннаго указа прошло три года смутнаго времени, въ продолженіе которыхъ крестьянское населеніе Польши оставалось непоколебимо вѣрно русскому правительству, видя въ немъ свою естественную опору и защиту отъ произвола польскихъ пановъ-помѣщиковъ, за которыми они были закрѣпощены: крестьяне были убѣждены, что

отъ одного правительства они могутъ ожидать дѣйствительнаго, а не призрачнаго только, признанія своихъ правъ и улучшенія своего положенія и потому старались содѣйствовать водворенію въ Польшѣ порядка, насколько то отъ нихъ зависѣло. Такое поведеніе крестьянъ въ Польшѣ, во время мятежа, не могло не обратить на себя особаго вниманія русскаго правительства, и потому первою мѣрою, принятою имъ, по прекращеніи открытаго возстанія, было надѣленіе всѣхъ польскихъ крестьянъ землею и дарованіе имъ вмѣстѣ съ тѣмъ мірскаго самоуправленія въ ихъ домашнихъ дѣлахъ, посредствомъ выборныхъ самими крестьянами войтовъ (старшинъ), солтысовъ (старостъ) и т. д.

За этою главною мѣрою послѣдовалъ рядъ другихъ мѣропріятій, клонившихся къ развитію общаго благосостоянія Польши; такъ, крестьяне были навсегда освобождены отъ всякихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, всѣ иски и недоимки по отмѣненнымъ повинностямъ прекращены; смягчены назначаемыя по суду наказанія, запрещено наложеніе клеймъ и употребленіе розогъ во время слѣдствія; изданы указы о лучшемъ и правильнѣйшемъ устройствѣ учебной и воспитательной части, о преобразованіяхъ въ финансовомъ, почтовомъ и губернскомъ управленіяхъ Царства Польскаго, причемъ Царство это раздѣлено на 10 губерній; въ губерніяхъ и уѣздахъ введено управленіе, подобное существовавшему въ Имперіи, и для безопасности уѣздовъ учреждена земская стража. Наконецъ, въ 1869 г. возвѣщена была Высочайшая воля о принятіи мѣръ къ полному административному сліянію Царства Польскаго съ прочими частями Имперіи, чѣмъ и завершилось окончательное умиротвореніе

Польши, называемой съ тѣхъ поръ Привислянскимъ краемъ.

На слѣдующій годъ по усмирениі польскаго мятежа послѣдовало покореніе Кавказа.

Громадныя и крутыя Кавказскія горы тянутся отъ Чернаго до Каспійскаго моря, въ видѣ безконечнаго хребта, образуя множество утесовъ, пропастей и ущелій и являя изъ себя неприступную крѣпость, созданную самою природою.

Природа Кавказа представляетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, безконечное разнообразіе. Какъ въ составѣ и качествѣ почвы, такъ и въ климатѣ, и въ природныхъ богатствахъ Кавказа замѣчаются самыя удивительныя переходы отъ голыхъ скалъ и сыпучихъ песковъ до самаго тучнаго чернозема, отъ снѣжныхъ вершинъ до зеленѣющихъ луговъ, отъ безлюдныхъ степей до цвѣтущихъ долинъ, отъ сѣверной стужи до палящаго зноя.

Не меньшее разнообразіе представляетъ и коренное населеніе Кавказа. Теплый и богатый Кавказъ сталъ уже съ давнихъ поръ заселяться выходцами изъ разныхъ странъ,—людьми различной вѣры, рода и племени. Благодаря этому населеніе Кавказа состоитъ изъ множества небольшихъ народцевъ, различныхъ между собою и по наружному виду, и по языку, и по вѣрѣ, и по нравамъ и обычаямъ. Что ни долина, что ни равнина—почти все разное населеніе. У подошвы горы—одинъ народъ, на склонахъ ея—другой, повыше—третій.

Изъ всѣхъ народовъ, неселяющихъ Кавказъ, только грузины и армяне успѣли, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, образовать независимыя государства. Но, будучи окружены сильными и

воинственными горцами и гранича съ юга съ владѣніями персидскими и турецкими, армянское и грузинское царства пришли мало-по-малу въ упадокъ.

Арменія еще въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ сдѣлалась персидскою провинціею. Грузія же продолжала до конца XVIII-го столѣтія самостоятельное существованіе, но существованіе очень жалкое. Постоянныя преслѣдованія персіянь и турокъ съ одной стороны и хищническіе набѣги горцевъ съ другой въ конецъ разорили прекрасную Грузію и до того ее обезсилили, что къ концу XVIII-го столѣтія она не могла уже болѣе существовать какъ самостоятельное государство. Обезсиленная постоянной борьбой съ мусульманскимъ Востокомъ, многострадальная Грузія сама обратилась къ единовѣрной Россійской Имперіи съ просьбою принять ее въ свое подданство. Уступая усиленнымъ просьбамъ несчастной страны, царствовавшей тогда въ Россіи Императоръ Павелъ I манифестомъ 18-го января 1801 г. возвѣстилъ о присоединеніи Грузинскаго царства къ Россійской Имперіи.

По присоединеніи Грузіи къ Россіи, горскіе народы очутились съ сѣвера и съ юга между русскими владѣніями, но, продолжая по прежнему хищничать и вторгаться въ русскіе предѣлы, препятствовали сношеніямъ Закавказья съ остальными частями Россійской Имперіи.

Такимъ образомъ для того, чтобы обладаніе Грузіею (нынѣ Тифлисская и часть Кутаисской губерній) могло быть прочно и спокойно, не оставалось ничего другого, какъ подчинить русскому владычеству тѣ дикія племена магометанской вѣры, которыя жили въ кавказскихъ горахъ, отдѣляющихъ Россію отъ Закавказья. И вотъ, въ первые же годы XIX-го

столѣтія началась почти постоянная упорная, истинно героическая борьба русской арміи съ кавказскими племенами, продолжавшаяся 50 слишкомъ лѣтъ, до окончательнаго покоренія Кавказа Россіею уже въ царствованіе Императора Александра II.

Во время этой войны русскимъ приходилось дѣйствовать при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ. Прежде всего самая природа Кавказа представляла на каждомъ шагу чрезвычайныя затрудненія для движенія: съ одной стороны—непроходимые лѣса, глубокія пропасти и ущелья, съ другой — уходящія въ облака горы и отвѣсные утесы — являли для русской арміи почти неодолимые препятствія.

Но кромѣ того, что вообще не легко было вести правильную войну въ чрезвычайно гористой и къ тому же совершенно незнакомой странѣ, трудность покоренія Кавказа увеличилась, въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, еще отъ другой причины—вслѣдствіе появленія въ то время въ горахъ новой магометанской секты, такъ-называемаго «мюридизма». Это новое религіозное ученіе предписывало своимъ послѣдователямъ безусловное повиновеніе высшему духовному лицу—имаму и непрерывную войну противъ иновѣрцевъ, т. е. христіанъ. Мюридизмъ быстро распространился между горцами, соединилъ ихъ разрозненные дотолѣ племена въ одно цѣлое и воодушевилъ страшнымъ религіознымъ изувѣрствомъ, безпредѣльною враждою и ненавистію ко всѣмъ тѣмъ, кто не исповѣдывалъ той же вѣры. Воодушевленные новымъ ученіемъ, горцы поднялись почти поголовно на защиту своей страны и готовы были лучше всѣ погибнуть, чѣмъ покориться. Хорошо знакомые съ условіями мѣстности, они на каждомъ шагу строили русскимъ войскамъ засады, исчезали

безслѣдно изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ сосредоточивалось много русскихъ, и появлялись неожиданно тамъ, гдѣ ихъ было мало, встрѣчали русскихъ выстрѣлами изъ-за деревьевъ и скалъ и бросались часто въ рукопашный бой.

Но особенно трудною борьба съ кавказскими горцами сдѣлалась съ того времени, какъ предводителемъ ихъ явился имамъ Шамиль, соединявшій съ своимъ духовнымъ званіемъ всѣ качества храбраго и опытнаго воина. Обладая желѣзною волею и удивительнымъ умѣньемъ господствовать надъ дикими горными племенами, Шамиль превратилъ ихъ въ военную машину, направленную противъ русскихъ. Сверхъ того, онъ укрѣпилъ и безъ того почти неприступныя горы, построилъ отличныя крѣпости, завелъ пороховые и литейные заводы и т. п.

Видя все это, и русскіе начали вести противъ горцевъ правильную войну: стали производить постоянныя наступательныя на нихъ движенія, прокладывая въ каждой вновь занимаемой мѣстности дороги, прорубать въ лѣсахъ широкія просѣки, строить укрѣпленія и т. п. Такимъ образомъ, войска наши, хотя и медленно, но все же подвигались впередъ и все больше и больше тѣснили врага. Тѣмъ не мене, казалось, конца не будетъ кавказской войнѣ.

По прекращеніи, въ 1856 году, крымской войны, Государь рѣшилъ во что бы то ни стало покончить эту продолжительную борьбу съ непокорными кавказскими племенами,—борьбу, уже стоившую Россіи многихъ тяжкихъ жертвъ и людьми и деньгами.

Главнoкомандующимъ кавказскою арміею и исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго назначенъ былъ генераль-адъютантъ князь А. И. Батятинскій, уже прежде отличившійся своими подви-

гами въ битвахъ съ горцами и хорошо знакомый съ условіями мѣстности и характеромъ горцевъ. Съ назначеніемъ Барятинскаго, война на Кавказѣ не замедлила принять рѣшительный оборотъ.

Князь Барятинскій устремилъ главныя усилія прежде всего на восточную группу кавказскихъ горъ, гдѣ наиболѣе господствовала секта мюридовъ. Преслѣдуя врага, доблестныя войска русскія начали проникать во внутрь Кавказа, въ глубину горъ, дотолѣ неизвѣстныхъ и считавшихся недосыгаемыми.

Общее наступательное движеніе русской арміи, совершавшееся по зрѣло обдуманному плану, привело вскорѣ Шамиля въ стѣсненное положеніе, которое уничтожило все его обаяніе въ умахъ слѣпо преданныхъ ему до тѣхъ поръ горскихъ племенъ. Одно за другимъ стали они отпадать отъ Шамиля и изъявлять покорность Россіи. Главное мѣстопробываніе Шамиля и средоточіе его власти—чеченскій аулъ (селеніе) Ведень — взятъ былъ 1 апрѣля 1859 года приступомъ, послѣ чего и весь воинственный чеченскій народъ вынужденъ былъ покориться русскому владычеству. Всюду разбиваемый и тѣснимый, Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ, крайнюю восточную область Кавказа, прибрежную Каспійскому морю, бывшую гнѣздомъ мюридизма, и укрылся, съ своимъ семействомъ и небольшою шайкою (около 400 человѣкъ) приверженцевъ, въ аулъ Гунибъ, расположенномъ на высотахъ неприступной горы, гдѣ и рѣшилъ защищаться до послѣдней возможности. Между тѣмъ, русскія войска, неутомимо преслѣдуя Шамиля, осадили его, наконецъ, въ Гунибѣ. Князь Барятинскій лично руководилъ осадными дѣйствіями. Не смотря на цѣлый дождь камней, сбрасывавшихся горцами съ вершины горы, русскія штурмовыя ко-

лонны успѣли, въ ночное время, взобраться съ разныхъ сторонъ, по отвѣснымъ почти скаламъ, на гору и густою цѣпью окружили самый ауль, въ которомъ Шамиль и остатокъ мюридовъ засѣли въ каменныхъ сакляхъ, продолжая отстрѣливаться. На предложеніе главнокомандующаго прекратить бесполезную оборону и не подвергать ауль всѣмъ ужасамъ штурма, считавшійся дотолѣ непобѣдимымъ Шамиль, видя свое безвыходное положеніе, покинулъ свое убѣжище и сдался 25 августа 1859 года въ плѣнъ, со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами, повергая свою судьбу на милосердіе русскаго Царя.

Плѣненіе Шамиля произвело ошеломляющее дѣйствіе на всѣ горскія племена: по всему Кавказу прошелъ какъ бы трепеть замиренія. Съ паденіемъ Гуниба и взятіемъ въ плѣнъ Шамиля, вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

Этотъ новый успѣхъ князя Барятинскаго побудилъ Государя возвести его въ высшее военное званіе—генераль-фельдмаршала.

Шамиль былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и, послѣ представленія Государю, поселенъ на жительство въ городъ Калугу, гдѣ онъ прожилъ со своимъ семействомъ нѣсколько лѣтъ. Сынъ же Шамиля принятъ былъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ, для воспитанія на счетъ Государя.

Послѣ покоренія восточной части Кавказа, всѣ усилія русскихъ войскъ немедленно усремились на западный Кавказъ, прилегающій къ восточному берегу Чернаго моря; но окончательное покореніе этой части Кавказа потребовало еще четырехлѣтней непрерывной и неослабной борьбы.

Въ началѣ 1863 года, фельдмаршала князя Барятинскаго, въ виду разстроеннаго его здоровья, смѣнилъ новый намѣстникъ кавказскій и командующій кавказскою арміею—младшій братъ Императора, великій князь Михаилъ Николаевичъ, послѣ чего наступательныя дѣйствія русскихъ войскъ пошли настолько быстро, что уже весною 1864 года окончено было полное завоеваніе и западной части Кавказа. За покореніемъ западнаго Кавказа, уже безъ особенно напряженныхъ усилій послѣдовало окончательное умиротвореніе всей страны между морями—Каспійскимъ и Чернымъ: послѣдніе остатки кавказскихъ горцевъ вынуждены были изъявить покорность русской власти. Такъ окончилась въ 1864 году мучительно-долгая, дорого-стоющая и кровопролитная кавказская война, и съ тѣхъ поръ весь благодатный кавказскій край принадлежитъ Россіи.

Одновременно съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа совершилось и другое великое дѣло: расширеніе мирнымъ путемъ, безъ пролитія крови, русской государственной области въ дальнихъ краяхъ Востока.

Благодаря энергіи генераль-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, 16 мая 1858 г. заключенъ былъ съ Китаемъ договоръ, по которому къ Россіи присоединенъ Амурскій край (въ 270.000 кв. верстѣ), въ силу чего Сибири открытъ былъ новый торговый путь по рѣкѣ Амуру. За такую заслугу Муравьевъ возведенъ былъ въ графское достоинство съ наименованіемъ Амурскимъ.

Черезъ 1½ года послѣ этого (2 ноября 1860 г.) былъ подписанъ и другой договоръ съ Китаемъ, по которому за Россіею закрѣпленъ юридически Уссурийскій край, фактически принадлежавшій ей съ 1858 года.

Вслѣдъ за окончательнымъ умиротвореніемъ Кавказа, Россія начала сводить старинные счеты съ тремя небольшими сосѣдными съ нею магометанскими ханствами—Коканомъ, Бухарой и Хивой. Ханства эти расположены въ Средней Азіи, среди безплодныхъ песчаныхъ степей, и населены полудикими разбойническими племенами, которыя постоянно совершали дерзкіе набѣги на наши средне-азиатскія пограничныя владѣнія, нападали на русскіе торговые караваны, грабили нашихъ купцовъ, убивали ихъ или же захватывали въ плѣнъ и продавали въ рабство.

Все это крайне затрудняло торговые сношенія Россіи съ Азіей, нарушало покой нашихъ пограничныхъ владѣній и потому давно уже озабочивало русское правительство.

И вотъ, въ маѣ 1864 года, два небольшихъ отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ полковниковъ Черняева и Веревкина, двинуты были, съ двухъ разныхъ сторонъ, въ глубь Средней Азіи для наказанія названныхъ враждебныхъ намъ сосѣднихъ племенъ и охраны русской восточной границы отъ ихъ постоянныхъ хищническихъ набѣговъ. Черняевъ взялъ штурмомъ коканскую крѣпость Ауліе-Ата, а Веревкинъ овладѣлъ коканскимъ городомъ Туркестаномъ. Но враждебныя дѣйствія хана Коканскаго и послѣ этого не прекращались и, такимъ образомъ, заставили русскихъ продолжать наступательное противъ него движеніе. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ 1865 году генераль Черняевъ, имѣя всего около 2,000 человекъ войска и 12 пушекъ, взялъ 17 іюля приступомъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ коканскаго ханства—Ташкентъ, который, вмѣщая въ себѣ до 100,000 жителей, былъ хорошо укрѣпленъ, окру-

женъ стѣною въ 24 версты длины и оборонялся 30-тысячнымъ гарнизономъ при 63 орудіяхъ. Послѣ этого пораженія ханъ коканскій прекратилъ непріязненныя противъ насъ дѣйствія и изъявилъ полную покорность русскому Царю.

Тогда, однако, сосѣднее съ Коканомъ ханство—бухарское начало беспокоить русскія границы; нужно было усмирить и его. Отрядъ русскихъ войскъ, подѣ начальствомъ генерала Романовскаго, выступилъ противъ Бухары.

Война съ Бухарою была столь же побѣдоносна, какъ и съ Коканомъ. Въ 1866 году главныя силы эмира бухарскаго были разбиты на голову, и русскіе взяли нѣсколько бухарскихъ городовъ и крѣпостей.

Однако, возобновленіе враждебныхъ дѣйствій со стороны эмира бухарскаго заставило насъ вскорѣ вновь обнажить мечъ и еще болѣе расширить наши владѣнія въ Средней Азіи. Только послѣ занятія русскими войсками въ маѣ 1868 г. стариннаго, славнаго и богатаго бухарскаго города Самарканда, эмиръ, наконецъ, смирился, обязавшись особымъ договоромъ предоставить русскимъ купцамъ полную свободу торговли въ бухарскихъ владѣніяхъ и уничтожить у себя рабство, что сильно подняло обаяніе русскаго Царя въ Азіи.

Вновь завоеванныя въ Средней Азіи (въ Коканѣ и Бухарѣ) земли присоединены были къ владѣніямъ Россіи, и изъ нихъ образовано особое туркестанское генераль-губернаторство, съ главнымъ городомъ Ташкентомъ.

Съ водвореніемъ владычества Россіи въ Туркестанѣ, торговыя сношенія наши съ Средней Азіей оживились и получили ббльшую безопасность, а, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, и благосостояніе жителей новопри-
соединеннаго края начало замѣтно возрастать: подъ
защитою русскаго оружія въ глубь Средней Азіи стало
проникать образованіе, тамъ начала развиваться
торговая дѣятельность, стали основываться школы,
проводиться шоссейныя дороги и вообще водворяться
европейскіе порядки.

За Коканомъ и Бухарой наступила очередь Хи-
вы. Ханство хивинское занимаетъ небольшой, въ нѣ-
сколько сотъ верстъ, клочъ плодородной земли,
заброшенный среди непроходимыхъ песчаныхъ и без-
водныхъ степей, отдѣляющихъ его отъ русскихъ
владѣній.

Пользуясь этою природною недоступностію сво-
ихъ владѣній для русскихъ войскъ, хивинцы, въ
особенности же наиболѣе многочисленное, отваж-
ное и хищное племя ихъ — туркмены, издавна поз-
воляли себѣ, подобно коканцамъ и бухарцамъ, раз-
бойнически нападать на русскіе купеческіе карава-
ны, захватывали въ плѣнъ и продавали въ рабство
русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей и
наносили, такимъ образомъ, не малый ущербъ рус-
ской торговлѣ. Особенно же вреднымъ и невыноси-
мымъ сдѣлался этотъ разбойническій образъ дѣй-
ствій хивинцевъ послѣ занятія нами Туркестанской
области, такъ какъ, съ расширеніемъ русскихъ вла-
дѣній въ Средней Азіи, торговая и промышленная дѣ-
ятельность Россіи въ этомъ краѣ сильно оживилась.
Неоднократно требовало русское правительство,
чтобы хивинцы прекратили свои разбойническія на-
паденія и выдали русскихъ плѣнниковъ. Но ханъ хи-
винскій не исполнялъ справедливыхъ требованій рус-
скаго Царя. Тогда рѣшено было предпринять воен-
ную экспедицію въ Хиву, чтобы покончить и съ

этимъ неугомоннымъ, полудикимъ, рабовладѣльческимъ царствомъ и заставить его смириться передъ русскимъ оружіемъ.

Раннею весною 1873 года, русскія войска двинулись на Хиву съ разныхъ сторонъ, тремя отрядами, подъ главнымъ начальствомъ туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана. Неимовѣрныя лишенія и трудности пришлось преодолѣвать русскимъ войскамъ во время этого степного похода. Подъ страшнымъ, непривычнымъ для русскаго человѣка, 45-градуснымъ зноемъ шли они, въ полномъ вооруженіи, по сыпучимъ раскаленнымъ пескамъ тысячеверстнаго мертваго степного пространства. Къ тому же скопища туркменъ старались всячески вредить русскимъ войскамъ и загроживать имъ путь къ Хивѣ. Но всѣ нападенія непріятели были молодецки отражены, всѣ преграды и трудности преодолѣны. Благодаря своей едва-вѣроятной терпѣливости, русскія войска вынесли сперва степные морозы и бураны, а потомъ, подъ палящими лучами солнца, бодро прошли въ одинъ мѣсяць тысячу верстъ по совершенно безводной и безлѣсной песчаной пустынѣ и достигли, наконецъ, въ началѣ мая мѣсяца, предѣловъ хивинскаго ханства. Въ три недѣли все ханство было покорено. Нѣсколько городовъ взято было съ боя, другіе сдались безъ сопротивленія, а 29-го мая пала и столица ханства—Хива. Русскія войска торжественно вступили въ городъ и покрыли себя новою славою, доказавъ, что они способны преодолѣвать всевозможныя препятствія.

Послѣ взятія русскими Хивы, ханъ хивинскій бѣжалъ въ степи, но скорѣе вернулся и изъявилъ полную покорность, вслѣдствіе чего и былъ возста-

новленъ на своемъ престолѣ. При этомъ, однако, часть хивинскихъ владѣній отошла, по условіямъ заключеннаго съ ханомъ договора, къ Россіи. Кромѣ того, ханъ долженъ былъ признать нѣкоторую зависимость Хивы отъ Россіи, обязался уплатить ей, для покрытія военныхъ издержекъ, значительное денежное вознагражденіе, предоставилъ русскимъ купцамъ право свободной торговли въ его владѣніяхъ и обязался не допускать впредь грабежей, отпустить на волю всѣхъ плѣнныхъ и рабовъ и совершенно отмѣнить у себя на вѣчныя времена торговлю рабами. Такимъ образомъ, по настоянію Царя-Освободителя, въ Среднюю Азію,—страну рабства и произвола,—внесена была свобода, а вмѣстѣ съ тѣмъ завершено и полное умиротвореніе громаднаго края.

Между тѣмъ, лѣтомъ 1875 года въ Коканѣ вспыхнуло возстаніе, направленное противъ русскаго владычества въ Средней Азіи. Возмутители объявили войну за вѣру и отказались повиноваться своему хану, покорному Россіи. Войско хана перешло на сторону возмутителей; провозглашенъ былъ новый ханъ, а прежній бѣжалъ подъ прикрытіемъ русскаго оружія. Мятежники напали на проживавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ русскихъ, нанесли имъ убытки и, преслѣдуя ненавистнаго хана, убили и ранили нѣсколькихъ русскихъ солдатъ. Туркестанскій генераль-губернаторъ фонъ-Кауфманъ требовалъ, чтобы договоръ, заключенный Россіею съ прежнимъ ханомъ, былъ принятъ новымъ и чтобы русскіе, потерпѣвшіе отъ возстанія, были вознаграждены за причиненные имъ убытки; но эти мирные переговоры кончились тѣмъ, что коканцы въ значительномъ числѣ ворвались въ русскіе предѣлы, что и послужило началомъ новой войны съ Коканомъ. Усми-

реніе коканскаго возстанія генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ поручилъ молодому генералу, уже отличившемуся въ хивинскомъ походѣ,—М. Д. Скобелеву. Съ небольшимъ отрядомъ прошелъ Скобелевъ изъ конца въ конецъ все Коканское ханство, въ цѣломъ рядѣ сраженій разбивая и разсѣвая мятежныя скопища и преслѣдуя бѣгущаго непріятеля по пятамъ. Возстаніе было окончательно усмирено, русская власть вновь водворилась на всемъ пространствѣ Кокана, и всекоканское ханство присоединено, въ 1876 году, къ Россіи, подъ названіемъ Ферганской области.

Война съ Турціею 1877 — 1878 годовъ приостановила на время дальнѣйшее поступательное движеніе Россіи въ глубь Средней Азіи. Но по прекращеніи этой войны рѣшена была экспедиція въ туркменскую или закаспійскую степь, для обузданія ахаль-текинскаго племени, не перестававшаго производить разбойническіе набѣги на наши сосѣднія съ нимъ области.

Начальство надъ двинутыми въ 1880 году въ туркменскую степь войсками ввѣрено было тому же, уже упомянутому выше, побѣдоносному вождю, генераль-адъютанту Скобелеву.

Текинцы, сосредоточенные въ Денгиль-тепе, рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Приблизившись къ Денгиль-тепе на 12 верстъ, Скобелевъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1880 года началъ осадныя работы. 12-го января 1881 года Денгиль-тепе взятъ былъ приступомъ, а 6 дней спустя передовой отрядъ подъ начальствомъ полковника Куропаткина занялъ и главное селеніе Ахаль-текинскаго оазиса—Асхабадъ, послѣ чего все населеніе его передалось въ подданство русскаго Царя.

Изъ земель, занятыхъ въ тукменской степи, образована Закаспійская область.

Такъ, въ 16 лѣтъ совершилось покореніе русской державѣ обширнаго пространства Средней Азіи въ нѣсколько милліоновъ квадратныхъ верстъ, которое соединено было вслѣдъ затѣмъ съ остальными частями Россійской Имперіи особымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, проложеннымъ русскою военною силою въ безлюдной и безводной пустынѣ.

ГЛАВА VIII.

Русско-Турецкая война 1877—1878 годовъ.

Въ то время, какъ Россія тихо и мирно расцвѣтала, согрѣваемая горячими заботами о ней возлюбленнаго Монарха, на Востокѣ наши братья по вѣрѣ и крови, славяне Балканскаго полуострова, жестоко страдали подъ нестерпимымъ гнетомъ турокъ. Еще по парижскому миру 1856 г., которымъ закончилась крымская кампанія, Турція обязалась передъ всею Европою не угнетать болѣе подвластныхъ ей православныхъ христіанъ и сравнять ихъ въ правахъ съ мусульманами. Но, не смотря на это, положеніе христіанскихъ подданныхъ въ Турціи нисколько не улучшилось, бѣдственная участь ихъ нисколько не была облегчена. Турецкій произволъ становился, напротивъ, съ каждымъ годомъ все необузданнѣе, звѣрства и жестокости турокъ принимали все большіе и большіе размѣры.

Изъ всѣхъ балканскихъ славянъ только одни черноморцы, въ силу своего неприступнаго положенія въ горахъ, сохранили свободу и независимость. За-

тѣмъ, благодаря побѣдамъ русскихъ надъ турками, и часть сербовъ сдѣлалась, въ началѣ XIX-го столѣтія, особымъ княжествомъ, съ природнымъ княземъ во главѣ, но съ обязательствомъ платить турецкому султану ежегодную дань. Остальныя же славянскія племена Балканскаго полуострова, въ особенности болгары, а равно и жители Босніи и Герцеговины, оставались, по прежнему, подъ игомъ турокъ, и съ каждымъ годомъ положеніе ихъ становилось все хуже и невыносимѣе.

Наконецъ, притѣсненія христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ вышли изъ послѣднихъ предѣловъ. Звѣрства турокъ и гнетъ ихъ надъ христіанами стали настолько невыносимы для послѣднихъ, что лѣтомъ 1875 г. славяне двухъ подвластныхъ Турціи областей, Босніи и Герцеговины, населенныхъ сербскимъ племенемъ, не будучи въ состояніи выносить долѣе турецкой неволи и доведенные громадными налогами до отчаянія и крайней нищеты, возстали противъ своихъ угнетателей и рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою вѣру, свободу, собственность, честь своихъ женъ и дочерей и добиться равноправія съ мусульманскими подданными Турціи. Началась упорная, страшно-неравная борьба на жизнь и на смерть. Послѣ ряда поражений, нанесенныхъ горстію отважныхъ бойцевъ за свободу много разъ сильнѣйшему числу непріятелю, волненіе балканскихъ славянъ разгорѣлось еще болѣе и вскорѣ возстаніе охватило весь Балканскій полуостровъ.

Лѣтомъ 1876 г., на помощь возставшимъ боснякамъ и герцеговинцамъ явились сосѣднія съ ними славянскія княжества—Черногорія и Сербія, объявившія войну Турціи. Черногорцы выступили противъ турокъ подъ начальствомъ своего князя Ни-

колая, а войска Сербіи—подъ предводительствомъ русскаго генерала Черняева, героя покоренія Ташкента, явившагося добровольно послужить славянамъ.

Борьба балканскихъ славянъ за свою свободу и независимость не могла не отозваться и въ сердцахъ всей православной Руси. Весь русскій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этою борьбою, горячо сочувствовалъ общему движенію славянъ къ свободѣ и, какъ старшій братъ въ семьѣ славянскихъ народовъ, не могъ не протянуть имъ руку помощи. Быстро начали образовываться комитеты помощи возставшимъ; стали стекаться отовсюду пожертвованія деньгами и вещами въ пользу балканскихъ славянъ; со всѣхъ концовъ обширной земли русской начали отправляться на мѣсто борьбы сестры милосердія, врачи, воины—добровольцы. Сердце русскаго человѣка, охваченное пламеннымъ увлеченіемъ, неудержимо рвалось на помощь къ своимъ несчастнымъ, изнемогавшимъ въ неравной борьбѣ, единокровнымъ и единовѣрнымъ братьямъ. Но недоброжелательная къ Россіи Англія стояла на стражѣ. Она употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы отклонить насъ отъ прямого вмѣшательства, сама же, между тѣмъ, возбуждала Турцію противъ Россіи, щедро снабжая ее и деньгами, и оружіемъ, и даже командирами изъ англичанъ.

Хотя воинственная Черногорія, невеликая числомъ своихъ сыновъ, но могучая ихъ духомъ, ихъ любовію къ свободѣ, не разъ наносила турецкой арміи серьезныя пораженія, но Сербія, съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, не могла устоять противъ хорошо-вооруженныхъ на деньги англичанъ несмѣтныхъ турецкихъ полчищъ, которыя, сломивъ окончательно

силы сербовъ, уже готовы были вторгнуться въ предѣлы Сербіи и, по своему обыкновенію, предать все огню и мечу. Но любвеобильное сердце Царя-Освободителя не допустило совершиться варварскому дѣлу. Въ октябрѣ 1876 г. Императоръ Александръ II потребовалъ отъ турецкаго султана немедленнаго прекращенія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій противъ сербовъ, и, чтобы поддержать это требованіе, приказалъ привести часть русской арміи на военное положеніе. Рѣшительное слово, обращенное русскимъ Царемъ къ турецкому правительству, разомъ остановило вторженіе турецкихъ полчищъ въ Сербію, и между нею и Турціею заключено было двухмѣсячное перемиріе.

Но, не смотря на это, турки продолжали свои жестокости надъ балканскими христіанами. Цѣлыя селенія и даже города, въ подвластныхъ Турціи славянскихъ земляхъ, были разграблены, опустошены или истреблены огнемъ.

Особенно пострадала отъ неистовства турокъ беззащитная Болгарія. Съ огнемъ и мечомъ пошли они по этой странѣ, стараясь потушить начатки происшедшаго тамъ движенія звѣрскимъ избіеніемъ многихъ тысячъ жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Цѣлыя болгарскія деревни были перерѣзаны, дома и имущество болгаръ разграблены, церкви разрушены, люди сжигались живыми, православные священники распинались на крестахъ и выставались на позоръ, честь болгарскихъ женщинъ и дѣвушекъ подвергалась всенародному поруганію, грудные младенцы разрубались на части на глазахъ отцовъ и матерей, горы труповъ лежали повсюду и десятки тысячъ невинныхъ жертвъ погибли мученическою смертію. Вѣсти о страшномъ угнетеніи бол-

гарь турками разнеслись по всей русской землѣ и со всѣхъ концовъ ея посыпались пожертвованія на поддержку болгаръ противъ турокъ.

Болѣя и самъ душою о единокровныхъ и едино-вѣрныхъ намъ славянахъ, Императоръ Александръ II порѣшилъ, во что-бы то ни стало, вступить за несчастныхъ балканскихъ христіанъ и оградить ихъ отъ турецкаго произвола. И вотъ, 29 октября 1876 г., Великій Монархъ, въ рѣчи своей, произнесенной въ первопрестольной Москвѣ, при приѣмѣ дворянства и другихъ сословій въ Кремлевскомъ дворцѣ, объявилъ о своемъ непреклонномъ намѣреніи добиться отъ Турціи надежныхъ обезпеченій въ прекращеніи дальнѣйшихъ притѣсненій подвластныхъ ей христіанскихъ народовъ. „Я знаю“,—сказалъ онъ,—„что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь“. При этомъ Государь присовокупилъ, однако, что если Турція не дастъ потребованныхъ отъ нея обезпеченій, то онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно.

1-го ноября того же года Императоръ Александръ II далъ своей арміи указъ быть готовой и собраться въ Кишиневъ, при чемъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ на Дунаѣ назначенъ былъ братъ Государя, великій князь Николай Николаевичъ.

По предложенію всегдашней, хотя и двусмысленной, союзницы и покровительницы Турціи—Англи, принимавшей всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить Россію до войны, составила, въ концѣ 1876 года, въ столицѣ Турецкой Имперіи—Константинополѣ, конференція изъ представителей всѣхъ великихъ

европейскихъ державъ, для обсужденія мѣръ къ возможному облегченію бѣдственной участи угнетаемыхъ Турціею славянскихъ народовъ и къ немедленному введенію въ управленіи христіанскими провинціями Турціи такихъ преобразованій, при которыхъ притѣсненія и насилія турецкихъ чиновниковъ не могли-бы повторяться. Вся слѣдующая зима и часть весны прошли въ этихъ переговорахъ объ улучшеніи участи славянъ въ Турціи; но всѣ мѣры, принимавшіяся державами въ этомъ отношеніи, всѣ попытки довести дѣло до конца мирнымъ путемъ и отклонить кровопролитную русско-турецкую войну оказались тщетными. Чѣмъ уступчивѣе дѣлалась Россія, тѣмъ нахальнѣе становилась Турція. Подстрекаемая Англіею, она точно издѣвалась какъ надъ Россіею, такъ и надъ другими великими европейскими державами. На всѣ справедливыя требованія державъ въ пользу облегченія участи славянъ, даже на самыя умѣренныя, Турція отдѣлывалась разными уловками и, наконецъ, на объявленное ей 19 марта 1877 г. окончательное требованіе о прочномъ умиротвореніи славянскаго населенія отвѣчала высокоумѣреннымъ и рѣшительнымъ отказомъ. При такомъ упорствѣ турокъ послѣдняя надежда на мирный исходъ переговоровъ исчезла; война сдѣлалась неизбежною. Долго старалась Россія уладить несогласія съ турками мирно, не прибѣгая къ силѣ оружія, чтобы — какъ выражался Императоръ Александръ II, — „не проливать драгоцѣнной крови сыновъ Россіи“. Но всѣ эти старанія остались безуспѣшными, всѣ средства къ рѣшенію дѣла путемъ переговоровъ были истощены, а вмѣстѣ съ тѣмъ было исчерпано и долго-терпѣніе миролюбивѣйшаго изъ Монарховъ: Императоръ Александръ II, внимая голосу всего русска-

го народа, вынужденъ былъ объявить Турціи войну и придвинулъ свои войска къ турецкой границѣ.

7-го апрѣля 1877 г. Государь самъ отправился къ своей арміи въ Кишиневъ, гдѣ ей повелѣно было собраться, а 12-го того же апрѣля послѣ молебствія объявилъ войскамъ о предстоявшемъ имъ вступленіи въ предѣлы Турціи.

„Исчерпавъ до конца миролюбіе наше“,—говорилось въ манифестѣ объ объявленіи войны Турціи,— „мы вынуждены высококомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ“.— „Не для завоеваній идемъ мы“,—гласилъ отданный, одновременно съ этимъ манифестомъ, приказъ войскамъ главнокомандующаго,— „а на защиту поруганныхъ, угнетенныхъ братьевъ нашихъ, на защиту вѣры Христовой“. И эта война за свободу Болгаріи была, на самомъ дѣлѣ, ничѣмъ инымъ, какъ подвигомъ истинно христіанской любви, которая неугасимо горѣла въ чистомъ сердцѣ Царя-Освободителя. Не съ завоевательными намѣреніями была предпринята эта великая война. Единственною, вполнѣ безкорыстною и высокою цѣлю войны было освобожденіе христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова отъ многовѣкового ига турокъ, огражденіе ихъ жизни, чести и имущества отъ турецкаго произвола.

Радостнымъ благовѣстомъ прозвучалъ по Россіи манифестъ 12 апрѣля 1877 года.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ очевидцевъ Высочайшій смотръ войскамъ въ Кишиневѣ и чтеніе манифеста: „Былъ великолѣпный солнечный день. Въ исходѣ девятаго часа войска были уже подъ ружьемъ, и стояли такъ длинными шеренгами и большими группами, съ неподвижностію и безмолвіемъ

статуй, съ полтора часа времени, пока не пріѣхалъ Императоръ. Было что-то глубоко-затрогивающее и торжественное въ этой продолжительной тишинѣ и неподвижности. Собравшаяся посмотрѣть на войска толпа народа тоже пріумолкла и смотрѣла съ изумленіемъ и трепетомъ на эти молчаливыя и неподвижныя шеренги, возвышавшіяся одна надъ другою. Молчаніе не прервалось и при появленіи Императора. Толпа разступилась и очистила дорогу, снимая шапки по его пути, и только, когда онъ сѣлъ на лошадь и рядомъ съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, въ сопровожденіи большой свиты, человекъ во сто офицеровъ, сталъ медленно объѣзжать ряды войскъ, тишина нарушилась звуками музыки и привѣтственными криками. Затѣмъ, когда тишина снова возстановилась, музыка умолкла,—солдаты обнажили головы и толпа послѣдовала ихъ примѣру. Одинъ голосъ только былъ слышенъ, голосъ епископа Кишиневскаго, служившаго праздничную походную литургію. Наконецъ, окончилась и литургія; тогда тревожный шопотъ пробѣжалъ по толпѣ: если манифестъ будетъ изданъ, если война будетъ объявлена—пришла минута, когда этому надлежитъ исполниться. И дѣйствительно, долгожданная, давно желанная минута наступила. Мертвая тишина воцарилась на секунду. Затѣмъ, звучный, громкій голосъ прервалъ всеобщее молчаніе. То не былъ голосъ Императора, а голосъ епископа Кишиневскаго, читавшаго манифестъ; и онъ не прочелъ его еще и до половины, какъ послышались рыданія и когда нѣкоторые обернулись, чтобы узнать, откуда они слышатся, то увидѣли, что плачетъ Императоръ Александръ и плачетъ, какъ ребенокъ. Тѣмъ царствованіе его и славилось, и красилось, что оно

было мирное царствованіе; онъ гордился этимъ и надѣялся, что до самаго конца его не будетъ ни одной войны, и вдругъ, не взирая на все, что онъ предпринималъ, чтобы избѣжать ее, шагъ этотъ наконецъ сдѣланъ, и война, послѣдствій которой никто не можетъ предвидѣть, объявлена. Когда увидѣли, какъ огорченъ этимъ Императоръ, ни одного чловака съ сухими глазами не осталось на всемъ пространствѣ, гдѣ разносился голосъ чтеца; но лишь только онъ окончилъ чтеніе, какъ раздалось потрясающее, единодушное ура! Это былъ крикъ радости, торжества и облегченія въ одно и то же время, какъ будто тяжелое бремя неизвѣстности отлетѣло отъ сердца толпы. Когда тишина снова возстановилась, епископъ Кишиневскій обратился къ войскамъ съ глубоко-прочувствованною и вполнѣ соотвѣтствовавшей случаю рѣчью. Затѣмъ, по окончаніи молебна, тихо сѣли всѣ на коней, тихо отъѣхали вслѣдъ за Монархомъ въ сторону, очистивъ мѣсто войскамъ для предстоящаго цермоніальнаго марша. Торжественное впечатлѣніе великой минуты все еще не прерывалось, все еще было слишкомъ сильно для того, чтобы нашлось у кого-либо подобающее слово къ выраженію этого чувства въ эти незабвенныя мгновенія. Впереди громадной свиты стоялъ на конѣ Императоръ. Только въ ту минуту, когда Государь произнесъ войскамъ: „Прощайте! до свиданія!.. Возвращайтесь поскорѣе со славою... Поддержите честь русскаго оружія! Да хранить васъ Всевышній“!.. только послѣ этихъ, съ глубокимъ чувствомъ произнесенныхъ словъ, войска разразились громовыми криками. Но что были это за крики! Что за мощная сила вырвала ихъ изъ груди каждаго! Какой восторгъ, какая любовь сіяли на лицахъ! Какъ вся эта

масса, въ невольномъ порывѣ, восторженно ринулась къ Монарху и обступила его, съ поднятыми вверхъ шапками, саблями, штыками?.. Солдатскія шапки полетѣли цѣлыми роями въ воздухъ... Безчисленныя массы народа кидались на колѣни, простирали къ Государю руки и шумно, радостно вторили этому восторгу войскъ; надъ ними тоже мелькало въ воздухѣ множество шапокъ; женщины, дѣти махали платками, кидали букеты; множество усатыхъ мужественныхъ лицъ было орошено слезами, которыхъ не старались прятать другъ отъ друга: „ура! за братій! за святое дѣло! за вѣру Христову! за свободу славянъ“! раздавались повсюду мощные крики. Казалось, самый воздухъ гремитъ надъ этими сливавшимися во - едино и сплотившимися вокругъ своего Царя массаами войскаи народа“.

Такъ началась освободительная русско-турецкая война, которая велась одновременно въ двухъ частяхъ свѣта—въ Европѣ и въ Азіи, ознаменовалась, за немногими неудачами, рядомъ блестящихъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ славнаго русскаго воинства и кончилась жестокимъ разгромомъ вооруженныхъ силъ Турціи.

Въ самый день объявленія войны, 12-го апрѣля 1877 г., кавказскій корпусъ нашъ вступилъ въ предѣлы Азіатской Турціи. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ на азіатскомъ театрѣ войны былъ назначенъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, намѣстникъ кавказскій. Уже черезъ нѣсколько дней послѣ изданія манифеста о войнѣ, наши войска заняли здѣсь (18-го апрѣля) безъ боя турецкую крѣпость Баязеть и въ то же время приступили къ осадѣ близкой къ нашимъ границамъ первоклассной крѣпости Карса, который справедливо считался опор-

нымъ пунктомъ турецкой арміи въ Малой Азіи, а затѣмъ, въ началѣ мая, взяли приступомъ другую довольно значительную турецкую крѣпость—Ардаганъ.

Къ успѣхамъ русскаго оружія на сухомъ—пути въ Азіи присоединились, въ началѣ войны, еще блестящіе успѣхи наши на водѣ. Желая воспрепятствовать переходу нашихъ войскъ черезъ Дунай, турки ввели въ эту рѣку нѣсколько броненосцевъ, т. е. большихъ кораблей, обшитыхъ толстыми желѣзными листами. У насъ же не было на Дунаѣ ни одного значительнаго судна; но не смотря на это наши моряки совершали чудеса храбрости, вслѣдствіе чего мы и тутъ одержали верхъ надъ турками. Такъ, одинъ изъ самыхъ большихъ турецкихъ броненосцевъ былъ взорванъ на воздухъ, 29 апрѣля, у Браилова, вслѣдствіе мѣткихъ выстрѣловъ съ русской береговой батареи. Другой же непріятельскій броненосецъ пошелъ ко дну благодаря героическому подвигу двухъ нашихъ моряковъ: лейтенантовъ Дубасова и Шестакова. Въ ночь съ 13 на 14 мая, эти отважные офицеры двинулись въ путь на своихъ маленькихъ миноносныхъ лодкахъ и стали приближаться къ турецкому броненосцу, вблизи котораго стояли два военныхъ парохода. Подъ выстрѣлами всполошившихся турокъ, лейтенантъ Дубасовъ подплылъ къ броненосцу и нанесъ ему ударъ въ лѣвый бортъ; раздался оглушительный трескъ, и броненосецъ скрылся въ дыму. Однако онъ все еще держался на водѣ. Тогда двинулся впередъ, съ явною опасностію для жизни, лейтенантъ Шестаковъ и нанесъ броненосцу второй ударъ; послѣдовалъ новый трескъ, и броненосецъ исчезъ подъ водою. Этотъ блистательный подвигъ Дубасова и Шестакова, сдѣ-

лавшій имена ихъ извѣстными всему свѣту, значительно облегчилъ нашимъ войскамъ послѣдующую переправу черезъ Дунай.

Что же касается нашей дунайской арміи, главнокомандующимъ которой назначенъ былъ великій князь Николай Николаевичъ, то она въ самый день объявленія войны вступила въ подчиненное Турціи княжество Румынское и направилась къ Дунаю. При арміи этой находились покойный Императоръ Александръ III, тогда еще наслѣдникъ цесаревичъ, принявшій начальство надъ цѣлымъ ея отрядомъ, а также и другіе члены царствующаго дома, подвергая жизнь свою опасности за начатое Государемъ святое дѣло.

Вслѣдствіе необыкновенно сильнаго разлитія Дуная въ весну 1877 г., переправа черезъ него русскихъ войскъ должна была замедлиться на цѣлыхъ два мѣсяца. Главная задача наша, при переходѣ черезъ Дунай, состояла въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ мѣста переправы главныхъ силъ русской арміи. Задача эта была разрѣшена весьма удачно, тайна была вполне сохранена и русскія войска, подъ начальствомъ генерала Драгомирова, въ ночь съ 14 на 15 іюня, перешли черезъ Дунай, при помощи понтоновъ и плотовъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ турки менѣе всего ожидали этого, именно отъ мѣстечка Зимницы (между крѣпостями Рушукомъ и Никополемъ) въ городъ Систово. Вслѣдствіе этого, переправа черезъ Дунай совершилась благополучно, и наша потеря въ этомъ важномъ дѣлѣ не превышала 1,000 человекъ, выбывшихъ изъ строя.

Переправившись съ Божіею помощію черезъ Дунай и высадившись на непріятельскомъ берегу, русскія войска, не давая врагу времени опомниться,

стали двигаться въ самое сердце Болгаріи и забирать у турокъ городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостію. Такъ, недѣли черезъ полторы по переходѣ черезъ Дунай, передовой отрядъ русскихъ войскъ, подъ командою генерала Гурко, овладѣлъ (25 іюня) городомъ Тырновомъ, — древнею столицею болгарскихъ царей, являющею изъ себя важнѣйшій ключъ къ горнымъ проходамъ черезъ Балканы, и такъ образомъ обезпечилъ себѣ доступъ къ этимъ горамъ, а вслѣдъ затѣмъ (2 іюля) отрядомъ генерала Криденера взята была, послѣ ожесточеннаго штурма, сильная турецкая крѣпость Никополь. Послѣ того, отрядъ генерала Гурко двинулся далѣе къ Балканамъ и 7-го іюля овладѣлъ главнымъ такъ-называемымъ Шипкинскимъ переваломъ черезъ эти горы, выбивши оттуда турокъ.

Такимъ образомъ первыя дѣйствія русскихъ войскъ, какъ въ азіатской, такъ и въ европейской Турціи, были вполнѣ счастливы и успѣшны.

Но, какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, за первыми нашими блестящими успѣхами послѣдовало нѣсколько серьезныхъ неудачъ, которыя, точно также какъ и успѣхи, обнаружили прежде всего на азіатскомъ театрѣ войны.

Наиболѣе крупною неудачею нашею въ Азіи была безуспѣшная атака (13 іюня) крѣпкой позиціи турокъ подъ Зевинымъ (потери около 1000 чел.), послѣ чего войска наши принуждены были даже снять на время осаду Карса и ододвинуться къ русскимъ границамъ.

Но гораздо важнѣе были временныя неудачи русскихъ войскъ на европейскомъ театрѣ войны.

Самою крупною неудачею во время всей восточной войны было нападеніе русскихъ войскъ на

Плевну. Плевна — незначительный болгарский городокъ. Войска наши надѣялись легко овладѣть имъ, и 8 іюля небольшой отрядъ ихъ, подѣ начальствомъ генерала Шильдеръ-Шульднера, атаковалъ Плевну. Но оказалось, что турки успѣли уже сосредоточить въ этомъ городкѣ значительныя силы, подѣ начальствомъ лучшаго изъ своихъ полководцевъ, даровитаго и рѣшительнаго Османа-паши и, сверхъ того, наученные европейскими инженерами, создали вокругъ Плевны, въ нѣсколько дней, неприступную позицію, покрытую цѣлою сѣтью полевыхъ укрѣпленій. Вслѣдствіе такой несоразмѣрности нашихъ силъ въ открытомъ полѣ съ силами непріятеля, засѣвшаго за укрѣпленіями, первое нападеніе русскихъ войскъ на Плевну, совершенное съ обычнымъ мужествомъ, было отбито турками, причемъ потеря наша простиралась до трехъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ строя убитыми и ранеными.

Черезъ 10 дней (18 іюля) русскія войска, подѣ начальствомъ генерала Криденера, произвели второе нападеніе на Плевну. Но и на этотъ разъ атака окончилась для насъ такою же неудачею: далеко превосходившій насъ силами непріятель отразилъ всѣ приступы русскихъ войскъ, причемъ эта вторая Плевна обошлась намъ до $7\frac{1}{2}$ тысячъ выбывшихъ изъ строя.

Почти одновременно, у южнаго склона Балкановъ, близъ дер. Шипки, сосредоточился большой турецкій корпусъ, подѣ начальствомъ талантливаго полководца Сулеймана-паши, поставившаго себѣ цѣлю, во что-бы то ни стало, отбить Шипкинскій проходъ, занятый небольшимъ русскимъ отрядомъ. Въ теченіе семи дней (съ 9 по 16 августа) пытались турки отнять у насъ Шипкинскій проходъ и про-

извели съ этою цѣлю рядъ бѣшеныхъ атакъ. Въ два первые дня горсть доблестныхъ храбрецовъ, оборонявшихъ Шипкинскій переваль, отразила всѣ отчаянные приступы цѣлой арміи Сулеймана-паши. Но затѣмъ наступилъ ужасный день 11 августа! Гулъ непрерывныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ сливался въ одинъ раскатъ безконечнаго грома. Русскіе ряды таяли и изнемогали отъ ранъ и усталости. Въ это-то время подошпѣли на помощь имъ наши стрѣлки, подъ командою генерала Радецкаго. Едва спрыгнувъ съ лошадей на землю, они немедленно, съ громкимъ „ура“, ринулись въ штыки, и, пораженные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, турки обратились въ бѣгство. 12 августа къ войскамъ нашимъ прибыли свѣжія подкрѣпленія; 13, 14 и 15 числа еще продолжались безумныя атаки турокъ, но вечеромъ 15 августа вдругъ все затихло: турки убѣдились, что имъ не сломить стойкости и мужества русскихъ войскъ, оборонявшихъ Шипкинскій проходъ, и отступили; Шипкинскій же переваль, цѣною 5.000 человекъ убитыхъ и раненыхъ, остался за нами.

Между тѣмъ, съ прибытіемъ къ русской арміи, расположенной подъ Плевною, подкрѣплений, сдѣлано было третье и послѣднее героическое усиліе взять штурмомъ этотъ укрѣпленный лагерь. Главное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ храбрый молодой генералъ М. Д. Скобелевъ съ своимъ отрядомъ. 28 августа онъ отразилъ двѣ отчаянныхъ атаки турокъ, на слѣдующій день, 29 августа, занялъ Зеленныя Горы и укрѣпился на нихъ, а 30 августа, когда должна была произойти общая атака, отрядомъ его взяты были два турецкихъ укрѣпленія. При этомъ Скобелевъ, бывший постоянно въ бѣломъ кителѣ и

на бѣломъ конѣ и прозванный поэтому турками „бѣлымъ генераломъ“ (акъ паша), каждый разъ самъ водилъ свои боевыя колонны въ дѣйствіе, какъ на парадъ, съ музыкою и распущенными знаменами, и даже первый верхомъ вскочилъ на брустверь одного изъ турецкихъ редутовъ. Но, не смотря на блестящія дѣйствія Скобелева, не смотря на геройство и самоотверженіе его солдатъ, штурмъ и на этотъ разъ не удался. 31 августа Скобелевъ отразилъ пять бѣшеныхъ атакъ всей массы турокъ, но, не получивъ помощи, такъ какъ ее не-откуда было взять, долженъ былъ отступить. Эта послѣдняя неудача, самая тягостная за всю кампанію, стоила намъ до 3 тысячъ убитыми и около 10 тысячъ ранеными...

Но вслѣдъ за этимъ какъ въ Азій, такъ и въ Европѣ стали быстро слѣдовать одна за другою блестящія побѣды русскихъ войскъ надъ турками.

Стянувшись и получивъ подкрѣпленіе, главная кавказская армія наша (отъ 50 до 60 тыс. чел.) въ концѣ сентября перешла опять въ наступленіе и начала выбивать турокъ изъ занятыхъ ими крѣпкихъ позицій. Въ началѣ октября, отдѣльнымъ корпусомъ (въ 55 тыс. чел.), подъ предводительствомъ генерала Лорисъ - Меликова, сдѣлана была общая атака на главныя турецкія силы при Аладжѣ на рѣкѣ Авліарѣ, причемъ главнокомандующій турецкими войсками въ Азій, Мухтаръ-паша, потерпѣлъ окончательное пораженіе, послѣ котораго вынужденъ былъ обратиться въ безпорядочное бѣгство. Тотчасъ за этимъ разгромомъ, главныя русскія силы двинулись къ Карсу и вторично обложили эту крѣпость, передовые же отряды наши подошли къ Эрзеруму и здѣсь, при Деве - Бойну, нанесено было туркамъ (23 октября) новое рѣшительное пораженіе.

Но вънцомъ успѣховъ нашихъ войскъ въ Азіи было паденіе, въ ночь на 6 ноября, грозныхъ твердынь Карса, который взятъ былъ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ послѣ геройскаго ночного штурма. Вся Европа признала взятіе Карса однимъ изъ величайшихъ и труднѣйшихъ военныхъ дѣлъ, когда-либо предпринятыхъ.

Между тѣмъ, послѣ третьей Плевны рѣшено было не возобновлять болѣе дорого-стоящихъ атакъ и ограничиться возможно бѣльшимъ оцѣпленіемъ турецкой позиціи, чтобы пресѣчь всѣ сообщенія Плевны съ окрестными мѣстностями, не допускать подвоза къ ней провіанта и вынудить, такимъ образомъ, турокъ къ безусловной сдачѣ. Общее руководство осадными работами поручено было вызванному въ дѣйствующую армію изъ С.-Петербурга знаменитому инженеру генералу Тотлебену, прославившемуся еще во время обороны Севастополя въ крымскую кампанію. Генераль Тотлебенъ повелъ, по зрѣло обдуманному плану, правильную осаду Плевны, обложивъ ее со всѣхъ сторонъ и подвергнувъ сильному артиллерійскому огню. Сверхъ того, сюда прибывали все новыя и свѣжія войска, которыхъ сосредоточилось подъ Плевною всего до 120 тыс. чел., и положеніе Османа-паши и его арміи стало, наконецъ, отчаяннымъ.

Въ теченіе октября, сильный отрядъ генерала Гурко, въ составъ котораго входила гвардія, взялъ Горный Дубнякъ, Телишъ и рядъ другихъ турецкихъ укрѣпленій, расположенныхъ къ юго-западу отъ Плевны и оберегавшихъ софійскую дорогу, по которой подвозились до тѣхъ поръ къ Плевнѣ подкрѣпленія и припасы, и, такимъ образомъ, совершенно отрѣзалъ туркамъ всякое сообщеніе съ Плев-

ною. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць всѣ сѣбѣстныя припасы у находившихся въ Плевнѣ турокъ окончательно истощились. Утромъ 28-го ноября Османъ-паша, желая прорваться чрезъ окружавшія его со всѣхъ сторонъ русскія войска, стремительно бросился было изъ Плевны на проломъ, но, послѣ нѣсколькихъ часовъ отчаяннаго боя, во время котораго раненъ былъ въ ногу, — былъ отброшенъ назадъ и сдался въ плѣнъ, со всею своею арміею, числомъ до 46 тысячъ человѣкъ. Все это горячее дѣло стоило намъ до 600 человѣкъ убитыми и вдвое болѣе ранеными.

Принимая близко къ сердцу успѣхъ своей доблестной арміи и святого дѣла, за которое она сражалась, Императоръ Александръ Николаевичъ уже въ концѣ мая 1877 года, т. е. еще въ самомъ началѣ войны, прибылъ въ Болгарію и, не смотря на болѣзненное состояніе своего здоровья, все время оставался среди дѣйствующей Дунайской арміи, раздѣляя съ нею всѣ неизбѣжныя невзгоды и лишенія военно-походной жизни, слѣдя за каждымъ ея шагомъ и воодушевляя ее своимъ присутствіемъ.

Не въ качествѣ полководца отправился Государь вслѣдъ за своими войсками въ разоренную Болгарію: одна христіанская любовь подвинула его къ тому, искреннее состраданіе къ больнымъ, раненымъ, обремененнымъ, которыхъ никто не могъ обласкать и утѣшить лучше Царя. „Я ѣду братомъ милосердія“, — говорилъ Императоръ, отправляясь въ дѣйствующую армію. И дѣйствительно, предоставивъ главнокомандующему полную свободу въ отношеніи руководительства военными дѣйствіями, равно какъ и всю военную славу побѣды надъ непріателемъ, Государь сосредоточилъ все свое вниманіе и

заботу на жертвахъ войны—больныхъ и раненыхъ воинахъ, для которыхъ явился не братомъ, а отцомъ милосердія. Никогда отношенія народа къ Царю не были такъ близки, сердечны, теплы, какъ во время этой войны: и благоговѣйная любовь къ нему еще глубже залегла въ душу народа.

Пребывая среди своей арміи, Государь жилъ подъ открытымъ небомъ, ночеваль въ полуразрушенныхъ болгарскихъ избушкахъ, благословлялъ свои доблестныя войска на бой, благодарилъ ихъ послѣ сраженій и горячо молился за убитыхъ воиновъ надъ братскими ихъ могилами и на панихидахъ въ убогихъ болгарскихъ церквахъ. Находясь постоянно въ тревогѣ и скорби, часто подвергаясь мѣстной лихорадкѣ, Государь былъ неизмѣнно ласковъ и привѣтливъ съ окружающими, скрываль отъ нихъ свое нездоровье и являлъ примѣръ христіанскаго терпѣнія.

Въ мѣстечкѣ Порадимѣ, въ десяти верстахъ отъ Плевны, Императору было до такой степени холодно и нехорошо въ своей избенкѣ, что онъ лично обратился къ нѣкоторымъ солдатамъ изъ своего конвоя съ просьбою: „Очень ужъ мнѣ холодно въ мазанкѣ, не сложите-ли вы мнѣ, голубчики, небольшую печь“. Солдаты бросились, разумѣется, соорудить печь и обили комнату Царя сукномъ, которое кто-то при этомъ пожертвоваль; Государь остался очень доволенъ.

Усердно посѣщая больныхъ и раненыхъ воиновъ въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ, Императоръ принималь сердечное участіе въ ихъ положеніи, утѣшалъ, ободрялъ и поддерживалъ страдальцевъ своимъ ласковымъ царскимъ словомъ, съ отеческою любовію выслушивалъ ихъ рассказы

тутъ же собственноручно награждалъ отличившихся за ихъ боевыя заслуги.

Раненые и ихъ семейства были предметомъ неусыпныхъ заботъ Императора. Радъ онъ былъ, когда изъ С.-Петербурга прибывали вещи для раненыхъ, присылавшіяся въ подарокъ Императрицей Маріей Александровной. Государь непремѣнно самъ раздавалъ ихъ, заботливо справляясь у раненыхъ, кто чего хочетъ, что любитъ и стараясь угодить каждому страждущему: музыкантамъ давалъ онъ гармоніи, грамотнымъ—книжки, курящимъ—кисеты для табаку, некурящимъ—чай, закуски, гостинцы. Какъ дѣти радовались и солдаты, и офицеры, получая подарки изъ рукъ самого Царя, видя его отеческую о нихъ заботливость, слыша его задушевное, ласковое слово.

Любовь солдатъ къ Государю, радость и восторгъ при свиданіи съ нимъ дѣйствовали на раненыхъ какъ живая вода: всякій, кто только могъ шевелиться, старался встать, приподняться, ободриться; раненые простирали къ Царю свои руки, цѣловали его одежду, благословляли его имя и забывали о своихъ страданіяхъ. Ласковое обращеніе съ ними Царя оживляло ихъ и они свободно отвѣчали на его вопросы.

Съ величайшимъ участіемъ спрашивалъ Государь, не имѣеть-ли кто какой-либо просьбы или особой заботы. Если находился проситель, Императоръ говорилъ съ нимъ отдѣльно, вполголоса, что-бы тотъ не стѣснялся постороннихъ. Онъ бывалъ очень тронутъ, если кто изъ умиравшихъ ходатайствовалъ передъ нимъ о своихъ родныхъ, остающихся безъ поддержки: Государь спѣшилъ тогда успокоить просителя, увѣряя, что позаботится о его семействѣ. Вниманіе Царя ко всякому горю было безконечно.

Во все время перехода черезъ Дунай у Зимницы, Государь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за переправою и болѣлъ душою за каждаго раненаго. 16-го іюня 1877 г. Императоръ посѣтилъ раненыхъ воиновъ въ Зимницкомъ госпиталѣ и глубоко-про-чувствованными словами выразилъ имъ свою призна-тельность за ихъ молодецкую службу.

Въ числѣ другихъ тутъ лежалъ тяжело раненый офицеръ гвардіи. „Ты очень страдаешь?“—спросилъ его Государь. „Да, Ваше Величество“,—отвѣчалъ раненый,—„дайте руку поцѣловать“!.. „Нѣтъ! я тебя поцѣлую“!—отвѣчалъ Императоръ, обнимая доблест-наго воина.

Въ другой палатѣ Государь взялъ за руку тяжело раненаго офицера и отъ жалости самъ едва могъ проговорить ему нѣсколько успокоительныхъ словъ. Тогда тотъ, желая облегчить Государю его душев-ныя страданія, собралъ свои послѣднія силы и ска-залъ съ трудомъ вполголоса:—Не извольте безпо-коиться, Ваше Величество! Мнѣ хорошо. Всѣмъ намъ хорошо. Я вовсе не страдаю...—и испустилъ послѣд-ній вздохъ, едва только Государь вышелъ изъ па-латы.

17 іюня, послѣ полудня, Государь переѣхалъ на правый берегъ Дуная, гдѣ въ тотъ же день отслу-жено было, по его приказанію, благодарственное мо-лебствіе, съ возглашеніемъ вѣчной памяти воинамъ, павшимъ при переправѣ. Затѣмъ Государь вызвалъ изъ строя отличившихся, выразилъ имъ въ милости-выхъ словахъ благодарность свою за ихъ храбрость и молодечество, собственноручно украсилъ груди ихъ георгіевскими крестами и удостоилъ каждаго по-цѣлуемъ. Когда кресты были розданы, Императоръ приказалъ солдатамъ, удостоеннымъ воинской на-

грады, взойти на курганъ и scomандовалъ всѣмъ войскамъ: „Новымъ георгиевскимъ кавалерамъ честь отдать! баталіоны на плечо! слушай на кра-уль!“ При этомъ Государь приложилъ руку къ козырьку и, вмѣстѣ со всею массою войскъ, провозгласилъ „ура“, а затѣмъ обнялъ и поцѣловалъ главнокомандующаго.

Во время той же переправы черезъ Дунай, Государь посѣтилъ также и военный госпиталь при городѣ Галацѣ. Въ палаткѣ, гдѣ лежали раненые, была полнѣйшая тишина: глаза всѣхъ были устремлены на вошедшаго Царя. Спросивъ у старшаго врача, всѣ-ли раненые перевязаны, Государь подошелъ къ первому солдату. Раненый сильно страдалъ, но, видя подходящаго къ нему Царя, старался встать. „Лежи, лежи“... поспѣшилъ предупредить его Государь.—„Ты куда раненъ?“

— Въ животъ,.. произнесъ больной слабымъ голосомъ.

— „Какъ ты себя чувствуешь?“—спросилъ Государь.

— Ничего, хорошо.

— „Какъ же тебя ранили?“

— Мы въ первой лодкѣ, Ваше Императорское Величество, переправлялись,—произнесъ раненый,—пошли это въ штыки... Турокъ хотѣлъ штыкомъ въ животъ, а я схватилъ его одной рукой... онъ и выстрѣлилъ!

— „Ну, дастъ Богъ, поправишься, не горюй... а вотъ тебѣ за храбрость крестъ; ты его заслужилъ. Дай я тебѣ приколю его къ рубашкѣ,“—говорилъ Государь, нагибаясь къ солдату.

Многіе больные приподнялись, чтобы взглянуть, какъ самъ Царь прикалывалъ георгиевскій крестъ къ

солдатской рубахѣ. Нѣкоторые крестились и шептали молитвы...

— „Ну, до свиданія, поправляйся!“

Солдатъ благодарилъ Государя, и по лицу его капали слезы...

Милостиво разговаривая съ ранеными, благодаря ихъ за службу и вселяя надежду, что они скоро поправятся, Государь, уже совершенно взволнованный, со слезами на глазахъ, подошелъ къ одному солдату, изрубленному шашками.

— „Какъ же тебя ранили?“—спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Черкесы... могъ только выговорить раненый и не въ состояніи былъ продолжать.

Государь сѣлъ къ нему на кровать, нагнулся къ нему и положилъ на грудь его георгіевскій крестъ.

— „Ну, а ты, молодець, куда ранень?“—спросилъ Императоръ солдата съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ и блестящими глазами, радостно смотрѣвшими на Царя.

— Не опасно, Ваше Императорское Величество,— бодро произнесъ онъ.

— „Слава Богу, коли такъ“,— сказалъ Государь, улыбаясь,— „но, однако, куда же?“

— Въ грудь на вылетъ... вотъ тутъ...—отвѣтилъ солдатъ и при послѣднемъ словѣ вдругъ поблѣднѣлъ и лишился чувствъ. Императоръ не отходилъ отъ больного, пока онъ, при помощи докторовъ, не пришелъ въ себя. Рядомъ съ нимъ лежалъ его землякъ и однополчанинъ, который рассказалъ, что его товарищъ страшно боялся, чтобы старуха-мать не узнала объ его ранѣ и чтобы скрыть, что онъ въ госпиталѣ, хотѣлъ послать ей письмо и деньги. Узнавъ объ этомъ, Государь приказалъ положить ему подъ подушку 25 рублей.

— „Смотрите, поправляйтесь!“—произнесъ Государь, прощаясь съ ранеными. — „Я пришлю справиться о вашемъ здоровьѣ. Надѣйтесь на Бога. Еще разъ благодарю васъ за службу!“

Когда Императоръ вышелъ изъ госпиталя, лицо его было блѣдное, измученное.

Посѣтивъ, въдругой разъ, палату, гдѣ лежали одни тяжело раненые, и благодаря ихъ за доблестную службу, Государь сказалъ, между прочимъ: „Показали себя молодцами, сдержали, что обѣщали мнѣ еще въ Кишиневѣ!“—

„Рады стараться, Ваше Императорское Величество!“—громко отвѣчали ему, по обычаю, больные, и раненные воины. „Да вы ужъ постарались“,—выговорилъ черезъ слезы Императоръ.— „и большое вамъ мое и Россіи за это спасибо.“ „Что за люди!“—произнесъ Государь послѣ посѣщенія госпиталя— „ни одной жалобы, ни одной просьбы! Одно только желаніе, одно у всѣхъ стремленіе—поскорѣе въ полкъ, чтобъ идти на непріятеля.“

Послѣ второго неудачнаго нападенія русскихъ войскъ на Плевну, Государь пожелалъ быть ближе къ главному въ то время мѣсту военныхъ дѣйствій и назначилъ своимъ мѣстопробываніемъ Горній Студень, гдѣ и поселился въ приготовленномъ для него небольшомъ деревянномъ домѣ. Здѣсь Царь избралъ себѣ, для наблюденія за боемъ, мѣсто на древнемъ курганѣ, получившемъ съ тѣхъ поръ названіе „Царскаго валика“. Съ этой возвышенности можно было видѣть верстъ на 15 во всѣ стороны. На вершинѣ этого холма, подъ выстрѣлами турокъ, Императоръ, сидя на складномъ стулѣ, съ утра до вечера, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, слѣдилъ въ зрительную трубку за ходомъ сраженія. На курганѣ же

встрѣтилъ и провель Государь и 30-е августа—день своего тезоименитства, причемъ тутъ же, въ палаткѣ, отслуженъ былъ и молебень, во время котораго салютомъ, вмѣсто обычныхъ выстрѣловъ съ Петропавловской крѣпости,—служилъ перекатный громъ боевыхъ орудій. 6-го ноября Государь былъ порадованъ извѣстіемъ о паденіи Карса, а три недѣли спустя, 29-го ноября, верхомъ, со свитою, въѣхалъ въ павшую уже передъ нимъ Плевну. Здѣсь Императору Александру II былъ представленъ храбрый защитникъ Плевны Османъ-паша, едва переступавшій вслѣдствіе полученной имъ раны. Государь принялъ его милостиво и, въ знакъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему его саблю, сказавъ при этомъ: „Вы можете носить ее и у насъ въ Россіи, куда Вы теперь отправитесь и гдѣ, надѣюсь, Вы не будете имѣть причинъ къ какому-либо недовольству“.

Государь оставался на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ теченіе самаго труднаго времени. При немъ совершилась переправа черезъ Дунай, въ его же присутствіи происходилъ и рѣшительный бой подъ Плевной, и Царь разстался со своимъ войскомъ только тогда, когда уже не оставалось сомнѣнія въ исходѣ войны.

Только тогда, когда, съ паденіемъ Плевны, борьба явно склонилась въ нашу пользу и дальнѣйшій успѣхъ былъ уже вполне обезпеченъ, Императоръ, простившись со своими войсками, уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи и въ началѣ декабря 1877 г. вернулся въ Россію.

Почти семимѣсячное пребываніе Императора Александра II при дѣйствующей арміи представляетъ собою одинъ изъ самыхъ крупныхъ подвиговъ его

славнаго царствованія; въ эго именно время ярче всего обрисовалось любвеобильное сердце Царя-Освободителя, Царя-Человѣка, выказалась его необычайная доброта, самоотверженіе и человѣколюбіе.

Возвращеніе Государя изъ дѣйствующей арміи сначала въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ было рядомъ торжественныхъ встрѣчь съ изъявленіями восторженныхъ чувствъ всѣхъ сословіи русскаго народа и сопровождалось яркими выраженіями самой искренней любви, глубочайшей преданности и безпредѣльнаго довѣрія народа къ своему Царю. Россія знала, съ какимъ самоотверженіемъ, христіанскимъ терпѣніемъ и неизмѣнною кротостію переносилъ ея Монархъ всѣ лишенія и трудности похода въ далекой странѣ, гдѣ палатка была его чертогомъ, а убогая комната—дворцомъ. Россія знала, какимъ ангеломъ-утѣшителемъ являлся ея Государь среди больныхъ и раненыхъ воиновъ, ободряя ихъ милостивымъ словомъ теплаго участія и облегчая ихъ страданія съ тою безпредѣльною добротою, которую преисполнено было его любящее сердце; она знала, какъ спасительно было присутствіе обожаемаго Монарха на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, какъ оно воодушевляло войско, которое вѣрило въ своего Царя, какъ Царь вѣрилъ въ свое войско.

Тотчасъ же послѣ взятія Плевны, рѣшено было безотлагательно, не теряя времени, перейти Балканы. Съ этою цѣлію главныя войска наши двинуты были къ Шипкинскому перевалу, который, какъ уже упомянуто выше, въ теченіе пятимѣсяцевъ достопамятно оборонялся небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ отъ цѣлой турецкой арміи. Между тѣмъ, наступила уже суровая зима и турки не допускали даже и мысли о возможности перехода нашихъ войскъ черезъ

Балканы въ это время года. Но тутъ-то и выказалась вся доблесть русской арміи. Къ великому изумленію и турокъ, и всей вообще Европы, наши войска въ самые рождественскіе морозы появились на вершинахъ Великихъ Балкановъ.

Перевалить зимою цѣлой арміей черезъ Великіе Балканы—вообще дѣло въ высшей степени трудное и рискованное; но перевалить черезъ Траянскій проходъ въ какое бы то ни было время года ни одна армія въ мірѣ еще не рѣшалась. Склоны этого перевала настолько круты, что даже ослы, эти выносливѣйшія въ горахъ животныя, не въ силахъ одолѣть ихъ крутизны, вслѣдствіе чего самый перевалъ получилъ даже названіе «ослиной гибели». Самая вершина этого перевала есть ничто иное, какъ безлѣсный черепъ, увѣнчанный турецкимъ редутомъ и занесенный глубокимъ снѣгомъ, изъ подъ котораго мѣстами выставляются камни, покрытые гололедицею. Бураны, составляющіе здѣсь обычное явленіе, грозятъ мгновенно и неминуемо погрести въ снѣгахъ всякаго мѣсльчака, который бы рискнулъ замѣшкаться долго на перевалѣ.

Собственно главная русская армія перешла Балканы въ двухъ другихъ пунктахъ. Одна часть ея (около 55 тыс. чел.), подъ предводительствомъ генерала Гурко, совершила переходъ у Этрополя, причемъ ей пришлось побороть чрезвычайныя трудности зимняго похода по обледенѣлымъ снѣжнымъ вершинамъ и крутизнамъ, непрерывно сражаясь съ неприятелемъ, занимавшимъ всѣ удобопроходимыя мѣста. Другая же часть нашей арміи (около 45 тыс. человекъ), подъ предводительствомъ генерала Радецкаго, двигаясь по колѣно въ снѣгу, перешла Балканы у Шипки. Но намъ нужно было попытаться

хотя бы незначительную часть нашихъ войскъ переправить именно черезъ Траянскій проходъ для того, чтобы, совершивъ такой подвигъ, поразить турокъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ движенія нашей главной арміи и тѣмъ облегчить послѣдней переходъ черезъ Балканы. Выполненіе этого страшно труднаго, почти невозможнаго дѣла возложено было на отрядъ генерала Карцова. Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря отрядъ двинулся въ путь, таща на салазкахъ и лубкахъ тяжелѣйшія пушки, причемъ въ каждыя салазки впрягалось по нѣсколько буйволовъ и до 30 человѣкъ. Саперы, слѣдуя впереди и поминутно проваливаясь по грудь въ снѣжныя ямы, кое какъ намѣчали тропу, которая вилась зигзагами по откосу, такъ что одного неосторожнаго шага было достаточно, чтобы свалиться въ пропасть. Все это происходило притомъ въ облакахъ, которыя до того окутывали Траянъ со всѣхъ сторонъ, что впереди можно было видѣть не далѣе, какъ на 10 шаговъ. Добравшись, съ неимоверными усиліями, до самаго черепа перевала и проведя тамъ день Рождества Христова, отрядъ генерала Карцова 26-го декабря уже штурмовалъ турецкій редутъ, ворвался въ него и прогналъ турокъ. Послѣ того приходилось спускаться въ такъ называемую Долину Розъ по южному склону Балкановъ, который еще гораздо круче сѣвернаго. Вслѣдствіе этого, спускъ былъ еще труднѣе, еще ужаснѣе подъема. Какъ только русскіе спустились съ Траяна, турки покинули свои позиціи у подножія Великихъ Балкановъ, а отрядъ генерала Карцова вошелъ въ связь съ одной стороны—съ отрядомъ генерала Гурко, а съ другой—съ шипкинскимъ отрядомъ генерала Радецкаго.

Спустившись съ Балкановъ въ Долину Розъ, ге-

нераль Радецкій, вмѣстѣ съ явившимся ему на помощь изъ подъ Плевны (послѣ ея паденія) генераломъ Скобелевымъ 2-мъ, атаковалъ, 28-го декабря, стоявшую передъ Шипкой, у Казанлыка, 25-тысячную турецкую армію, которая, послѣ упорнаго сопротивленія, была разбита и взята въ плѣнъ.

Разгромивъ и разсѣявъ Шипкинскую турецкую армію совершивъ безпримѣрный въ исторіи переходъ черезъ Балканы, русскія войска продолжали двигаться быстро и безостановочно впередъ, отражая турецкіе отряды, осмѣливавшіеся дѣлать на нихъ нападенія, или преграждать имъ путь. Въ виду такого побѣдоноснаго движенія русской арміи къ завѣтному пункту—Константинополю, устрашенный турецкій султанъ, еще въ началѣ января 1878 года, прислалъ къ нашему главнокомандующему уполномоченныхъ съ просьбою о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о заключеніи мира. Но пока шли переговоры, русскія войска безпрепятственно подвигались впередъ, заняли 8 января 1878 года безъ боя даже Адрианополь—вторую столицу Турецкой имперіи и подступили къ самому Константинополю. Тогда, 19-го января, заключено было перемиріе, а черезъ мѣсяць 19-го февраля 1878 г., въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано, верстахъ въ десяти отъ Константинополя, побѣжденная и разгромленная Турція приняла предложенныя ей Россію условія мира.

Между тѣмъ великія европейскія державы требовали, чтобы мирныя условія эти переданы были на ихъ разсмотрѣніе. Уступая настояніямъ означенныхъ державъ, Императоръ Александръ II вынужденъ былъ согласиться на предъявленное ими требованіе. Такимъ образомъ, Санъ-Стефанскій мирный договоръ былъ только предварительнымъ: великія европейскія державы утвердили его со значительными

измѣненіями. Эти измѣненныя условія мира были подписаны 1 іюля 1878 г. уполномоченными всѣхъ великихъ державъ на конгрессѣ въ Берлинѣ, послѣ чего, 27 января 1879 года, подписанъ былъ въ Константинополѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, и окончательный мирный договоръ между Россіей и Турціей.

Императоръ Александръ Николаевичъ могъ бы, конечно, съ полнымъ правомъ настаивать на утвержденіи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора безъ всякихъ измѣненій; но тогда Россіи предстояла бы новая война съ Европою. Между тѣмъ Государь глубоко чувствовалъ необходимость мира: пора было дать отдохнуть русскому народу, понесшему столько жертвъ въ борьбѣ за братьевъ-славянъ! Жалѣя народъ свой, Государь рѣшилъ—какъ ни тяжело ему было—не настаивать на всемъ томъ, что было добыто дорогою русскою кровью и утверждено Санъ-Стефанскимъ договоромъ съ Турціей, и согласился въ Берлинѣ на большія уступки, которыя не помѣшали, однако, освобожденію христіанскихъ народовъ Турціи.

По окончательному мирному договору съ Портою, Турція обязалась признать полную независимость Сербіи и Румыніи, съ прирѣзкою къ нимъ значительныхъ пространствъ земли; Болгарія раздѣлена была на двѣ части, дунайскую и забалканскую: первая, лежащая къ сѣверу отъ Балкановъ, образовала особое, самостоятельное Болгарское княжество, связанное съ Турціею только тѣмъ, что уплачиваетъ султану ежегодную дань; южная же часть Болгаріи, подъ названіемъ „Восточной Румелии“, осталась въ зависимости отъ Турціи, но при этомъ тамъ введено самоуправленіе, съ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ; Боснія и Герцеговина изъ-

яты изъ-подъ вѣдѣнія Турецкой Имперіи, избавлены отъ ея злоупотребленій и въ послѣдствіи перешли въ управленіе Австріи; въ остальныхъ же славянскихъ областяхъ Турція обязалась ввести необходимыя преобразованія и улучшенія, наконецъ, признана полная свобода и равноправность всѣхъ вѣроисповѣданій на Балканскомъ полуостровѣ. Что же касается собственно Россіи, то въ Европѣ ей возвращена та часть Бессарабіи, которая была уступлена ею Турціи послѣ Крымской кампаніи, по Парижскому мирному договору 1856 г., благодаря чему Россія вновь достигла устьевъ рѣки Дуная; въ Азіи же она приобрѣла часть турецкихъ владѣній, съ портомъ Батумомъ и крѣпостью Карсомъ, которые обезпечиваютъ здѣсь нашу безопасность и наше развитіе на будущее время. Наконецъ, за понесенныя Россіею военныя издержки, Турція обязалась уплатить ей денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 300 милліоновъ рублей.

Такъ окончилась русско-турецкая война 1877—1878 годовъ,—эта безкорыстная борьба за освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова, и хотя Россія, вслѣдствіе вмѣшательства Европы, далеко не получила того, на что имѣла право разсчитывать послѣ принесенныхъ ею громаднхъ жертвъ и одержанныхъ славныхъ побѣдъ, тѣмъ не менѣе главная, святая цѣль войны была достигнута: въ достопамятный день освобожденія крестьянъ въ Россіи—и славянскіе народы Балканскаго полуострова освобождены были, при помощи Россіи и ея великаго Монарха, отъ тяготѣвшаго надъ ними въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ турецкаго ига. Императору Александру II, даровавшему свободу многимъ милліонамъ собственныхъ подданныхъ, выпала славная роль и

освободителя балканскихъ христіанъ, которыми онъ вторично названъ былъ Царемъ-Освободителемъ.

ГЛАВА IX.

Злодѣйснiя посягательства на жизнь Государя и мученическая его кончина.

Возстановляя въ памяти все пережитое русскимъ народомъ въ теченіе царствованія Императора Александра II и сравнивая положеніе Россіи къ концу этого царствованія съ тѣмъ, какимъ оно было въ началѣ того же царствованія, нельзя не изумиться благодѣтельной перемѣнѣ, происшедшей въ этотъ короткій промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣвшей надъ ними нѣсколько вѣковъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта, отмена позорныхъ и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій, городского самоуправления, новыхъ судовъ и всеобщей воинской повинности, не считая другихъ, менѣе важныхъ, преобразованій, нововведеній и улучшеній, совершившихся по волѣ Царя-Освободителя,—имѣли неизмѣримое вліяніе на умственное и нравственное возрожденіе русскаго народа и, можно сказать, дали Россіи полное внутреннее обновленіе.

Преобразовательная дѣятельность Императора Александра II, по ширинѣ и глубинѣ совершенныхъ въ его царствованіе реформъ, можно сравнить только съ государственными преобразованіями, задуманными и направленными по мысли и волѣ перваго Императора земли русской—Петра Великаго.

Оглядываясь затѣмъ на войны того-же царствованія, нельзя не замѣтить, что всѣ онѣ были начаты и ведены не подъ вліяніемъ честолюбія, не ради жажды завоеваній, но исключительно по чувству человѣколюбія, съ цѣлью или огражденія живущихъ на окраинахъ государства русскихъ отъ хищническихъ набѣговъ полудикихъ азіатскихъ племенъ (покореніе Кавказа, Кокана, Бухары и Хивы), или же освобожденія угнетенныхъ единоплеменниковъ (освобожденіе балканскихъ славянъ).

Неустанно заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, Императоръ Александръ Николаевичъ, въ теченіе 26 лѣтъ своего славнаго царствованія, не упустилъ изъ виду ничего, что могло бы послужить къ возвеличенію отечества и упроченію благоденствія русскаго народа, надъ которымъ Богъ поставилъ его Государемъ. Цѣлый рядъ великихъ и мудрыхъ дѣлъ задумалъ и совершилъ Государь на пользу и счастье Россіи, не страшась трудностей и не робѣя передъ препятствіями, съ вѣрою въ помощь Всевышняго и съ любовью къ своему народу. Много трудовъ и заботъ потребовалось для того, чтобы ввести въ государствѣ новые порядки, дать имъ окрѣпнуть и вырости на благо и пользу отечества; много нужно было и твердой воли, чтобы, не останавливаясь ни предъ какими преградами, идти неуклонно впередъ по разъ начертанному пути.

Не смотря, однако, на неусыпные труды и отеческія заботы Императора Александра II-го, не смотря на всѣ его громадныя заслуги передъ отечествомъ, на его безпредѣльную доброту, великое милосердіе и рѣдкое человѣколюбіе,—среди русскихъ же людей нашлась горсть тайныхъ злоумышленниковъ, которые, преслѣдуя какія-то туманныя цѣли, неоднократно

но пытались перевернуть вверхъ дномъ весь мирный строй вскормившей ихъ отчизны. Стремясь къ несбыточнымъ переворотамъ и прикрываясь любовію къ народу, эти темные враги Бога, Царя и отечества не останавливались для достиженія своей цѣли ни передъ какимъ преступленіемъ, причемъ непомѣрная дерзость ихъ дошла, наконецъ, до послѣднихъ предѣловъ: они осмѣлились неоднократно покушаться на драгоценную жизнь Царя-Освободителя.

Первое злодѣйское посягательство на жизнь Государя совершено было 4-го апрѣля 1866 года, посредствомъ выстрѣла изъ пистолета, произведеннаго проклятымъ народною памятью Каракозовымъ. Но пуля, направленная рукою злодѣя, среди бѣлаго дня, на глазахъ толпы народа, въ великаго Государя, не коснулась его священной особы.

Знаменательно въ этомъ дѣлѣ то, что Провидѣніе избрало для спасенія жизни Царя-Освободителя одного изъ тѣхъ 22-хъ милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ, которымъ по слову этого Царя дарована была свобода. Имя этого крестьянина—Осипъ Ивановъ Коммисаровъ.

Уроженецъ Костромской губерніи, Коммисаровъ жилъ въ С.-Петербургѣ, и, какъ бѣольшая часть его земляковъ, обучался шапочному мастерству, состоя подмастерьемъ. 4-го апрѣля 1866 г., Коммисаровъ, будучи именинникомъ, подходилъ, гуляя, къ воротамъ Лѣтняго сада, причемъ увидѣлъ экипажъ, окруженный толпою народа. Узнавъ, что это экипажъ Государя и что самъ Государь прогуливается по саду, Коммисаровъ остановился у воротъ сада, чтобы, вмѣстѣ съ находившимся тутъ народомъ, посмотреть на своего Освободителя. Спустя нѣкоторое время изъ сада, дѣйствительно, вышелъ Государь и, по-

дойдя къ коляскѣ, хотѣлъ было уже надѣвать шинель. Въ это время какой-то неизвѣстный чело­вѣкъ сталъ настолько сильно проталкиваться впередъ мимо Коммисарова, что тотъ, хотя и желалъ самъ поближе видѣть Императора, долженъ былъ, понево­лѣ, отодвинуться и дать незнакомцу мѣсто пройти. Но тутъ Коммисаровъ замѣтилъ, что пробравшійся сквозь толпу чело­вѣкъ начинаетъ изъ пистолета цѣлиться въ Императора; не теряя ни секунды времени, Коммисаровъ быстро ударилъ злодѣя подъ локоть, раздался выстрѣлъ и пуля пролетѣла мимо Государя.

Подвигъ Коммисарова оцѣненъ былъ Государемъ по достоинству: изъ простаго крестьянина и под­мастерья Коммисаровъ возведенъ былъ, по Высочайшему указу, въ дворянское достоинство и наименованъ Коммисаровымъ-Костромскимъ.

Возмутительное событіе 4-го апрѣля 1866 г. какъ громомъ поразило всю Россію; но ужасъ вѣрно под­данныхъ и глубокая скорбь ихъ о томъ, что среди облагодѣтельствованнаго Государемъ народа нашелся чело­вѣкъ, посягнувшій на драгоцѣнную жизнь этого Царя-Благодѣтеля, умягчались всеобщею безпредѣльною радостію по случаю чудеснаго спасенія обожаемаго Монарха отъ угрожавшей ему опасности.

Государь много разъ горячо благодарилъ всѣхъ, являвшихся къ нему съ выраженіями своихъ вѣрно­подданническихъ чувствъ. „Я глубоко тронутъ, гос­пода“,—говорилъ онъ имъ,—„выраженіями чувствъ преданности, которыя стекаются ко мнѣ со всей Россіи: въ этихъ чувствахъ я не сомнѣвался никогда, а въ настоящемъ случаѣ они служатъ мнѣ истин­нымъ утѣшеніемъ. Въ охраненіи дней моихъ я вижу Божію волю, и съ новыми силами буду продолжать трудиться для блага Россіи, которую люблю выше

всего; все, что ни дѣлается, дѣлается къ лучшему, и я теперь достойно награжденъ за всѣ мои труды и за безпредѣльную любовь къ Россіи... Благодарю Васъ. Я увѣренъ, что вы сохраните мнѣ вашу любовь и преданность навсегда, а когда не станетъ меня, перенесете ихъ на наслѣдника моего". Государь обнялъ и поцѣловалъ при этомъ великаго князя Александра Александровича. У всѣхъ присутствовавшихъ навернулись слезы на глазахъ. „Богъ да сорханить Васъ надолго, Государь, вся Россія молить Его объ этомъ"—послышалось въ залѣ. „Благодарю Васъ, господа, за ваши молитвы"—отвѣчалъ Государь: — „благодарю васъ за ваши чувства; я постоянно молю Бога за Россію, за всѣхъ васъ, молю, чтобъ Онъ даровалъ мнѣ силы продолжать начатое дѣло“.

Но прошелъ всего годъ съ небольшимъ со времени совершенія гнуснаго, противнаго и Божескимъ и человѣческимъ законамъ, дѣла Каракозова, какъ совершено было, посредствомъ выстрѣла изъ пистолета, второе злодѣйское покушеніе на драгоцѣнную жизнь того, который самъ даровалъ новую жизнь милліонамъ русскихъ людей, освободивъ ихъ отъ тяжелаго вѣкового рабства. Это новое злодѣяніе совершено было 25 мая 1867 г., во время пребыванія Государя въ столицѣ Франціи — Парижѣ, польскимъ выходцемъ Березовскимъ. Но Провидѣніе Божіе и на этотъ разъ чудеснымъ образомъ спасло для русскаго народа его Царя-Освободителя.

Почти двѣнадцать лѣтъ прошло затѣмъ безъ новыхъ преступныхъ посягательствъ на священную особу Государя Императора. Но тутъ къ вѣчно терзающимъ слухъ русскаго человѣка фамиліямъ Каракозова и Березовскаго присоединилась еще одна

несчастливая фамилия—Соловьева, которымъ сдѣлано было, 2 апрѣля 1879 г., третье по счету покушеніе на жизнь Императора Александра II, пятью выстрѣлами изъ револьвера, почти въ упоръ.

Хотя рука Божія вновь отстранила ударъ, направленный противъ Царя-Освободителя, но злодѣяніе это повлекло за собою цѣлый рядъ другихъ посягательствъ на жизнь Государя со стороны лицъ, принадлежащихъ къ особому тайному сообществу, поставившему себѣ цѣлю ниспровергнуть, путемъ насилія и народнаго возстанія, существующій въ Россіи государственный и общественный строй.

Приверженцами означеннаго преступнаго сообщества заложена была, подъ полотномъ желѣзной дороги, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, мина, съ цѣлю взорванія динамитомъ императорскаго поѣзда, въ которомъ находился Государь, по пути изъ Крыма, причемъ, однакоже, при проходѣ 18 ноября 1879 г. означеннаго поѣзда чрезъ Александровскъ, взрыва, не произошло и поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ.

На слѣдующій день, 19 того же ноября, съ тою же цѣлю лишенія жизни Императора, произведенъ былъ взрывъ полотна на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, близъ Москвы, при прохожденіи поѣзда съ императорскою свитою, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники очевидно предполагали присутствіе Государя, не причинившее, однако же, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ.

Наконецъ, 5 февраля 1880 г., совершено было новое покушеніе на жизнь Императора посредствомъ произведеннаго съ неимовѣрною наглостію взрыва столовой комнаты въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

Но Небесный Промыселъ всякій разъ невидимою и чудесною силою спасалъ жизнь Своего избраннаго Помазанника.

Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ послѣдовалъ за двѣ недѣли до торжественнаго празднованія двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, происходившаго 19 февраля 1880 года. То былъ дѣйствительно всенародный, рѣдкій въ лѣтописяхъ исторіи, праздникъ, и съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ отпразднованъ былъ этотъ незабвенный день какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и во всей вообще Россіи.

Но среди милліоновъ радостно настроенныхъ русскихъ сердець, въ то время, когда церкви Россіи громкимъ трезвономъ оглашали воздухъ и всѣ дома разукрашены были флагами, одному только человѣку на Руси праздникъ былъ не въ праздникъ. Человѣкъ этотъ былъ — самъ Царь, творецъ счастья многихъ милліоновъ русскихъ людей и виновникъ торжества. Государь не сомнѣвался въ живомъ, искреннемъ чувствѣ къ нему народа, онъ зналъ и чувствовалъ, что Россія любитъ своего Царя отъ души и предана ему безпредѣльно; но онъ зналъ и чувствовалъ въ то же время, что, не смотря на всю славу его царствованія, не взирая на всѣ великія событія, его наполняющія, земля русская носитъ на себѣ горсть тайныхъ злодѣевъ, адскіе замыслы которыхъ не въ силахъ остановить ни рядъ Божіихъ чудесъ, ни страхъ Божьей и человѣческой кары, ни проклятіе русскаго народа.

22 мая того же 1880 года Императоръ Александръ Николаевичъ, а съ нимъ и вся Россія, поражены были новымъ горемъ: въ этотъ день тихо скончалась въ С.-Петербургѣ, словно заснула, уже

давно страдавшая болѣзнію легкихъ Императрица Марія Александровна, вся жизнь которой посвящена была заботамъ о дѣлахъ воспитанія, благотворительности, милосердія и религіи.

Между тѣмъ крамола, не смотря на всѣ предпринимавшіяся противъ нея мѣры, незамѣтно дѣлала свое ужасное подпольное дѣло. Замысливъ царубійство, крамольники притихли было, на время, для того, чтобы возмущенное ими общество успокоилось, увѣровало въ ихъ исчезновеніе, а между тѣмъ, собравшись съ силами и рѣшившись, во что бы то ни стало, привести свой адскій замыселъ въ исполненіе, занялись необходимыми къ тому приготовленіями.

Наступило роковое воскресенье 1 марта 1881 года.

Около часа пополудни, Императоръ выѣхалъ въ каретѣ изъ Зимняго дворца въ С.-Петербургѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, въ Михайловскій манежъ, для присутствованія при назначенномъ тамъ въ этотъ день разводѣ съ церемонією. Выходя, по окончаніи развода, изъ манежа, около трехъ четвертей второго часа и узнавъ, что великій князь Михаилъ Николаевичъ, также присутствовавшій при разводѣ, намѣренъ посѣтить великую княгиню Екатерину Михайловну въ Михайловскомъ дворцѣ, Государь предложилъ брату ѣхать вмѣстѣ. Пробывъ въ Михайловскомъ дворцѣ около получаса, Императоръ уѣхалъ отсюда, въ началѣ третьяго часа пополудни, уже одинъ, безъ великаго князя, сказавъ кучеру: „той же дорогой домой“. Карета направилась по Инженерной улицѣ, а затѣмъ повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту, причемъ ѣхала настолько быстро, что сопровождавшій экипажъ Государя конвой, состоявшій изъ шести конныхъ казаковъ, слѣ-

довавшихъ впереди, съ боковъ и сзади императорскаго экипажа, принужденъ былъ скакать.

На разстояніи около 50-ти сажень отъ угла Инженерной улицы карета Государя, проѣзжая по набережной канала, мимо сада Михайловскаго дворца, поравнялась съ шедшимъ на встрѣчу ей, по панели канала, молодымъ человѣкомъ, оказавшимся въ послѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Поравнявшись съ императорскою каретою, Рысаковъ повернулся къ ней лицомъ и, прежде чѣмъ конвойные могли сообразить что-либо, быстро метнулъ подъ ноги впряженныхъ въ карету лошадей что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга и оказавшееся въ послѣдствіи завернутымъ въ платокъ разрывнымъ снарядомъ. Въ тотъ же мигъ раздался страшный взрывъ, подобный залпу изъ орудій; густое облако бѣлаго дыма, снѣга и разныхъ осколковъ поднялось кверху; скакавшіе сзади царскаго экипажа два конвойныхъ казака свалились ренные съ лошадей; тутъ же на тротуарѣ стоналъ смертельно ренный 14-ти-лѣтній крестьянскій мальчикъ. Карета Государя оказалась сильно поврежденною взрывомъ: всѣ четыре стекла и маленькое окно сзади были разбиты, кузовъ отъ дверецъ по бокамъ и сзади расщепленъ, задняя стѣнка разрушена, дно снизу отчасти повреждено. Самъ Государь остался, однако, совершенно невредимымъ, приказалъ кучеру остановить лошадей, отворилъ лѣвую дверцу и вышелъ изъ кареты.

Между тѣмъ Рысаковъ, бросивъ подъ карету Государя взрывчатый снарядъ, пустился было бѣжать по направленію къ Невскому проспекту, но, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ мѣста взрыва, поскользнулся, упалъ и былъ схваченъ подоспѣвшими

солдатами. Вхавшій вслѣдъ за экипажемъ Государя, на разстояніи не болѣе двухъ сажень отъ него, въ саняхъ, запряженныхъ парюу въ пристяжку, полиціймейстеръ 1-го Отдѣленія С.-Петербурга полковникъ Дворжицкій выскочилъ изъ саней и бросился къ императорской каретѣ, гдѣ, встрѣтивъ выходившаго изъ нея невредимымъ Государя, доложилъ Императору, что преступникъ задержанъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ Государю свои сани, для возвращенія въ Зимній дворецъ. Государь пожелалъ, однако, прежде видѣть несчастныхъ раненыхъ и преступника и потому направился къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный собравшеюся толпою народа Рысаковъ. Идя по тротуару канала и услышавъ тревожный вопросъ: „Что съ Государемъ?“ Императоръ оглянулся и, не доходя шаговъ десяти до преступника, отвѣтилъ: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ“—и указалъ при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ съ зловѣще-радостною улыбкою замѣтилъ: „Еще слава-ли Богу“. Приблизившись къ задержанному и освѣдомившись, онъ-ли бросилъ разрывной снарядъ, Императоръ, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствовавшихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой,—на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ, подъ именемъ котораго онъ проживалъ въ послѣднее время по подложному паспорту.

Затѣмъ, едва только Государь, желая посмотреть мѣсто взрыва, отошелъ отъ задержаннаго Рысакова и успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по панели вдоль канала, по направленію къ своему экипажу, какъ другой неизвѣстный человѣкъ, стоявшій прислонившись къ рѣшеткѣ канала, выждавъ приближеніе Им-

ператора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ, приподнялъ руки вверхъ и бросилъ что-то на панель къ самымъ ногамъ Государя. Въ тотъ же мигъ (спустя не болѣе 4—5 минутъ послѣ перваго взрыва) раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и ключевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же поднятый взрывомъ столбъ разсѣялся, пораженнымъ взорамъ присутствовавшихъ представилось поистинѣ ужасающее зрѣлище: до двадцати человекъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ обоими взрывами лежали у тротуара и на мостовой; въ числѣ ихъ находился и Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ фуражки и шинели, полусидѣлъ на ней горячо любимый народомъ Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась изъ нихъ, лицо было въ крови... Тутъ же лежали, свалившіяся съ головы и плечъ Государя фуражка и шинель, отъ которыхъ остались одни лишь окровавленные и обожженные клочья.

При видѣ столь неожиданнаго, столь невѣроятнаго несчастія, не только оставшіеся невредимыми, но и пострадавшіе отъ взрывовъ бросились на помощь къ Государю. Тяжело раненый рядомъ съ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва-внятнымъ голосомъ произнесенное слово Государя „помоги“ и, вскочивъ, подбѣжалъ къ нему, вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то изъ окружавшихъ Императора подаль платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „холодно, холодно“. Тогда, приподнявъ съ земли израненнаго Императора,

уже начинавшаго терять сознание, окружавшія его лица, при подоспѣвшемъ изъ Михайловскаго дворца великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли его къ санямъ полковника Дворжицкаго. Наклонившись къ правому плечу Государя, уже несомого на рукахъ, великій князь спросилъ, слышитъ-ли Его Величество, на что Императоръ тихо отвѣтилъ: „слышу“; на дальнѣйшій вопросъ о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Императоръ сказалъ: „скорѣе... во дворецъ“, а затѣмъ, какъ-бы въ отвѣтъ на услышанное имъ предложеніе внести его въ ближайшій домъ для подавія первоначальной помощи, Государь произнесъ: „несите меня во дворецъ... тамъ... умереть“... То были послѣднія, слышанныя свидѣтелями—очевидцами злодѣйскаго преступленія 1-го марта, слова умиравшаго Монарха. Послѣ этого Императоръ помѣщенъ былъ въ сани полковника Дворжицкаго и повезенъ въ Зимній дворецъ.

Между тѣмъ, на мѣстѣ ужаснаго происшествія стали подбирать пострадавшихъ отъ взрывовъ раненыхъ; всего ихъ оказалось около 20 человекъ, причемъ въ числѣ ихъ былъ и виновникъ рокового второго взрыва, пресѣкшаго драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя. Этотъ неизвѣстный человекъ, лѣтъ около 30-ти отъ роду, проживавшій, до совершенія своего адскаго замысла, по подложному паспорту на имя виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова и оказавшійся, какъ обнаружилось впоследствии, полякомъ Гриневецкимъ, умеръ, спустя восемь часовъ по доставленіи его, въ безсознательномъ состояніи, въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, отъ смертельныхъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ же самимъ снаряда.

По доставленіи во дворецъ, Государь находился

уже въ совершенно безсознательномъ состояніи: лицо его было крайне блѣдно, глаза полуоткрыты, челюсти судорожно сжаты, дыханіе неполное и едва слышалось самое слабое біеніе сердца. Во дворець прибыли наслѣдникъ цесаревичъ и прочіе члены царскаго дома. Приступлено было къ употребленію разныхъ возбуждающихъ средствъ, для оживленія дѣятельности сердца и мозга, но всѣ попытки оказывались безуспѣшными. Одно время казалось, что дыханіе сдѣлалось какъ будто нѣсколько полнѣе, и этимъ моментомъ воспользовался духовникъ, протопресвитеръ Бажановъ, для приобщенія Императора Святыхъ Тайнъ; но вскорѣ послѣ того дыханіе стало снова видимо ослабѣвать и подававшіе медицинскую помощь врачи были только свидѣтелями мало-помалу угасавшей жизни великаго Монарха. Не смотря на настойчивое и усиленное употребленіе различныхъ оживляющихъ средствъ, дыханіе постепенно слабѣло, а въ 3 часа 35 минутъ пополудни Императора Александра II не стало...

Таковы обстоятельства, при которыхъ совершилось неслыханное злодѣяніе, безвременно положившее предѣлъ драгоцѣнной жизни Монарха, бывшаго по истинѣ гордостію и славою Россіи. Такъ окончилось земное поприще этого великаго, по благодареніямъ своему народу, Государя, вся жизнь котораго была единымъ непрерывнымъ подвигомъ любви на благо и счастье своихъ подданныхъ.

Императоръ Александръ II великъ былъ не только какъ Царь многомилліоннаго народа, но и какъ рѣдкій человѣкъ, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его человѣколюбивая душа такъ и свѣтилась во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Будучи неограниченнымъ, самодержавнымъ

Монархомъ обширнѣйшаго въ мірѣ царства, этотъ Царь-Человѣкъ во всей своей дѣятельности руководился, главнымъ образомъ, велѣніями своего любящаго сердца. Являя высокій примѣръ самоотверженной христіанской любви и оставаясь вѣрнымъ себѣ до конца, онъ жилъ для того, чтобы возвеличить ввѣренную ему Богомъ Россію, облегчить нужды и упрочить благосостояніе своего народа. И что же? Святотатственная рука отняла у него жизнь среди бѣлаго дня, въ его же собственной столицѣ, обагрила его невинною царственною кровью землю русскую, осквернила ее злодѣянiемъ царубійства.

Императоръ Александръ Николаевичъ погибъ какъ истинный мученикъ отъ руки гнуснаго злодѣя, палъ искупительною жертвою злодѣйскаго замысла, подобно тому, какъ пали и нѣкоторые другіе искренніе друзья человѣчества, поборники истины и правды, которые за правду и истину были и гонимы, и поругаемы, и убиваемы. Великая и могучая Русь не сумѣла уберечь драгоценную жизнь своего Царя-Освободителя и Благодѣтеля русскаго народа, не смогла охранить своего заветнаго сокровища, своей народной гордости отъ покушеній и поруганій горсти злодѣевъ-крамольниковъ. Искалѣченные умственно, извращенные нравственно, безумцы эти убили того Царя, который выше всѣхъ современниковъ держалъ знамя человѣчности и больше всѣхъ ихъ совершилъ великаго подъ этимъ священнымъ для него знаменемъ, который всѣ двадцать шесть лѣтъ своего славнаго царствованія, будучи великимъ Царемъ, не переставалъ быть въ то же время и благороднѣйшимъ человѣкомъ, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Совершая цареубійство, крамольники думали своимъ злодѣйствомъ замутить и потрясти Россію, но жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. Невинная кровь Царя-Мученика сдѣлала его кроткій, свѣтлый образъ еще болѣе любезнымъ въ глазахъ вѣрнаго и преданнаго ему народа; мученическая кончина его еще крѣпче, чѣмъ когда-либо, связала русскій народъ съ царствующимъ домомъ, еще глубже, чѣмъ было дотолѣ, внѣдрила въ душу и сознаніе этого народа его исконное вѣрованіе, что Царь все-россійскій—есть по истинѣ священный залогъ и оплотъ величія Россіи и благоденствія русскаго народа, что въ живомъ нераздѣльномъ союзѣ съ нимъ народа—несокрушимая сила русскаго государства.

Народъ въ Царѣ, а Царь въ народѣ,—
Вотъ наша сила, Богъ за насъ!

